

РИНА ОРЕ

МЕРИДЕЯ ХРОНИКИ КОНЦА СВЕТА

ТРИ ЦВЕТКА И ДВЕ ЕЛИ

ТОМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Рина Оре

Три цветка и две ели. Первый том

«ЛитРес: Самиздат»

2019

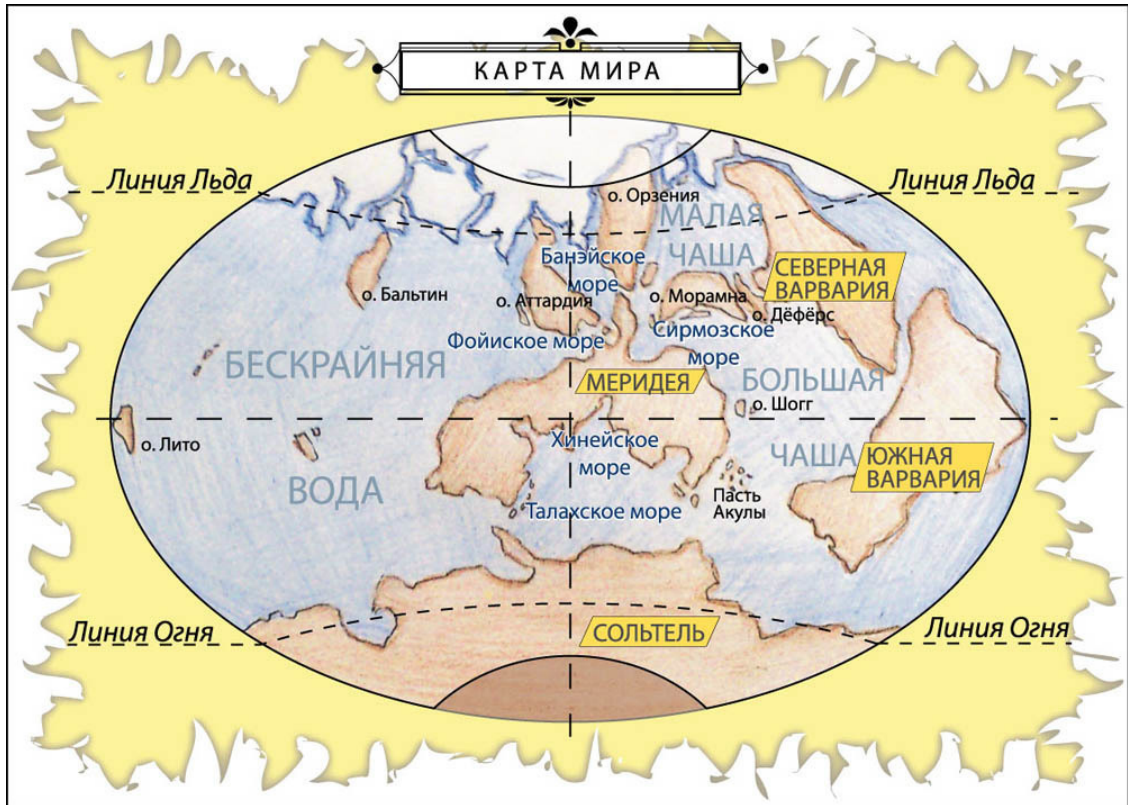
Рина Оре

Три цветка и две ели. Первый том / Рина Оре — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вторая книга из цикла «Меридея. Хроники Конца Света» непосредственно продолжает первую книгу - «Гибель Лодэтского Дьявола». Теперь действие романа переносится в «Самое северное королевство», в маленький город, где нравы строже, предрассудки дремучи, а жизнь на первый взгляд скучна... Содержит нецензурную брань.

Содержание

О Меридее и Конце Света	6
Времяисчисление Меридеи	8
Праздники Меридеи	11
Пролог	13
Глава I	14
Глава II	30
Глава III	50
Глава IV	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

О Меридее и Конце Света

Всё изложенное в книге – художественный вымысел. Любые совпадения служат для описания мира, так похожего на наш.

Принадлежит этот мир прошлому нашей планеты или будущему – неизвестно и несущественно. Он ограничен Линией Льда на севере и Линией Огня на юге и состоит из четырех континентов: Меридеи, Южной Варварии, Северной Варварии и Сольтеля – самого южного и жаркого материка. Живущие в Меридее люди называют себя меридейцами, верующие – меридианцами; о трех других континентах меридейцы имеют смутное представление, щедро приправленное домыслами и небылицами.

Меридея – это собирательный образ Средневековья с ноткой Античности. Одни королевства будто живут в XV веке, другие еще в XIII. Воссоздавая те времена, невозможно избежать такой темы, как религия, поэтому для вымышленного мира придумана «меридианская вера», несколько похожая на христианскую. Впрочем, религиозная составляющая в данной книге второстепенна. Другой неоднозначный момент касается возраста. Общеизвестно, что в Средние века люди жили недолго, рано вступали в брак, детство заканчивалось в семь лет. В Меридее всё точно так же, но из-за солнечной активности время там течет иначе, поэтому их четырнадцать лет – это восемнадцать для нас. И третье: забудьте современные представления о морали, праве, быте, государстве, политике, медицине, образовании, играх, оружии, мерах длины и веса, даже о терминах или привычном смысле слов. Попадая в эпоху Средневековья, вы словно попадаете на другую планету, – тем более, если речь идет о вымышленном мире. Постепенно, от главы к главе, мир Меридеи будет раскрываться и насыщаться деталями. Советую быстро пробежать глазами раздел «Времяисчисление Меридеи» и возвращаться к нему, если что-то будет непонятно в датах или праздниках. Пролог также может показаться сложным из-за названий королевств, имен персонажей, череды событий, – усердно запоминать не надо – в нужное для сюжета время будут повторения, подробности, карты. Еще автор посчитал нужным отказаться от многих терминов заимствованных в Новое время и Новейшее время из французского, английского, немецкого или нидерландского языков, если удалось найти адекватные синонимы из русского, латинского, греческого, правда, порой пришлось выдумывать новые слова, например: «крестьянин» – это «христианин». Сами понимаете, христиан в Меридее нет...

Автор просит прощения, если кого-то обидят слова из его книги. В любой культуре есть дикие предрассудки, и Меридея их не избежала.

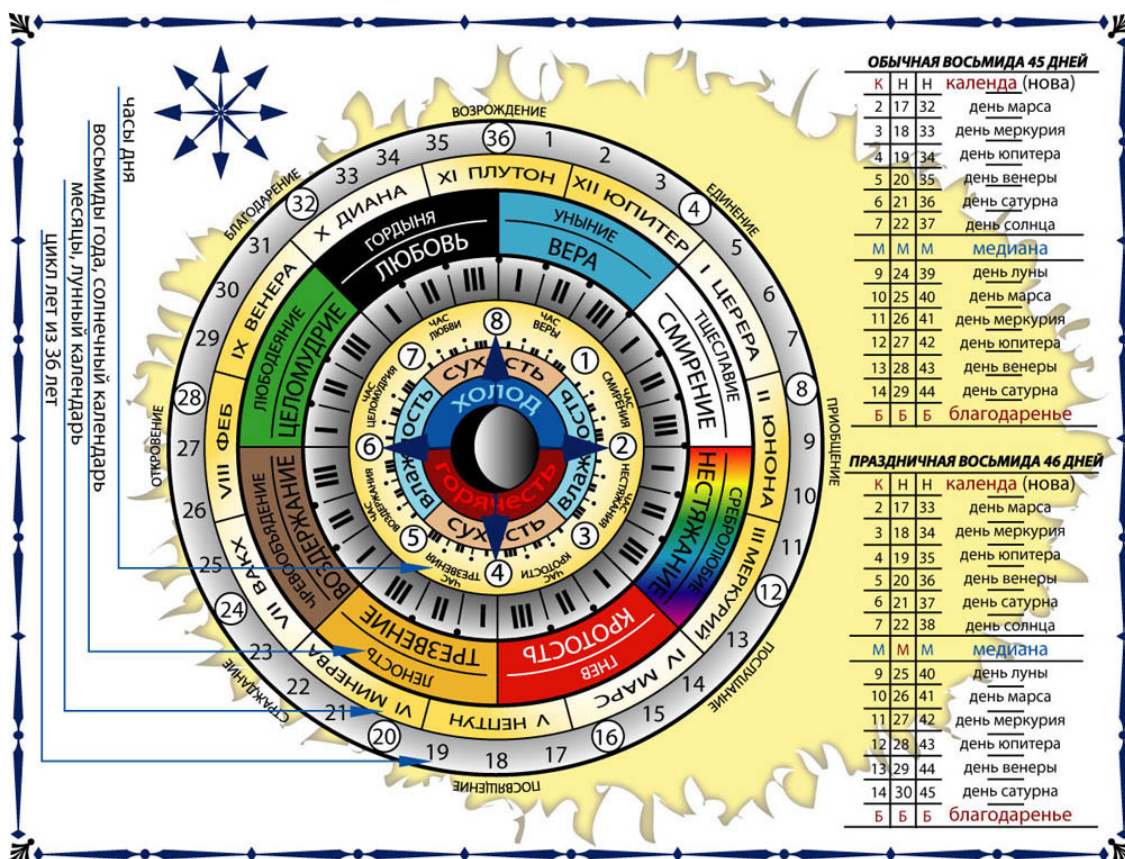
Меридианцы боятся Конца Света, апокалипсиса, а он может наступить в конце каждого года из-за столкновения светил. Чтобы предотвратить Конец Света люди должны следовать указаниям часов и календаря. Год и день разбиты на восемь частей, по числу Добродетелей и Пороков, которые понимаются меридианцами как живые, смертные сущности. Кроме того, каждому при рождении выпадает крест из четырех таких сущностей, и если он победит свои порочные склонности, то попадет в небесный Рай, иначе отправится в подземный Ад. Раз в тридцать шесть лет столкновение светил неизбежно, однако среди людей живет таинственное божество, Божий Сын, который жертвует собой, умирает в мучениях и силой своих страданий разводит светила; при этом гибнет лишь его плоть – душа переходит в тело его земного сына, младенца, – благодаря этому, алхимики знают, что теоретически бессмертие возможно для всех людей, и пытаются разгадать эту загадку.

Крест для меридианцев, во-первых, означает перекрест четырех стихий – Воздуха, Воды, Земли и Огня, – всё на свете, материальное и нет, это стихии и их смеси; науку о стихиях они называют – «знание». Характер человека и здоровье также зависят от стихий: гуморальные соки (кровь, слизь, черная желчь и желчь) соответствуют четырем стихиям, «гумор» – это

набор гуморальных соков и астрологический темперамент. Во-вторых: у каждого при рождении есть свой крест из Пороков и Добродетелей. В-третьих: крест указывает на стороны света – и со стрелами на концах он символизирует важность распространения меридианской веры, даже ценой войны, – чем больше будет меридианцев, тем вернее не настанет Конец Света – и мир спасется. В-четвертых: крест это распятие – древнейшая, жестокая и мучительная пытка, какой подвергает себя Божий Сын при смерти. Здесь же снова стоит повторить, что, несмотря на сходство символов и названий, меридианская вера – это лишь художественный вымысел, антураж, канва для создания атмосферы Средних веков.

Как и Средневековье, общество в Меридее разделено на тех, кто молится, кто воюет и кто трудится. Четвертая группа людей – бродяги, не имеющие никаких прав. Духовенство именует себя Экклесией (так в Древней Греции называлось народное собрание – высший государственный орган власти; с латыни на русский «ecclesia» – это церковь). Главный город Экклесии – Святая Земля Меридиан, где, согласно меридианской вере, находится центр мира; там каждый полдень в алтарь старинного храма ударяет молния – и такое явление зовется Божьим Судом. Духовенство держится обособленно от мирян и воинов: не вмешивается в междоусобные войны и не участвует в политических интригах. Но Экклесия ведет Священную войну на континенте Сольтель ради распространения меридианской веры, тогда как алхимики ищут иной путь спасения планеты от Конца Света. Один из них оставил такую запись: «Известно нам, что мир погибал три раза: от Огня, от Воздуха и от Воды. Как ранее спасалось человечество – неясно, но, по словам людей сведущих, единственная возможность уцелеть на этот раз – побороть Смерть и Время».

Времяисчисление Меридеи

Цикл лет – 36 лет (период между столкновениями светил)

Год – 365 дней или 8 восьмид по числу Добродетелей и Пороков

Високосный год – 366 дней (раз в четыре года)

Восьмида года – 45 или 46 дней

1 – Вера (Уныние) – 46 дней

2 – Смирение (Тщеславие) – 45 дней

3 – Нестяжание (Сребролюбие) – 46 дней

4 – Кротость (Гнев) – 46 дней

5 – Трезвение (Леность) – 45 дней (в високосном году – 46 дней)

6 – Воздержание (Чревообъядение) – 45 дней

7 – Целомудрие (Любодеяние) – 46 дней

8 – Любовь (Гордыня) – 46 дней

Триада (треть восьмиды) – 15 дней в обычную триаду, 16 дней, когда празднуются Юпитералий, Меркуриалий, Марсалий, Великие Мистерии, Венераалий или Сатурналий.

Календа – 1-ый день восьмиды или 1-ый день 1-ой триады

Нова – 1-ый день 2-ой и 3-ей триады

Медиана – середина триады

Благодаренье – конец триады (день посещения храма)

Дни в триаде: 1 – календа или нова, 2 – день марса, 3 – день меркурия, 4 – день юпитера, 5 – день венеры, 6 – день сатурна, 7 – день солнца, 8 – медиана, 9 – день луны, 10 – день марса, 11 – день меркурия, 12 – день юпитера, 13 – день венеры, 14 – день сатурна, 15 – благодаренье

День – 16 часов (8 часов от полуночи до полудня и 8 часов от полудня до полуночи)

Час – 72 минуты

Часы дня:

- 1 – час Веры
- 2 – час Смирения
- 3 – час Нестяжания
- 4 – час Кротости
- 5 – час Трезвения
- 6 – час Воздержания
- 7 – час Целомудрия
- 8 – час Любви

Триада часа (треть часа) – 24 минуты

Век – 128 лет

Век человека – 72 года

Возраст Единения – 4,5 года

Возраст Приобщения – 9 лет

Возраст Послушания – 13,5 лет

Возраст Посвящения – 18 лет

Возраст Страдания – 22, 5 года

Возраст Откровения – 27 лет

Возраст Благодарения – 31, 5 год

Возраст Возрождения – 36 лет

Второй возраст Благодарения – 40,5 лет

Второй возраст Откровения – 45 лет

Второй возраст Страдания – 49,5 лет

Второй возраст Посвящения – 54 года

Второй возраст Послушания – 58, 5 лет

Второй возраст Приобщения – 63 года

Второй возраст Единения – 67,5 лет

Второй возраст Возрождения – 72 года

Месяцы:

- 1 – Церера
- 2 – Юнона
- 3 – Меркурий
- 4 – Марс
- 5 – Нептун
- 6 – Минерва
- 7 – Вакх
- 8 – Феб
- 9 – Венера
- 10 – Диана
- 11 – Плутон
- 12 – Юпитер

Начало месяца – появление луны.

Праздники Меридеи

Возрождение – начало года, начало восьмиды Веры, середина зимы

Юпитералий (празднество мертвых) – 23-24-ый день Веры

Перерождение Воздуха – начало весны, начало восьмиды Смирения

Весенние Мистерии – середина весны, начало восьмиды Нестяжания

Меркуриалий (празднество искусств и ловкости) – 23-34-ый день Нестяжания

Перерождение Воды – начало лета, начало восьмиды Кротости

Марсалий (празднество воинского мастерства) – 23-24-ый день Кротости

Летние Мистерии – середина лета, начало восьмиды Трезвения

Великие Мистерии – 23-34-ый день Трезвения в високосном году

Перерождение Земли – начало осени, начало восьмиды Воздержания

Осенние Мистерии – середина осени, начало восьмиды Целомудрия

Венераалий (празднество любви и счастья) – 23-24-ый день Целомудрия

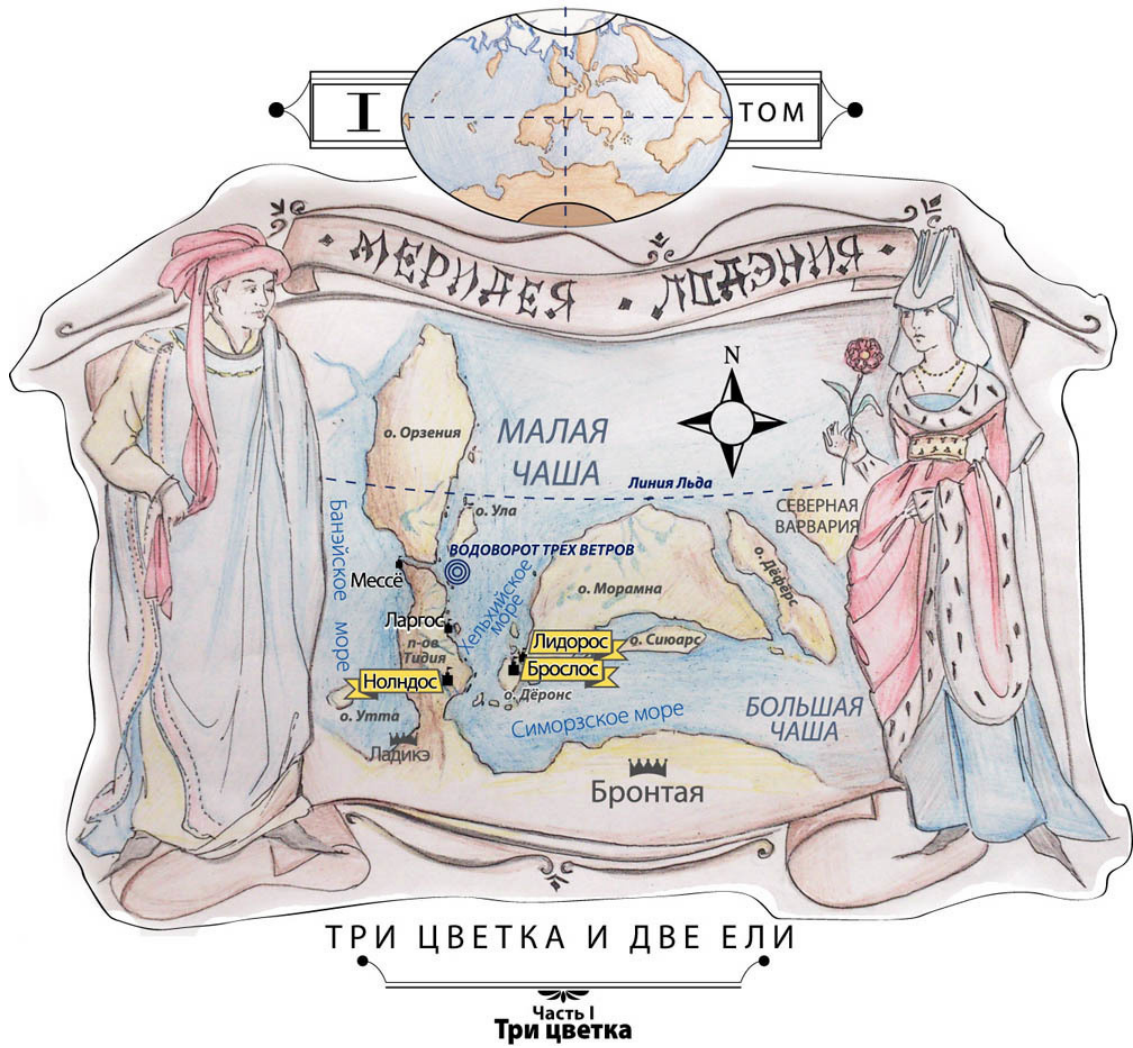
Перерождение Огня – начало зимы, начало восьмиды Любви

Сатурналий (празднество веселья в память о Золотом веке) – 23-24-ый день Любви

Судный День и Темная Ночь – конец года, 46-ый день Любви

Главный Судный День и Темнейшая Ночь – 46-ый день Любви 36-го года или конец цикла из 36 лет (високосный год)

Великое Возрождение – 1-ый день Веры 1-го года или начало цикла лет.

Пролог

Из «Книги Позора» Мериден

«Думалось сперва, что поход в Орэнзу разительно переменял этого мужа, обратил его к благому и даже праведному».

«Едва достигнув возраста Благодарения, герцог Ра́гнер Ра́ннор распустил свое необычное войско и пожелал отныне жить как мирской человек в тиши родного Ла́ргоса. Сам он не раз говорил, что Лодэ́тский Дьявол погиб в Орэнзе».

«Вернулся в Лодэ́нию герцог Ра́гнер Ра́ннор не один, а с юной дамою крайне низкого происхождения, которая, благодаря уже второму своему замужеству, получила титул баронессы. Удивительно, но первый супруг этой дамы, простой пехотинец из семьи с довольно высоким положением, смертельно ранил и едва не убил Лодэ́тского Дьявола на поле брани; второго супруга этой дамы, градоначальника Элла́данна и барона, удавил уже сам Ра́гнер Ра́ннор, дабы сделать свою возлюбленную свободной вдовою».

«Казалась та прекрасная особа творением самих Небес, да за нежным обликом белокожего ангела с золотистыми локонами и глазами цвета зеленого моря притаилось нечистое создание с нечеловечьей сущностью – тварь из кровавой реки Ахеро́н, омывающей Ад, чудовище, призванное искушать и губить души мужчин. Такие дьявольские сущности зовутся сиренами, и поселяются они в пустой плоти после того, как демоны вырвали душу за колдовство и бросили ее в Пекло. Сладким голосом поют сирены, дурманя мужам разум, пробуждая в них неутолимую похоть и выпивая через низменные услады все их жизненные силы, будто воду. Двух своих супругов, как было сказано выше, эта дама уже отправила за неполный год в могилы, а герцог Ра́гнер Ра́ннор потерял от колдовских чар рассудок и решил порушить договор предков – надумал развестись с первой супругою, графиней королевских кровей, ради той, кто недавно была прачкой герцога Лиисе́мского. Ради дозволения на развод не пожалел он в дар Святой Земле Меридиан даже десятины от тунны золота, что получил за захват Лиисе́ма и пленение герцога Альдриа́на Красивого, будущего короля Альдриана I».

«Неизвестен точный год, когда избранница герцога Ра́ннора продала или же потеряла душу, а в ее плоть вселилась сирена. Известно лишь, что еще до возраста Посвящения она имела связи с ведьмами и демонами, значит: ворожила, дабы завлечь чарами достойных людей и дабы самой возвыситься на их имени, состоянии и знатности. Подтверждают ее колдовские занятия весомые свидетельства, в том числе письмо от столь высокочтимой особы, как последняя королева Орзе́нии, или же донесения от уважаемого в Ла́ргосе настоятеля храма, который однажды загадочным образом исчез и, несомненно, был убиен Ра́гнером Ра́ннором по наущению сирены. Кроме того, сама жизнь этой особы, череда ее супружеств и скорые смерти ее мужей лучше любых слов доказывают правдивость ее дурной славы».

«Эта дама должна была бы иметь собственную главу в "Книге Позора", и если бы женский род обладал теми же правами, что и мужской, то ее имя стало бы известным во всей Меридее. Ведь именно она погубила герцога Ра́гнера Ра́ннора, но выпила не жизнь, а иссушила его душу. Давно имел герцог Ти́дии склонность к преступному падению. За несправедные измышления, богохульные выходки и многие жестокие деяния Лодэ́тский Дьявол и получил возмездие – такую возлюбленную, которая довершила начатое им самим падение и окончательно утянула его за собою в бездну».

Глава I

11 день Трезвения, 2 год, 40 цикл лет

– Прескверный день окончится не яблоком, а конфетою, – слушая гулкий грохот грома, прошептала Маргарита и нарисовала большим пальцем крестик на груди. – Да еще такой день! Лодэния точно меня полюбит, раз встречает так скверно!

Девушка лежала в темноте на заправленной кровати, полностью одетая и готовая к незамедлительному бегству из каюты. Правда, куда бежать, она не знала. В два решетчатых оконца, то и дело озаряемых вспышками молний, швыряло капли дождя. Ветер свистел сквозь щели балконной двери, иногда завывая, иногда зловеще нашептывая. Порой он обрушивался всей своей мощью на толстое оконное стекло и неистово, мучительно задыхаясь, рвался сквозь частую решетку внутрь. Ночное небо раскалывалось с резким треском, словно в тучах взрывались громовые бочонки Лодэтского Дьявола, и Маргарита всякий раз вздрагивала, после чего цепенела от ужаса, едва веря в то, что еще жива. Кровать под ней то уходила вниз, то качалась, то круто кренилась. В оконца каюты девушка старалась не смотреть – там черные пенистые волны, исколотые и разъяренные прострелами с небес, пытались нагнать и проглотить их корабль, казавшийся таким гигантским у пристани и ставший крошечным среди разбушевавшегося моря.

Рагнер ушел на верхнюю палубу где-то с час назад, оставив с Маргаритой в каюте Айаду – та сначала бесстрашно дремала на своей подушке, но когда грохотанья небес принялись предвещать «Хлодии» сожжение еще до гибели в пучине, то собака начала жалобно скулить из угла. Маргарита сама была бы не прочь подвыть ей, но тихо лежала в алькове, на кровати, сжавшись от страха в комок, и радовалась тому, что ее ложе встроено в стену, что скамья-ларь и стол надежно прибиты к полу, а два стула Рагнер привязал веревкой к ножкам стола.

Ураган обрушился на бело-синюю трехпалубную «Хлодию», самый большой и роскошный корабль лодэтского короля, на второй день как она миновала пролив Пера между великим островом Орzenia и полуостровом Тидия, как оказалась в водах Лодэнии посередине Хельхийского моря и Малой Чаши – попала в Водоворот Трех Ветров, печально известный внезапными бурями, несметным числом потопленных судов и загубленных душ.

А до этого погода благоприятствовала от самого Орифа, от сорокового дня Кротости, и не портилась до сего зарождающегося одиннадцатого дня Трезвения: попутный ветер задорно раздувал два косых белых паруса «Хлодии», летнее северное солнце жарило не хуже южного солнца Лиисема. На протяжении шести-семи дней Маргарита любовалась неприступными скалами западного побережья Тидии, что вырастали из Банэйского моря отвесными стенами, а за ними, среди облаков, вздымались призрачные ледники. Маргаритки, будто россыпи жемчуга, раскрашивали крутые возвышенности, крикливые птицы заполняли выступы, в голубом небе парили орлы и соколы, завораживая глаза грациозной плавностью полета.

Слушая раскаты грома и завывания ветра, лежащая в темноте, напуганная Маргарита нарочно вспоминала хорошие дни или события, случившиеся в этом морском путешествии, – и вроде становилось легче. Так ее память вернулась на пять дней назад, в шестой день Трезвения, когда «Хлодия» миновала «Водные ворота Лодэнии» – вход в пролив Пера.

... На северо-западной оконечности полуострова Тидия падал в море со скал водопад, и, услышав его шум, Рагнер позвал своих гостей на крышу кормовой надстройки корабля – на нависающую над волнами смотровую площадку, огороженную с трех сторон балюстрадой и увенчанную синим шатром. Туда же поднялся и принц Эккварт, младший двэн Рагнера. Этот высокий, изящный, приятный лицом семнадцатилетний юноша удивил орензчан отсутствием надменности и очаровал их галантностью. Даже Диана Монаро чувствовала к нему доверие; Энриити же, казалось, влюбилась в Эккварта с первого взгляда.

За более чем четыре триады, что длилось путешествие, хладнокровная Диана Монаро будто превратилась в статую из черного гранита – она всегда появлялась в строгом черном платье и с траурной вуалью на лице, всегда молчала и общалась с Рагнером или Маргаритой через свою воспитанницу. Четырнадцатилетняя Енриити, напротив, расцветала – даже слабость из-за морской болезни украшала эту хрупкую брюнетку: изнеможение белило кожу и обволакивало синеватыми тенями бархатно-карие глаза. При этом Енриити изо всех сил старалась покорить сердце принца Эккварта, не позволяя недомоганию себя одолеть и запереть в каюте. Находясь на смотровой площадке «Хлодии», она делала вид, что сегодня ей намного лучше, обмахивалась круглым опахалом из белых перьев и кокетничала с Экквартом – принц охотно ей улыбался и с удовольствием отвечал на ее вопросы.

И Рагнер изменился – он перестал быть лысым. В Бренноданне его темно-русые волосы еще торчали смешным, колючим ежиком, но к шестому дню Трезвения они наконец пригладились и теперь напоминали короткую стрижку, предпочитаемую рыцарями. Одевался Рагнер Раннор привычно во всё черное: узкие штаны, короткий камзол, плащ и берет с развалистым пером.

Маргарита в тот день носила белый шаперон с большим отворотом у лица, похожий на ее злополучный красный чепец, и шелковую мантию в мелких складках. Этот нераспашной серый плащ-пелерина с двумя прорезями для рук покрывал ее чехлом от шеи и практически до пят – лишь такое убранство спасало нежную, лилейную кожу северянки от солнечного жара и морского ветра.

Около Маргариты находились еще Марлена и Магнус Махнгафасс – брат Амадей в недавнем прошлом. За время путешествия он загорел, пополнел, вернее, «оброс мясом», более не опирался на трость, – в остальном выглядел так же, как в день прощания с Элладанном, – черные волосы до плеч, усики, переходящие в бородку; простая черная одежда без украшений или вышивки. А Марлена, переносившая качку даже хуже, чем Енриити, исхудала вдвое. Она бессильно держалась одной рукой за плечо Магнуса, а другой рукой тоже обмахивала складным веером свое зеленоватое лицо.

Внизу, на верхней палубе «Хлодии», среди корабельной команды можно было разглядеть других любопытствующих: Огю Шотно, кисло посматривавшего на жену, и пышноусого Раоля Роннака, что-то шептавшего на ухо кудрявой, пышногрудой Марили. Соолма сидела поодаль ото всех и гладила Айаду. Теперь Черная Царица появлялась на людях в белом двурогом колпаке, короткая вуаль на каком напоминала парус.

Вскоре после водопада орензчане увидели долгую пристань и поселение из подпиравших друг друга домиков. Севернее, за домами, каменная лестница вилась змеей по холму к крепости на его каменистой вершине. В порту собралось около тридцати военных судов и пятидесяти торговых: длинные галеры из Санделии, бочкобокие одномачтовики из Бронтаи, добротные лодэтские суда с высокими бортами и надстройками на корме, и все с большим квадратным парусом. Каждый корабль был обязан пристать к крепости Мессё, прежде чем войти в пролив Пера, иначе, как сказал Рагнер, в него палили из всех орудий. «Хлодия» удостоилась залпа аж из двенадцати пушечных дул – «на удачу», – и человечки в порту замахали, зашумели. Маргарита поняла, что они приветствуют не корабль короля, а ее возлюбленного.

– Тебя здесь так обожают! – сказала Маргарита Рагнеру, глядя на свистевшую, махавшую шляпами толпу.

Он ей улыбнулся.

– В Мессё много воинов, и они, бесспорно, почитают меня за победы. А толпа на пристани... Сегодня они наслушались одних историй – вот и обожают, а завтра – кто знает...

– Скромняга, – усмехнулся Эккварт. – И я бы хотел, чтобы меня так чествовали, – любой бы хотел. И ты доволен, что бы ни говорил.

– Я и доволен, – вздохнул Рагнер. – Особенно после тех лет, когда только и видел, как вслед мне крестятся. Но цену такой любви я знаю.

– Полно бурчать, ты же герой Лодэнии, – засмеялся Эккварт. – В Зале Славы Ксгафё ты уже можешь поставить твои доспехи. А когда я стану королем, то в Брослосе воздвигну для потомков твою памятную статую.

– Стань сначала... Дяде Ортвину только сорок восемь, и умирать он, к счастью, не спешит. Да перед тобой еще рыжий Зимронд.

– Батюшка всех перехитрит и назло переживет Зимронда. Если он не первый, то после тебя второй, кто его не терпит. Я – третий в этой очереди.

«Этот кронпринц Зимронд и впрямь, похоже, скверный человек, – подумала тогда Маргарита. – Что же ждет меня в Брослосе? Бабуля – Белая Волчица, дядя-король по прозвищу Хитрый, супруга Рагнера – внучка «паучьей черепахи», теперь вот кронпринц... А Рагнер ничего рассказывать о родне не хочет! "Сама на них скоро посмотришь". О покойном старшем брате, Гонтере, он вовсе отказывается говорить...»

Новый оглушительный треск разбитого молнией неба остановил на миг сердце. Маргарита вскрикнула, а Айада протяжно провыла.

– Иди сюда, если хочешь... Пожалуйста... – умоляюще позвала Маргарита собаку и подвинулась к стене.

Айада ее поняла: процокала когтями по доскам, затихнув на циновке, подошла к алькову и запрыгнула на высокое двуспальное ложе. Унюхав запах Рагнера, она зарылась носом в подушку и душераздирающе вздохнула. Растрогавшись, Маргарита осторожно погладила ее черную, атласную шерстку – вредная, недоверчивая Айада не пошевелилась. Девушка оставила попытки вызвать ответную нежность – просто положила свою голову рядом с собачьей мордой и несмело обняла шелковистую теплую спину. Вдвоем уже не было так страшно. Ветер и тот словно притих.

Маргарита покинула Элладанн тридцатого дня Нестяжания, ныне зарождался одиннадцатый день Трезвения, – семьдесят три дня долгого пути!

...До Лувеанских гор отряд всадников и пять телег добрались к вечеру сорокового дня Нестяжания. Имение огорчило баронесс Нолаонт до слез. Им достались лесные холмы, ничем не примечательная деревушка в низине, а рядом с деревней – господский дом, вернее, обветшалые деревянные постройки: просторный, но угрюмый особняк в два этажа, да под дырявой крышей, огороженный высоким забором двор, по какому разгуливали свиньи, и амбары с гнилой соломой, вместо зерна. В доме не имелось ни мебели, ни слуг, – среди пыльных, голых зал лишь храпел пьяный смотритель. Рагнер выставил его на ночь глядя за ворота, своих людей послал в деревню – и спустя час появились кушанья, свечи, льняные полотна, вода для омовений и овес для лошадей, а довольные щедрым вознаграждением землеробы чистили комнаты. Дядя Жоль с воодушевлением заявил, что не зря в молодости освоил плотницкое ремесло, и пообещал своей племяннице «насотворивать чудёсов».

Уже через два дня Рагнер Раннор и его гости выдвинулись из имения, оставив в нем семейство Ботно, деда Гибиха и пегую Звездочку. Размашистый Нонанданн и крепость Тронт в предгорной долине словно мелькнули перед глазами Маргариты: переночевав там, они опять сели на лошадей и повозки. У горного городка Калли путешественники перебрались на речную галеру, и тринадцать следующих дней стали самими приятными, спокойными и даже скучными днями в дороге до Лодэнии. На исходе двадцать второго дня Кротости галера причалила к Бренноданну, столице Орензы, – Рагнер едва успел к Марсалию и пиру в честь окончания войны.

Пять дней в Бренноданне тоже запомнились Маргарите смутно, как вереница из знатных лиц, блеска драгоценностей, помпезности покоев королевского дворца, зелени парков, при-

чудливых яств и лязга стальных клинков на представлениях в празднество воинского мастерства. Где-то в этих битых воспоминаниях появлялся король Орензы, Элла VIII Короткий, напоминавший мышь в короне и багряной мантии с рисунком из золотых восьмиконечных звезд. Потом всплывал беззубый, с лицом как у бычьей собаки, высокий король Ладикэ, Ивар IX Шепелявый, одетый в синюю с золотыми листьями дуба мантию. За ним, в ярчайшей синей хабите, возникал епископ Иллофарбн Бюмосна́д, наместник Святой Земли Меридиан в Орензе, похожий из-за орлиного носа на хищную птицу. Последним виделся Лодэтский Дьявол, ее возлюбленный Рагнер, щеголяющий в жутковатом черном камзоле с двумя рожицами безносой, хихикающей Смерти, тихо говорящий о чем-то с епископом и почтительно целующий его перстень.

Гигантский Бренноданный, Белый Король, второй город Меридеи по числу жителей, представлял собой четыре города и четыре кольца крепостных стен, омываемых водой. За проход из одного города в другой требовали плату, поэтому Маргарита ни разу за свое детство не побывала в центре. Крайний город назывался Портовым – по реке Лани туда заходили корабли и лодки, там ютились небогатые речники, чернорабочие, обездоленные, там торговали малоценным товаром и там же размещались лупанары. За вторыми стенами находился Хлебный город, где жили ремесленники, строители, менялы, – там размещались рынки. В третьем городе, Белом городе, располагались суды, нотариальные конторы, банки, Университет и управа, – там предпочитали селиться образованные господа. В сердце столицы, в Золотом городе, среди дворцов и парков наслаждались роскошью аристократы. Каждый город имел стражников, самоуправление, гильдии, однако патрициата, как в Элладанне, в Бренноданне не существовало – дельцы не писали законов, только подавали ходатайства градоначальникам, наместникам короля.

Маргарита знала, что сперва ее семья жила в Хлебном городе, что после смерти матушки отец продал дом и перебрался с тремя детьми в Портовый город, где снял комнату в инсуре – многоэтажном доме для бедноты. Бренноданный оттого запомнился ей мрачным и неприветливым, полным крыс, вони и ручьев из нечистот. Теперь в королевском дворце ее окружала красота: шелка, мрамор, цветущие сады... Рагнер заранее позаботился о платьях для нее и Энриити: попросил короля Ивара заказать достойные убранства, но, конечно, сам за них заплатил. В Бренноданне Маргарите принесли четыре наряда, расшитых золотом, камнями и жемчугом, – все с черной каймой на подоле юбки, показывающей ее статус свободной вдовы. Энриити, согласно приличиям, не могла принимать подарки от Рагнера, да вот два платья ей так понравились, что она пошла на перемирие со своей мачехой и согласилась взять дары от нее. В итоге две баронессы Нолаонт поделили ценности, жалованные Ортлибу Совиннаку. Маргарита кроме трех платьев забрала украшения (жемчужное ожерелье с рубином, две жемчужные нити для волос и кулон с морионом в золоте), какие подарил ей муж и какие переходили к вдове по праву. В покоях барона Нолаонта также нашли сундук с серебряными регнами, из какого Маргарита взяла свою треть (сорок семь тысяч) – получился ларь, превышающий по весу валун в талант; эти средства Маргарита передала в распоряжение Рагнеру, так как содержанкой быть не желала, оставив себе немного серебра на мелкие расходы.

В Марсалий король Элла, король Ивар и союзник короля Ладикэ, герцог Рагнер Раннор, подписали мир, скрепив грамоты печатями и поцелуями. В знак добрососедских отношений короли еще договорились о супружестве четырехлетней принцессы Милирены и десятилетнего принца Ирнальфа, младшего сына короля Ладикэ. Рагнер в качестве единовременной дани получил от короля Орензы скакунов, пряности, вина, масла и прочую роскошь, подробно перечисленную в мирном договоре.

Затем, после пяти сумбурных дней, проведенных в Бренноданне, снова предстояло отправляться в путь. В столице Орензы Рагнера дожидались девять боевых парусников. До того, как Маргарита увидела «Хлодию», эти суда казались ей очень большими – по крайней

мере, выше по реке на них было опасно идти даже по полноводной Лáni. Все корабли имели по одной мачте, по две палубы и по прямому парусу; вместо жилых надстроек на носу и на корме – помосты, закрытые снизу, с трех сторон, заслоном с бойницами и огороженные поверху зубчатым забором. Смотровая площадка на мачте тоже предназначалась для стрельбы, и бочку заменила квадратная платформа с тем же оборонительным забором в человеческий рост. Подобные парусники не создавались для приятных морских путешествий и не располагали удобствами. Две темные и тесные каюты с низкими потолками находились в Малом трюме под верхней палубой, а на ней перевозились лошади, поэтому ее пол устлали песком, вонявшим навозом. Оконце в каюте вовсе не имело стекол – только плотные ставни. Уборная была в Малом трюме одна-единственная, неудобная и даже жутковатая; ночью идти туда не хотелось. Словом, за восемь дней пути по Фойискому морю от Бренноданна до Орифа Маргарита измучилась. В довершение всего она, Енриити и Марлена, – все трое, едва корабли вышли в море, начали страдать от морской болезни. Правда, на Маргариту дурнота накатывала исключительно по утрам, и она подозревала, что причина ее недомогания вовсе не в качке.

Двадцать девятого дня Кротости лодэские корабли проходили мимо руин, ранее бывших нарядными домами и крепостными стенами Реонданна, портового города в устье Лани, «Водных ворот Орензы». Лишь храмы не пострадали; они, пустые и покинутые священниками, возвышались цветными шатрами над разрухой, повествуя о былом великолепии этого берега и умножая гнет на душе. Маргарита со страхом смотрела на выжженные развалины зданий, уничтоженных таинственным громовым оружием Лодэского Дьявола, и впервые за долгое время опять со страхом смотрела на своего возлюбленного.

– Жестоко? – усмехнулся Рагнер, догадавшись о ее мыслях.

– Да... – мрачно ответила она и отвернулась.

– Война – это не только оды о героях, – обнял ее Рагнер. – Это всегда кровь, смерть и бесчинства. Не покажи я горожанам Бренноданна, что их ждет, не испугав их, мне пришлось бы палить вашу столицу. А так мне открыли ворота, герцоги Мартинзы и Елеста заключили со мной мировую, другие города на Лани сдались, – словом, я прекрасно знал, что делаю, и ничуть не сожалею. Своей жестокостью я спас многие жизни и себе сберег время... Не тревожься, – добавил он, – скоро Реонданн отстроят заново, потомки всё позабудут и развяжут новую войну, но пока, где-то на цикл лет, Оренза вряд ли захочет еще раз помериться силами с Лодэским Дьяволом...

Мироздание вдруг дернулось, то ли вниз, то ли вверх, то ли и туда, и обратно. В темной каюте, что была на кормовой надстройке «Хлодии», девушку швырнуло по кровати к стене, а сверху на нее уронило большую собаку. Из стола выпал выдвижной ящик – оловянная посуда и серебряные ложки звонко раскатились по углам. Упал с полки, перепрыгнув через ее высокий край, и дорожный ларчик, в каком хранилось зеркальце, подарок дядюшки Жоля. Проверять, разбилось ли его стекло вновь, Маргарита даже не думала: каюту болтало во все стороны сразу, а ее сердце металось от ужаса. Когда она пришла в себя и отдышалась, то сдвинула ворчавшую Айаду, выбралась из-под нее и прислушалась: сквозь неистовый свист обезумевшего ветра доносились мужские крики из рулевой – закутка ниже верхней палубы, где находился рычаг руля. Дозорные с мачт кричали, если видели скалы, а кормчий или капитан командовал, куда поворачивать рычаг. Рагнер, перед тем как уйти из каюты, сказал Маргарите, что волны не грозят такому большому кораблю, как «Хлодия», но если их вынесет к каменистым берегам Тидии, то дно пробьет и, возможно, будет всего пара минут, чтобы пересечь на лодку.

Айада лизнула Маргариту в щеку, успокаивая ее и будто бы говоря: «Рагнер не оставит нас в беде». Девушка улыбнулась, погладила собаку и, крепче прижавшись к ней, опять легла головой на подушку.

...В Орифе, главном городе Сиренгидии, Маргарита оказалась тридцать шестого дня Кротости, спустя пятьдесят два дня как покинула Элладанн. Пополнив там запасы воды и снеди, семь парусников отправились до графства Ормдц – до узкого перешейка между континентом Меридея и полуостровом Тидия, за какой некогда случилась война между Лодэнией и Бронтаей. Парусники увозили товары, полученные Лодэтским Дьяволом от короля Орензы, в город Нолндос, третью столицу Лодэнии, где проходили ярмарки, а после разгрузки боевые суда возвращались к прежней службе – защищать лодэтские берега от морских разбойников. Рагнер и его гости задержались в Орифе еще на три дня. Еще в Элладанне Рагнер передал Аргусу послание для своего дяди. Король должен был получить письмо перед Марсалием и отправить навстречу «дорогому племяннику, победителю и, вообще, герою Лодэнии» достойный его громкой славы роскошный парусник – «Хлодию». Корабль короля располагал всеми удобствами, мог идти быстрым ходом даже против ветра и, к огромной радости дам, обещал сократить время морского путешествия не меньше, чем на половину триады. На всякий случай (вдруг дядя Ортвин опять на меня за что-то зол) «дорогой племянник» оставил в Орифе два собственных парусных судна, «Розу ветров» и «Медузу». Забегая вперед, надо сказать, что Ортвин I действительно злился на Рагнера и, хоть «Хлодию» к нему отправил, иных чувствований ему в ответном письме категорически не обещал (наверно, не знает, что я покаялся за штурм Орифа и отдал Меридиану аж десятину от тунны золота!).

Градоправитель Орифа поселил герцога Раннора и его гостей в портовой крепости, сероватой и мрачноватой, однако роскошно обставленной внутри. Вечерами там гремели пиршества с танцами и театральными зрелищами, на какие являлись с красивыми спутницами разряженные приоры – богатейшие, влиятельнейшие мужи Орифа и прочих городов кантона, – и являлись приоры для того, чтобы засвидетельствовать почтение Лодэтскому Дьяволу и его прекрасной даме, Маргарите, «дорогой и родимой сиренжке».

«Родимую сиренжку» не могло это не удивлять – она никак не ожидала, что сиренгцы останутся благодарными за то, что их земли снова перешли в домен короля Ладикэ, или за святотатство Лодэтского Дьявола в Великое Возрождение. Рагнер объяснил причину такого радушия, рассказав непростую историю кантона Сиренгидия, единственного уголка в Меридае, существующего без благородных по праву рождения аристократов и угнетенных, лишенных свобод землеробов.

В своем учебнике Географии Маргарита видела Сиренгидию как обширный округ, превосходивший размерами соседнее королевство Ладикэ. Кантон выдавался острым зубцом на северо-востоке Орензы, разделял Фойиское и Банэйское моря, а на него открывал пасть свинорылый кит-убийца – огромный остров Аттардия. В действительности Сиренгидия оказалась северным выступом Веммельских гор, самых высоких гор Меридеи. Его безлюдное, голое, скалистое побережье, непригодное для земледелия или скотоводства, оказалось ненужным соседним королевствам – Орензе и Ладикэ. С развитием торгового судоходства купцы облюбовали эти ничейные земли, и за короткий срок – примерно за век, в рукотворных бухтах выросло восемнадцать красивейших городов-государств, объединенных в торговый союз – Союз Равных. В этих городах жителей насчитывалось не более пяти тысяч – и для Меридеи они являлись довольно крупными поселениями. Ориф, находившийся на мысе Встречи Двух Морей, разросся где-то до девяти тысяч обитателей.

Богатство как таковое не помогало купцам стать аристократами – для благородного мужа торговля была позорным источником доходов, в отличие от воинской или придворной службы. Поэтому толстосумы Сиренгидии называли себя приорами, которым дозволялась любая роскошь, завели собственные Золотые и Серебряные книги. Приоры входили в Приорат города, легаты, представители от всех двадцати четырех городов Сиренгидии, правили в Орифе, нагло самопровозглашенном сиренгцами столицей.

Здесь надо пояснить значение слова «столица» для меридейцев. Издревле стол занимал центральное положение залы, алтарь являлся столом, за столом собирались вожди. Так слово «стол» приобрело второй смысл – «правление», приставка «пре» означала «через». «Взойти на престол» изначально истолковывали как получение верховной власти на собрании вождей. Князь садился во главе стола, то есть престола, на самый высокий стул – оттуда пошло выражение «сесть на престол», и далее «престол» уже понимался как место сидения, как королевский трон, как инсигния власти. Воин первого ранга мог «поставив стол» в любом из городов своих земель, то есть обозначить для подданных место, где можно обратиться к вождю за защитой. В Меридее существовали столицы герцогств и приграничных графств. Но столицей королевства, сакральным местом, где человеку передавалась власть от Бога, город становился только после венчания в нем на царство короля или королевы. Причем, единожды став столицей, более этого статуса город не утрачивал. Следовательно, Ориф не являлся подлинной столицей в ее священном значении. Для вождей Меридеи дело обстояло так: какие-то торгоши кощунствуют, издеваясь над божественным смыслом власти, попирают духовные, мирские и воинские законы, низлагают вековые устои, привечая на своих землях вольниц (конечно, беглых землеробов и лиходеев!) да, выходя в люди словно зная, развращают дурным примером умы прочих мирян.

Аристократы из Ладикэ и Орензы возмущались, но сделать мало что могли – Союз Равных нанимал для обороны нещепетильных рыцарей, каждый город имел войска, их корабли оснащались оружием так, что оставалось позавидовать. Королевство Ладикэ страдало еще и из-за того, что тоже находилось на перекресте судоходных путей, а прекрасные, новые города кантона оказывались чище и уютнее старых его грязноватых портов.

Кроме торговли Сиренгидия жила добычей меди и пирита. В тридцать седьмом цикле лет некие рудокопы, поднявшись высоко в горы, «за семь снежных стен», обнаружили зеленые долины, рыбные озера, плодородные плато и исконных жителей этих мест – золотоволосых и зеленоглазых людей, «носивших грубые одежды, шитые золотом, вкушавших лебеду с золотых блюд и почивающих, хоть и на золотых ложах, да с покрывалами из камышовой рогожи». Как далее гласила летопись, купцы кантона дали сиренгцам шелка, яства и ковры, сиренгцы показали им ручьи с золотыми самородками. За солнечным металлом в «Край тысячи ручьев» устремились старатели со всей Меридеи; исконные сиренгцы, золотоволосые и зеленоглазые «дети речных нимф», наоборот, стали уходить к побережью и пополнять ряды горожан, купцов, приоров. Еще шесть городов возникли среди горных долин, а Леэ, откуда была мама Маргариты, стал самым южным, горным городом кантона. Путь туда лежал по козьим тропам и занимал где-то две восьмиды.

Открытие золотых приисков стало последней каплей для знати Ладикэ – более мириться с могуществом «торгашей», терять землеробов и созерцать упадок своих земель аристократы этого небольшого королевства не могли. Дед Ивара IX, король Ивар VII, напал на города кантона. Однако победил он не благодаря доблести ладикэйских воинов, а благодаря провидению – небывалая буря потопила армаду сиренгских галер, что позволило ладикэйцам осадить города и в итоге вынудить их сдаться.

Король Ладикэ не возбранял приорам жить, словно аристократам, на широкую ногу, только обложил их сборами. Его собственное королевство процветало, и тогда уже Оренза не захотела мириться с возвышением соседа – водная блокада Фойиского моря привела к тому, что отец Ивара IX, король Ивар VIII, пошел войной к Бренноданну, но потерпел поражение у его стен и потерял кантон, а сиренгцы узнали куда как худшие времена. Мало того что им запретили носить роскошные облачения, золото, крупный жемчуг и бриллианты, иметь белых скакунов, круглые зонты и двухместные лектики, пиршествовать с размахом и кушать какое угодно мясо, Экклесия еще обнаружила здесь пристанища алхимиков, колдунов и, самое страшное,

еретиков, – жесточайшим казням подвергся каждый десятый приор, а о простом люде и говорить нечего.

В Темнейшую Ночь, собрав легатов городов во Дворце Равных, Лодэтский Дьявол пообещал им вернуть порядок, царивший при ладикэйцах, – те, недолго думая, согласились, и пока король Орензы готовился к морской битве, приоры, получив гарантии от короля Ивара, организовали мятежи в городах кантона, изгнали орензских наместников или убили их. Теперь, спустя полтора года, сиренгцы радовались, что не прогадали, – что не понесут кары да что вернули себе право носить богатые платья и иметь впечатляющие выходы.

А эти выходы на самом деле были впечатляющими. Прогуливаясь по Орифу, Маргарита увидела процессию с раздатчиками милостыни, музыкантами, носилками из черного дерева, стекла, позолоты и пурпурного атласа, – и это всего лишь перемещался торговец овощной шерстью – хлопком. Рагнер посмеивался – сказал, что люди дураки, а вдвойне дураки те, кто думают, что это счастье. «Я бы многое отдал, – сказал он тогда, – чтобы выезжать без отряда охранителей».

Тогда как в прочих местах Меридеи многоэтажные дома возводили для обездоленных, в Сиренгидии – для богачей. С моря Ориф производил неизгладимое впечатление: будто бы скала осыпалась к синим водам гроздьями кристаллов-башенок. Обойти Ориф пешком можно было за час, да вот и трех дней оказалось мало, чтобы разглядеть столицу кантона. Фонтаны с чистой водой из горных источников, широкие каналы, пятиэтажные, шестиэтажные и даже восьмиэтажные строения – все узкие, как башни, все из камня или кирпича. Черепичным крышам сиренгцы предпочитали медные, зеленевшие патиной от изумрудного до голубого оттенка. Красочные изразцы, расписные стекла и деревянные кружева с избытком водились даже на самых скромных жилищах. За неимением садов на земле, на террасах сиренцев буйствовали цветники, балконы овивали гирлянды плюща, под окнами, в ящиках, благоухали фиалки, а на крышах самых богатых домов виднелись беседки с клумбами и мраморными изваяниями. Над этим Рагнер уже не смеялся – сказал, что нет ничего дурного в том, чтобы и самому жить среди красоты, и наслаждаться ею взор других.

Примечателен Ориф был еще тем, что каждый дом являлся лавкой. Рагнер интересовался врезными замками, часами, фонарями и непонятными для Маргариты механизмами. Он так радовался, когда приобрел трубку с увеличительным стеклом, что в соседней лавке купил заскучавшей девушке музыкальный орган, намного больший того, что был у нее в Элладанне. Маргарита пробовала отказаться от ненужного ей подарка, говорила, что едва умеет на нем играть и, вообще, орган стоит аж пятьдесят золотых, а она имеет серебра на сорок семь, но возлюбленный ей заявил, что давно мечтал иметь орган, что всё равно поставит его в замке Ларгоса и что ей волей-неволей придется радовать его уши. Зато в лавках с тканями девушка отвела душу – у нее появилось несколько отрезков ценных материй, роскошнейший плащ, белье из полупрозрачного хлопка (гордость сиренгских ткачей) и тонкая серая мантия в мелкую складку. Довершили ее счастье два эскоффиона из шляпной лавки и головной убор, какому она затруднялась дать название.

Единственное, что покорило Маргариту в Орифе, так это лупанары, работавшие в центре города, а не на окраинах. Из их окон, отмеченных зелеными ставнями, нарумяненные девушки в открытых платьях призывно махали прохожим. По каналам плавали лодки-лебеди с яркими зелеными шатрами, в каких сидели и женщины, и юноши. Приходилось верить, что юноши не продавали себя и лишь охраняли «общих жен», ведь духовный закон запрещал мужеложство, мирской или воинский закон за этот грех сурово карал уличенных в нем (в первый раз – денежным взысканием, во второй раз – позором, в третий раз – увечьем, в четвертый раз – смертной казнью).

Еще в Орифе Маргарита впервые увидела галеру из Санделии. Из крепости, из окон спальни, проглядывались многочисленные дощатые пирсы, уходившие от набережной в море.

Там всегда сустились люди: одни катали бочки, вторые таскали тюки, третьи загружали товары на судна при помощи подъемных механизмов – столбов со ступательным колесом или кранов-журавлей. Длинная и широкая галера превосходила раза в четыре любой из кораблей в порту. Кроме ряда весел она имела две мачты с косыми парусами, помпезные надстройки на корме и на носу, надводный таран и три пушки. Рагнер неохотно признал, что для длительных путешествий вдоль побережий и обороны от морских разбойников, лучших кораблей пока нет, но добавил, что в открытом море «чертову галеру кувырнет всякий ветерок».

«Хлодию» тоже сделали на санделианской верфи. Она не уступала галере по длине, стяги на ее мачтах вились по ветру на высоте спиелей храма, два величественных белоснежных паруса, два косых крыла, вдвое превышали ширину корпуса. Как прекрасный мираж она появилась у Орифа тридцать девятого дня Кротости, и «Роза ветров», любимый корабль Рагнера, в сравнение с ней сразу показалась утлым суденышком. Глядя на синий корпус, расцвеченный белыми, словно лепнина, узорами, Маргарита вспомнила, что «Хлодия» – это имя нынешней королевы Лодэнии по прозвищу Синеокая. «Самый большой и роскошный корабль короля» имел две мачты (по центру и на носу), крутые бока, двенадцать якорей и дополнительную парусную лодку. Двухэтажная кормовая надстройка нависала над волнами тремя ступенями и напоминала бело-синий резной домик. Капитанская надстройка на носу, изящная беседка, из какой трубили музыканты, дополнительно возвеличивала корабль; ее матерчатый купол тоже был ярко-синего цвета. Нарядные белые балюстрады смотрелись кружевной оторочкой на богатом платье красавицы, а косые паруса – ее помпезным двурогим головным убором.

Центральную, самую высокую, мачту «Хлодии» украшал лазурно-голубой стяг с белым морским змеем Ранноров, а над змеем белая рука держала желтую палочку для письма, – знаки принца Эккварта. Багряный стяг с носовой мачты отметился голубым водоворотом «о восьми волнах» – кругом с зазубренными и закрученными краями, в середине какого сияло солнце, – это были знаки Лодэнии: багряный фон символизировал земли, политые кровью, водоворот – беспокойные моря этого королевства, а солнце, по древним верованиям лодэтчан, появлялось из Водоворота Трех Ветров.

«Хлодия» показалась на горизонте, когда Рагнер, Маргарита, Марлена, Магнус и двенадцать их охранителей возвращались к побережью после утренней прогулки. Солнце уже стояло высоко, городской колокол оповестил о начале седьмого часа. Гордо поглядев в свою новую подзорную трубу (широкую и короткую медную трубку из двух цилиндров), Рагнер сказал, что пойдет встречать двоюродного брата. Маргарита изъявила желание составить ему компанию, Магнус и Марлена отправились в крепость, чтобы предупредить о прибытии принца.

Для захода в порт «Хлодии» понадобилось больше триады часа: ее команда убирала паруса, гребцов сто на парусной лодке буксировали ее за корму к берегу, а после того, как в воду сбросили восемь якорей, еще двадцать портовиков притягивали плавучую громадину за канаты к пирсу. Из-за возникшей суеты туда спускаться Рагнер не захотел – вместе с Маргаритой и охранителями остался ждать на набережной.

– Какая же она красивая! – восхищенно сказала Маргарита, рассматривая в подзорную трубу богатую корму «Хлодии». На первом этаже бело-синего резного домика, она видела четыре застекленных оконца и два боковых балкона, немного заходивших за корму; выше, на втором этаже надстройки, за кормой тянулся еще один длинный балкон, над которым нависала сенью смотровая площадка с синим шатром.

– Красивая, удобная и быстрая, – вздохнул Рагнер. – Но с ней много хлопот – сама видишь. Для команды нужно не меньше сотни моряков.

– Почему ты опять вздыхаешь?

– Обидно, – пожал он плечами. – Полвека назад лодэтчане делали лучшие парусники, а теперь мы покупаем их у санделианцев. Обидно, что их корабель и впрямь лучше наших...

Вдруг раздался одобрителный, многоголосый свист: среди полупьяных возчиков, голых моряков и портовых носильщиков по набережной, обмахиваясь опахалом, шла Енриити, одетая в свое лучшее платье – из легкого желтого шелка, расшитое у глубокого выреза мелких жемчугом и янтарными бусинами. Вуаль прикрывала ее лицо, но не таила каштановых локонов. Диана Монаро и два охранителя шествовали с этой «принцессой», словно ее свита.

– Дева Енриити, вы идите-ка ко мне поближе, а то вас или украдут, или без платья оставят, – сказал ей Рагнер. – Моряки народ лихой.

– И чего ты вынарядилась? – тихо спросила Маргарита падчерицу, когда та встала рядом с ней (сама Маргарита носила белый шаперон-чепец и серую мантию-чехол).

– Первое суждение – самое важное, – ответила Енриити, отбрасывая вуаль от лица. – Должен же хоть кто-то произвести благое впечатление, а не срамить имя Нолаонт.

– Чем же я его срамлю?! – возмутилась Маргарита. – Я свободная вдова и, слава Богу, делаю, что хочу. И не открываю для всех в порту плечи... – пробурчала она.

– Дамы, – раздраженно прервал их Рагнер, – ну сколько можно? Дева Енриити, лучше и вы взгляните, – забрал он подзорную трубу у Маргариты и передал ее Енриити. – Правда ведь, замечательная вещь моя труба?!

– А не это ли принц Эккварт? – спросила девушка, глядя в подзорную трубу. – В алом плаще? Приятный такой... Он нам машет с палубы.

– Раз алый плащ, то точно Эккварт.

– И я хочу на принца посмотреть, – сказала Маргарита и попыталась выхватить трубу у падчерицы.

– А тебе зачем? – спрятала ее за спину Енриити.

– А тебе?

– Дааамы... – простонал Рагнер. – Довольно, сил уже нет! Смотрите, дева Енриити, сколько желаете. А то дама Маргарита обозвала мою замечательную трубу «срамотой» – пусть теперь губы кусает.

– Да ну вас... – немного обиделась Маргарита и неосознанно прикусила нижнюю губу. – И это не я – это хозяин лавки расписывал, как подглазёвывал с ней за девицами!

– Искал себе ладную невесту, как мог... Зато такую вещь смастерил!

Огромную «Хлодию» наконец надежно поставили на прикол. В ее боку открылся люк, из погрузочного отверстия выдвинулись сходни – переносная доска с планками, и вскоре после того, как сходни закрепили веревками, по ним на пирс сошли люди в одинаковых форменных платьях бело-голубого цвета, а также фигура в красном плаще, направившаяся к набережной. Издали Маргарита отметила вьющиеся, каштановые волосы принца, сиявшие на солнце рыжеватым отливом, и его длинные, изящные ноги; вблизи ей понравилось приятное лицо Эккварта и то, что его руки были как у Рагнера – большие, угловатые, только без выступающих вен. Губы у этих двух Ранноров тоже оказались одинаковыми – большими, но не пухлыми, – на этом сходство заканчивалось. Кроме вьющихся каштановых волос Эккварт Раннор получил от матери, аттардийской принцессы, нежные темно-карие глаза с поволокой, тонкое сложение, какое его высокий рост усиливал, грациозность, мягкость нрава и при этом том тяжелый подбородок – мужественный, но неблагородный.

Поднявшись на набережную, принц увидел, что дамы и мужчины, кроме Рагнера, присели в низком поклоне. Он тоже поклонился головой и произнес на чистом орензском языке:

– О, церемонии излишни. Я от них премного утомился и вдали от королевского двора хочу побыть просто Эккё – добрым другом для друзей Рагнера.

– Скромняга! – обнял его Рагнер и начал представлять своих гостей: – Так, Ваше Высочество, письмо мое ты наверняка тоже читал... Рядом со мной две баронессы Нолаонт, а позади них – мона Монаро, воспитательница девы Енриити. Дамы – это принц Эккварт, мой двэн и, надеюсь, мой будущий король.

Принц посмотрел на скромный шаперон-чепец Маргариты, затем на разодетую Энриити – и решил, что последняя и есть избранница его двоюродного брата.

– Ваша краса достойна оды, – рассыпался он в комплиментах, обращаясь к Энриити. – Чело – белее лилий, уста – алее роз, очи – бездна волшебства. Выражаю надежду, что Лодэния вас очарует так же, как, бесспорно, вы, баронесса Нолаонт, покорите ее своей прелестью. Уже завтра мы оправимся в путь... Вам и Рагнеру я отвел одну из лучших кают на корме – ту, что с угловым балконом.

Энриити, которая миг назад вознеслась от похвалы на Небеса, буквально «грохнулась оземь» – приоткрыла ротик и в замешательстве глянула на Рагнера. Маргарита хлопала зелеными глазищами и тоже смотрела на него – он же широко улыбался, сверкая серебром зубов, да молчал. Эккварт меж тем, обратился к Маргарите:

– Имею дерзость сказать, что и ваша краса, дева Энриити, ничуть не проигрывает прелести падчерицы. Я редкий счастливчик, ведь Рагнер наказал мне опекать вас в Брослосе, что я с удовольствием буду рад исполнить. Даю слово, что окружу вас вниманием, но не посмею перейти грань учтивости. Если же мои манеры, по вашему мнению, не достигают высот Культуры, то смело корите меня за это, – я всегда рад учиться новому и познавать обычаи других земель.

Рагнер продолжал посмеиваться.

– Ваше Высочество, ваши манеры безукоризненны, – решила ответить Маргарита. – А вот манеры моего рыцаря, Рагнера Раннора, высот немного не достигли... Прошу меня извинить, что вынуждена представить себя сама. Дама Маргарита, вдова, – это я, а со мной рядом – моя падчерица, дева Энриити – девица высоких достоинств и добродетелей, в первую очередь – смирения и скромности.

Энриити снова присела в поклоне, а Рагнер скривил лицо.

– Ну зачем ты всё испортила? Вот бы Эккварт удивился, когда б я поволок тебя в свою каюту с балконом!

Эккварт возмущенно потряс головой.

– Я бы уже ничему не удивился! И что с твоими волосами? – удивленно глядел он на короткие волосы двэна, торчавшие ежиком из-под черного берета.

– Ох, Эккё, от моей дамы Маргариты одни бедствия...

Маргарита тогда промолчала, но дулась на Рагнера остаток дня за то, что он не дал посмотреть ей в подзорную трубу на принца, за то, что не представил ее по правилам Культуры, и за то, что зарекомендовал ее как ту, от которой одни беды.

Маргарита сама не заметила, как рядом с Айадой уснула. Разбудил ее стук в дверь – и собака мгновенно соскочила с постели, а под ее лапами зазвенела разбросанная по полу посуда.

Открыв дверь, Маргарита увидела Рагнера в насквозь мокрой одежде, однако с зажженным фонарем в руке. Она хотела обнять любимого, как влезла Айада, нахально отпихнув Маргариту и первой положив лапы ему на грудь, – тот, рассмеявшись, передал девушке масляный фонарь из стекла в частой металлической сетке.

– Перепугалась моя девочка, моя маленькая крошечка, – нежно говорил он огромной свирепой собаке, наглаживая ее, успокаивая и усаживая на подушку в углу.

– А я тоже перепугалась, – с ревностью сказала Маргарита. – Бежать нам больше не надо?

– Нет, буря стихает... – устало произнес Рагнер, начиная раздеваться.

Он избавился от одежды за пару мгновений, бросив ее кучей на ларь, и забрался под толстое покрывало, натянув его до носа. Маргарита в это время ходила с фонарем по каюте и выискивала ложки. Открыв маленький дорожный ларчик и убедившись, что зеркальце не разбилось, она немного повеселела.

– Замечательный я фонарь купил в Орифе? – спросил из алькова Рагнер. – Не потух и не разбился даже в бурю. Сталь! А ты ворчала...

– Фонарь замечательный. Если бы ты его еще не выбирал полдня...

– Что опять не так?

– Ничего...

– Грити, – тяжело вздохнул он, – ты же знаешь: я вашего дамского языка не понимаю. Неужели сложно сказать, что тебя расстроило?

– Мне так страшно было! – плаксивым голосом заговорила девушка. – Я уже думала, что всё! Тут так всё швыряло: сам видишь... – гневно бросила она ложки в ящик и задвинула его в стол. – А ты... даже не обнял, зато намиловался с собакой, наверняка к Соолме успел зайти, а теперь про свой фонарь... Будто и он тебе любее меня... Да, не забудь сказать, что еще труба у тебя такая замечательная теперь есть!

– Какая же ты у меня дурёха, – улыбался Рагнер.

– Я не дурёха! – по-настоящему разозлилась Маргарита.

– Но ведешь себя именно так! Любимая, я весь мокрый, продрог... лежу и жду, когда ты, наконец, согреешь меня!

«Согреешь меня! О себе только думаешь!»

Девушка, ничего не отвечая, повесила фонарь на потолочную цепь, мокрую одежду – на перекладину и начала раздеваться сама. Рагнер тоже молчал, наблюдая, как она развязывает платок, освобождая золотистую лаву волос, снимает платье, чулки, трусики и остается в одной полупрозрачной сорочке с тонкими ляпочками и шнуровкой спереди, какая обольстительно приподнимала ее белые и скорее по-девичьи упругие, чем пышные груди.

– Точно два сочных яблочка, – не сдержался Рагнер. – Сорочка у тебя замечательная тоже...

– А ты ворчал не меньше моего в кисейной лавке, – не улыбувшись, ответила Маргарита, снимая и сорочку (иначе Рагнер ее измял бы).

Она нагой села на постель, расправила и задвинула синий занавес алькова, после чего залезла под одеяло.

– Ой, – невольно вздрогнула Маргарита, когда ее обняли ледяные руки. – Ты и впрямь весь продрог...

Несколько минут они молчали, неподвижно лежа и обнимаясь под покрывалом. От Рагнера пахло солью. Согревая своим теплом его грудь, руки и ноги, Маргарита мало-помалу успокаивалась, ее гнев и обида быстро таяли, – спустя четыре с половиной минуты она уже не понимала, отчего осерчала и едва не затеяла ссору.

– А увеличительная труба у меня замечательная... была... – прошептал Рагнер ей на ухо. – Нас прямо на «островки горя» несло, и если бы не она... А теперь в ней что-то сломалось, когда я свалился на нее...

– Свалился? Что ты там делал, наверху? – так же тихо спросила его Маргарита.

– Смотрел в трубу. Я не хуже нашего кормчего знаю здешние воды и, когда увидел холмы Аогдо, понял, что если не развернемся, то скоро напоремся на островки горя. Мы приподняли паруса, чтобы уйти в море... Мороки же с ними было! Нет, не годится для наших северных морей косою парус... А потом... и я до жути перепугался, – крепче обнял Маргариту Рагнер. – Я много слышал о белой волне, но думал, что это сказки... Впереди будто бы была стена из снега, клянусь тебе... Я был уверен, что нас раздавит, как щепку, но каким-то чудом стена распалась, нас подбросило на первом гребне в небо и перекинуло через второй – вот так мне всё увиделось... Хорошо, что мы с самого начала связали себя в цепи веревками, но... кажется, троих точно смыло в бездну.

– Боже... – только и ответила испуганная Маргарита. – А «Роза ветров» и «Медуза»? Как думаешь, что с ними будет?

- Боишься, что твой сундучок с серебром потонет?
- А еще мой орган! – ущипнула его за плечо Маргарита.
- Ай!

– Чтобы не говорил глупостей... Ты же знаешь, что Нестяжание – моя единственная Добродетель, зато усиленная солнцем в лунное затмение. Я за людей боюсь и лошадей тоже... За Рерду...

«Роза ветров» и «Медуза» отстали от «Хлодии» еще в Банэйском море, на пути к проливу Пера. Они направлялись к Ларгосу, куда доставляли вещи, ненужные Рагнеру и Маргарите в Брослосе, орган из Орифа и трофеи Лодэтского Дьявола, а также восемь лошадей, среди которых были Магнгро, рыцарский конь Рагнера, и Рерда – новая любимица Маргариты.

– Ольвор убежит от любой бури... Хотя было бы смешно, если бы он именно сейчас погиб.

– Смешно?

– Ольвор всё же женится на Хельхе. Если король даст дозволение, то в Брослосе ты увидишь свадьбу по нашим древним традициям. Ммм, чудесные, сладкоголосые, лодэтские традиции... К Ольвору меня не ревнуешь?

– Нет...

– А зря... Я его люблю больше фонаря и увеличительной трубы, – прошептал он и поцеловал губы Маргариты своими солеными губами. – А тебя меньше...

– Лучше сейчас помолчи... – закрывая глаза, прошептала она между поцелуями, – а то дошутишься...

Из-за качки и запаха соли, Маргарите чудилось, что она не в объятиях Рагнера, а во власти моря – и белые волны ее кружили среди пены, то поднимая на гребень, то скатывая вниз, – уносили ее куда-то по воле рока, в неизвестность. Ветер порой бился в оконца каюты и зловеще свистел у двери, заглушая отрывистые стоны из алькова. Иногда громыхал далекий гром, наверно, вспыхивали молнии. Стихии еще неистовствами, но когда Маргарита и Рагнер засыпали, небеса и море тоже утихали в своей страсти.

Маргарита проснулась через пару часов, на рассвете, с чувством дурноты. Выбравшись из постели, она за миг надела на голое тело платье, волосы быстро завязала узлом на затылке. Рагнер промычал что-то невнятное, но Маргарита, зажимая рот, уже бежала на угловой балкон. Там она перешла за корму. Марлена, занимавшая вместе с Магнусом соседнюю каюту, практически жила на втором подобном балкончике, да в это утро Маргарита ее не наблюдала.

Вцепившись во влажные перила, Маргарита смотрела вниз: потревоженная, рассеченная морская гладь, вновь соединяясь, лениво сталкивалась за кораблем и пропадала пузырями в белой мгле. Мир вокруг стал молочно-белым, тихим и пустым, – казалось, что ничего за туманом более не было – не существовало ни земли, ни жизни, ни времени. Но раздался цокот когтей, и вскоре из-за угла к Маргарите вышли Рагнер и Айада.

– Необычная у тебя морская болезнь, – сказал он, вставая рядом. – Енриити и Марлена вчера умирали, а тебя ни разу не вывернуло из-за бури.

Маргарита пожалала плечами, Рагнер же вздохнул.

– Я с Соолмой жил лет шесть... Словом... у тебя крови уже сколько не было? Или ты даже не догадываешься?

– Догадываюсь... – неохотно ответила Маргарита. – Я еще в Элладанне поняла...

Рагнер постоял, хмурясь, и задумчиво изрек:

– Понятно.

Айада использовала балкон как уборную и, понимая по звукам, что собака сейчас мочится за углом, Маргарита резко перегнулась через перила. Пока ее тошнило, Рагнер придерживал ее. После он подошел к угловой балясине, к какой крепилось ведро. Так ничего и не

произнеся, он развязал узел веревки, бросил ведро в море и, зачерпнув воды, подтянул его за веревку вверх. Маргарита умыла рот, после чего Рагнер вылил остаток воды на пол балкона, убирая собачью лужу:

– Тебе понятно, а мне нет... – проговорила Маргарита, пока он привязывал ведро, возвращая его болтаться за балконом. – И ты можешь быть отцом, и Ортлиб, и даже тот, мразь...

– Надо было сказать раньше.

– Это мои заботы. И разбирательства между мной и Енриити: дитя будет бароном или баронессой Нолаонт.

– Нет, не будет, – обнял ее Рагнер со спины и поцеловал в висок. – Не хотел говорить до Брослоса, но... принц Баро дал мне слово, что к Сатурналию привезет в Ларгос мой развод.

Маргарита запрокинула к нему удивленное лицо.

– Успеем обвенчаться, – серьезно проговорил он. – В Брослосе сходим к астрологу – пусть рассчитает точный срок.

– Но... – уже улыбалась Маргарита, – а как же уши Ранноров и голова жены под меч? Вдруг родится мальчик без твоих родовых ушей.

– Сыном я его признать не смогу, но усыновлю: воспитаю, как родного. С девчонкой сложнее... Придется признать ее своей, а если ее сыны уродятся неушастыми – ничего не поделаешь: казнь тебя при всей родне. Жалко – ты через лет четырнадцать еще красивой будешь.

– Рагнер! Хоть сейчас можешь не шутить!

– Ладно... Просто замуж дочурку отдавать не будем – пусть с нами до старости живет...

– Рагнер!! Хватит! Я лучше сперва разрешусь, и поглядим на уши.

– Ни за что, – крепче обнял он Маргариту и погладил ее живот. – А если это мой сын? Будет преступнорожденным? Восемь лет на Священной войне, чтобы получить право на венчание? Мне Сольтеля хватило и на куда как меньший срок. Словом, брось тут мне: мой сын каким-то орензским бароном не родится. Будет так, как я сказал.

Пару минут они молчали. Первой заговорила Маргарита:

– Рагнер, так ты мне предложение руки и сердца сделал? – уточнила она.

– Да... Хочешь за меня?

– Хочу... – нежно улыбалась девушка. – Так что, если дочка?

– Посмотрим. Много воды утечет до ее замужества.

Они опять немного помолчали. «Хлодия» медленно скользила в пустоте, разрезая собой ласковые волны – не верилось, что недавно это кроткое море, разбушевавшись, забрало себе три души. Гласом морского чудища прогудела труба...

– А неопасно так плыть? – спросила Маргарита. – Вдруг впереди скалы?

– Нет. Мы ныне без ветрил – оба паруса нужно менять. Нас сейчас несет теплое течение из Малой Чаши – по Хельхийскому морю прямо к Брослосу. Ничего опасного впереди нет.

– Ничего опасного впереди нет... – тихо повторила Маргарита. – Расскажи мне о своей родне, прошу. Ну хоть о своем дзэне, кронпринце. Почему ты так его не любишь?

– Почему... Кратко не объяснить. Зимронд мой ровесник... Сколько себя помню, я с ним дрался, хотя в юности я вовсе не был драчлив. Впрочем, я с ним редко виделся. После гибели отца, моего старшего брата забрали в Брослос, меня оставили в Ларгосе. И мне это было по душе, – вздохнул Рагнер. – Я люблю свой замок и те места. С Зимрондом я виделся где-то раз в год. Он обзывался, доводил меня... А мой брат Гонтер с ним дружил. Он нас всегда разнимал, – снова вздохнул Рагнер. – Когда я вернулся из Сольтеля, то мне и Зимронду было по девятнадцать. Мы сцепились на набережной Брослоса. Я убил его услужников, отделал его самого и, более того, стащил с него штаны и заставил так прогуляться до королевского дворца. А он спокойно шел на глазах у горожан, даже не пытаясь прикрыть свой рыжий хер... После этого мне пришлось бежать на край мира, на Бальтин...

– Ого... А почему Зимронда не терпит его отец?

– Терпит, еще как терпит... Дядя говорит, что Зимронд болен так же, как была его мать.

– В моем учебнике Истории написано, что его матушка умерла в монастыре и имела прозвище Набожная.

– В монастырь ее упек дядя... В годы войны за лодэтский престол, чтобы привлечь на сторону нашего рода Хвитсуров, вождей острова Ула, дяде Ортвину пришлось в пятнадцать лет жениться на тридцатилетней Мальде Хвитсур или Бешеной Мальде, как ее тогда звали. Она была вдовой, причем вдовой своего родного дяди... огненно-рыжая и с буйным нравом как все Хвитсуры, – но это полбеда. У нее была особая болезнь – ненасытное сладострастие. В башню Лóнсё, что до сих пор стоит у набережной Брослоса, ей доставляли любовников, а потом тех выбрасывали с камнем в воду. Когда мой дядя прознал об этом, то отправил нечестивую супругу в монастырь Святой Варвары, где она умерла, и поэтому вошла в Историю как Набожная... Казнить ее он не решился – такого позора – уймы измен, да жены-королевы, да с простолюдинами, да и, вообще, непонятно кем, – такого позора никакой кровью не смыть. Тебя еще удивляет, почему я о родне не люблю говорить? Сперва надо с тобой обвенчаться, а то сбежишь... – улыбнулся Рагнер.

– Жуткая история, конечно, но не дождешься... И что Зимронд? Он тоже выбрасывает любовниц с камнем в воду?

– Нет. Он просто пьяница, распутник и бесстыдник. Он дяде Ортвину столько крови отравил, что... Но Зимронд – жених санделианской принцессы Исбеллы, какой сейчас десять. Через шесть лет она станет его супругой, нашей будущей королевой. Из-за Тридцатилетней войны дядя женился на Бешеной Мальде, потом, чтобы поправить дела нашего разоренного войной королевства, он взял в жены аттардийскую принцессу Гэнну Богатую. Зимронд и Гонтер получили по мирному договору невест еще до рождения этих дев. Вот только Гонтер умер, и мне пришлось жениться, иначе дядя не простил мне побега в Южную Леонию. Воина с Бронтаей тоже стала следствием той войны, и Эккварт получил по мирному договору невесту... Словом, война уж двадцать шесть лет как закончилась, а до сих пор бьет. Какие только лапы не залезли с тех пор в Лодэнию. Зимронда опекает наш канцлер, ставленник санделианцев, Гизель Кальсингог... Я зову его «лысый свиристель».

– Почему?

– Потому что он лысый и свиристель... Сам руки не пачкать не любит, а любит насвистеть то одному, то другому... Мастерски свистит, и цену я этому свисту узнал после войны с Бронтаей.

– Что он тебе сделал?

– Ничего. Вернее, не успел ничего сделать. Он просто осыпал меня щедротами, льстил, сулил власть и неземные богатства. Желал узнать тайну громовых бочонков – и продать ее санделианцам.

– Знаешь, любимый, – расстроено сказала Маргарита, – я хочу побыстрее в твой Ларгос.

– Наш Ларгос, – поправил ее Рагнер, начиная улыбаться, а затем поцеловал Маргариту в губы.

– Меня же вывернуло только что, – пробурчала девушка, но тоже стала широко улыбаться.

– Всё равно ты сладкая...

Они помолчали еще пару минут. Айада, раскрыв пасть и высунув розовый язык, шумно дышала в тиши белого тумана. Маргарита посмотрела на ее ошейник – золоченую цепь с подвеской в виде лодэтского водоворота – рыцарский орден Рагнера за выигранный турнир.

– А твой дядя, король? Он какой? Ты говорил, что у вас редко бывает без ссор.

– Это так, но дядя Ортвин – очень славный. И не зря его прозвали Хитрым: он умудрился так всё перепутать, что жадные лапы санделианцев, аттардиев и бронтаянцев, лезущие в Лод-

энию, застревают и царапают друг друга. Я бы так не сумел, и мой отец, стань он королем, тоже. Дядю я люблю, с ним у меня хорошие отношения. А чем реже мы видимся, тем они еще лучше.

– Разве не он выслал тебя на войну, приказав не возвращаться живым без победы?

– Так дядя дал мне возможность очистить герб от позорной метки, хотя орал, что делает это лишь потому, что я Раннор, как и он. После моей победы мы помирились, потом поругались... ну а потом вновь помирились, вроде...

– Его нынешняя супруга, королева Хлодия Синеокая, она красива?

– Да, красива... О ней я мало что могу сказать. Меня шестнадцать лет дома почти что не было. Хлодия, она... безупречна. Жуткие истории – это не про нее. Ее дочурке пять лет. Дочку, мою маленькую суженну, зовут Ольга.

– Ольга – это то же самое имя, что и Хельха? В честь моря, по какому мы ныне плывем?

– Хельха – это ольха, дерево. Она растет вдоль всего восточного побережья Тидии, отчего и пошло название моря. Раньше сказать даме – «ты, как ольха», считалось высокой похвалой. М-да... изящна и стройна. А Ольга – это «божественная». Хлодия – «благородная»... Так, пойдем еще поваляемся, – потянул Рагнер Маргариту за угол балкона к двери в каюту. – Я хочу целоваться и жаловаться на Ольвора. Так и знал, что этим всё кончится, – после стольких наших лет вместе, он женится на Хельхе! А я так хотел жить с ним в Ларгосе. Мастерить корабли с ним и Вьёном, а он!

– И живите...

– С Хельхой я жить по соседству не хочу. Она мне мою кухарку напоминает, Железную Олзе, – с Олзе мы росли, и она меня колотила в детстве. Я до сих пор ее немного опасюсь...

Глава II

Брослос

«Самое северное королевство» Лодэния состояла из полуострова Тидия, соединенного с континентом Меридея перешейком, из двух великих островов – Орзении и Морамны, и из уймы островков поменьше, самыми крупными из каких были, в порядке убывания: Дёфёрс, Ула, Сиюарс и Дёронс. Тидия и Орзения омывались с запада Банэйским морем и разделялись узким проливом Пера. Крепость Мессё встала на северо-западном мысе полуострова Тидия, у входа в пролив Пера из Банэйского моря. После пролива начинался самый опасный участок морского пути – Водоворот Трех Ветров, лежащий между Хельхийским морем и Малой Чашей – океаном, приносящим вопреки законам природы теплое течение с севера. Чудо, почему Малая Чаша не замерзала за Линий Льда даже зимой, объяснить не могли ни священники, ни магистры знаний. Воды Малой Чаши омывали Орзению с востока, Морамну – с севера, далее текли в Хельхийское море – море между Тидией и Морамной. Симорзское море разъединяло южное побережье Морамны и северные берега королевства Бронтия.

Длинный остров Дёфёрс протянулся на востоке королевства, между островом Морамна и континентом Северная Варвария, разделяя два океана – Малую и Большую Чаши. По договоренности лодэтчан и северных варваров, на Дёфёрсе никто не жил и никто там не охотился. Остров Ула находился близ юга-востока Орзении, остров Сиюарс – юга Морамны, остров Дёронс – среди россыпи островков у юга-запада Морамны.

Ранее остров Морамна полностью принадлежал герцогам Хамтвирам, но затем, после их поражения в Тридцатилетней войне, лишь западная его половина осталась герцогством Морамна; восточная половина отошла в домен короля, стала герцогством Альёдц, но прежнего названия остров не утратил. Полуостров Тидия, наоборот, до Тридцатилетней войны делился с севера на юг так: на кусочек самого северного графства Аогдо у пролива Пера, на герцогство Тидия в Великой Впадине и на три графства во владении Кагрсторгов, бывших королей Лодэнии, – на самый южный округ-перешеек Ормдц, на благодатный юго-восточный край Сумбодц и на скалистую Акколу на юго-западе. Ныне весь полуостров принадлежал роду Раннор: юг и северное графство Аогдо – королю, герцогство Тидия – герцогу Раннору как вотчина, то есть родовое феодальное имение, переходящий по прямому наследованию (к старшему сыну). В домен короля отошли еще и острова Ула, Сиюарс, Дёронс, но не Орзения. Королева Маргрэта, будучи старшей дочерью и последней из рода Мёцэлр, унаследовала это бывшее королевство от своего отца – и лишь после ее смерти Орзения переходила в полное владение лодэтского короля, ее сына.

Так как сыны короля Ортвина являлись принцами, вождями первого ранга, то каждому после их возраста Послушания достались в лен земли: кронпринцу Зимронду – процветающий Сумюодц, Эккварту – намного больший по размеру, но малозаселенный и поэтому куда как менее доходный Альёдц. Крупные города, возникавшие на торговых путях, приносили золота в казну столько же, как целое герцогство. После войны на острове Дёронс король Ортвин I основал новую столицу Лодэнии – Брослос. Вторая столица, Лидорос, была напротив первой, в Морамне. По морю от одной столицы до другой можно было добраться в среднем за час-полтора. Еще одна столица, Нёлндос, располагалась в Сумюодце у обширного озера Каола́ол, на расстоянии одного дня от восточного побережья.

Лодэтчане представляли собой несколько народностей. В Орзении и на Уле жили рыжеволосые люди, но у исконных улайцев глаза были голубыми, у подлинных орзенцев – серыми или зелеными. На Морамне и на острове Сиюарс жили кареглазые брюнеты – такие же, как на востоке Бронтия. Коренные тидианцы являлись яркими блондинами. Различия проявились также в родовых именах. На Тидии аристократы имели окончания имен на «ор», все остальные

– на «ог»; на Морамне – на «ир» и «иг», на острове Ула – на «ур» и «уг», на острове Сиюарс – на «гор» и «гог» и лишь в Орзении на «элр» и «эл». Так, несмотря на то, что за последние века лодэтчане перемешались, по имени или внешности они могли определить происхождение соседа. Когда разразилась война за лодэтский престол, то эти различия подлили масла в огонь: распря знатных кланов перетекла в братоубийственную войну, длившуюся ровно тридцать лет. И до сих пор неприязнь одной народности против другой сохранилась у лодэтчан, но особенно сильна она была между тидианцами и морамнцами.

Путешествие, длиной в семьдесят восемь дней, наконец завершилось. Утром шестнадцатого дня Трезвения, в нову второй триады, «Хлодия» стремительно приближалась к двум столицам Лодэнии.

Днями ранее Маргарита увидела восточное побережье Тидии, вернее: Великую Впадину, простиравшуюся от северных холмов графства Аогдо до возвышенности южного графства Сумюодц, от города Белос и до города Аос, – и влюбилась в тот край. Там шумели высокие леса, на сочно-зеленые луга выбегали олени, лютики нарядно желтели солнышками, маргаритки – снежинками, а густые, взбитые, сливочные облака спускались к крышам городков. И, конечно, реки – множество рек, речушек и ручьев, – их число затруднялся назвать даже Рагнер. Вспоминая, как она думала, что в Лодэнии и летом снег не сходит, да убедившись в своем мнении, увидав ледники на западе Тидии, Маргарита радовалась неожиданному подарку Фортуны, – Ларгос, скрытый от ветров за островом Фёо, представлялся будущей герцогине Раннор райским уголком у ласкового моря.

Но пока в Брослосе, в замке Рюдгксгафц, проживала нынешняя герцогиня Раннор. Рагнер описал ее как «девчонку лет на десять», что ничуть не успокоило Маргариту, ведь свою бабушку (в ее шестьдесят семь с половиной!) он называл «девчонкой лет на двадцать». Для знакомства с бабушкой Рагнера и неизбежной встречи с его женой, со своей «соперницей», Маргарита надела купленные в Орифе наряды: роскошнейший плащ и великолепный головной убор, не имевший названия. Плащ был из узорной камки, в сложном, золотисто-черном рисунке да подбитый красно-пурпурным атласом. Головной убор представлял собой плотный бежево-золотистый платок, наброшенный на голову капюшоном; его кружево, расшитое жемчужным бисером, нежно окаймляло лицо, а удерживала платок на голове шляпка, похожая на полосатую черно-красную розу, что крепилась немного ниже макушки. Выглядела Маргарита не хуже принцессы и уж точно достойно титула герцогини. А Рагнер носил свою любимую одежду: белая рубашка, черные узкие штаны, короткий камзол, длинный черный плащ без рукавов, черные остроносые сапоги, черный берет с развалистым пером и черной брошью в золоте. Он лишь опоясался золотистым кушаком и добавил на правое бедро парадный золоченый кинжал Анарим, но будничные вороненые шпоры менять на золотые не стал.

Енриити «модничала» в тонком шелковом платье, поэтому из-за морского ветра куталась в отороченный мехом плащ. Диана Монаро, в траурной вуали и в платье с глухим воротником, будто противопоставляла себя Маргарите, являя собой образ вдовы без упрека – пристойной и скорбной. Соолма носила знакомое темно-багряное, шуршащее платье и белый двурогий колпак с вуалью-парусом. Марлена по-прежнему предпочитала одеяния, похожие на наряды зажиточной сильванки (белый чепец, простоватые строгие платья, однотонный плащ). Магнус имел черное убранство, как у Рагнера, только ничуть не роскошное. Эта пара изображала мужа и жену с острова Утта. Настоящего супруга Марлены, Огю Шотно, «Хлодия» доставляла до Брослоса, после чего пути господ Махнгафасс и господина Шотно расходились.

На плоской крыше кормовой надстройки, вдоль балюстрады шел выступ, заменявший скамью, а накрывал смотровую площадку синий шатер, ныне распахнутый с четырех сторон. Гости герцога Раннора, он сам и принц Эккварт находились там – орензчане, сидя среди поду-

шек на выступе, осматривали окрестности столиц, Рагнер гладил Айаду, принц рассказывали об этих местах.

Остров Дёронс лежал по правую руку: каменистые берега, смешанные леса, деревни, рыбацкие поселения... Вдруг слева в море показались глухие стены, сложенные из неровного, грязно-серого песчаника, и сперва подумалось, что это крепость на островке, но сторожевых башен не наблюдалось, а из-за стен выглядывали верхушки пяти черных пирамид – пять шатров храма, указывавших «цветом тайны, ночи и строгости» на женский монастырь.

– Раньше эти места интересовали лишь странников, священников да тех женщин, что решили посвятить себя Богу, – говорил Эккварт. – Монастырь Святой Варвары славен во всей Меридее. А история мученицы замечательна – однажды на этот берег морские волны вынесли бочку, и в бочке рыбаки нашли девочку весьма необычной наружности да в странном платье. Ей дали имя Варвара, то есть чужеземка. И вскоре рыбаки заметили, что девочка лечит возложением рук – это был несомненный знак ее богоизбранности. Наша пращурка, первая меридианка, герцогиня Арфрата Раннор, покровительствовала Варваре, устроив на острове Фёо монастырь, и помогла ей стать святой мученицей. Чудо случилось даже после смерти Святой Варвары – ныне ее статуя дарит каждый день по целительной слезе, какая может прогнать всякую хворь, правда, Святая Варвара не помогает богатым, праздным и изнеженным особам, а также тем, кто играет на арфе, – улыбнулся Эккварт и добавил: – Я нисколько не шучу. Любая дама может посетить обитель, однако врата открываются раз в сутки и после заката. Молятся тоже не в самом храме, а у его ступеней. Насколько я знаю, немногих счастливиц настоятельница приглашает пройти внутрь и позволяет им продолжить молитву у статуи мученицы. Сейчас мы как раз минуем врата монастыря...

Маргарита с удивлением разглядела посеревшие от времени створы среди глухих серых стен. Только волны стучались во врата монастыря и бились о его унылую ограду, похожую на лохмотья нищенки. А вокруг этой скупой, убогой серости простиралась роскошная синева морских вод, жизнерадостно золотело солнце, уносила ввысь бескрайняя даль голубых небес...

– Ближе к вечеру начнется отлив и покажется причал, – пояснил Эккварт. – Лодки доставят сюда тех, кто желает высказать почтение нашей святой. Правда, врата монастыря отворяют тогда, когда пристань снова скрывают волны и ноги молельщиков уже оказываются в воде – зато это очищает их от скверны.

– И много таких молельщиков? – усомнилась Маргарита. – Страшно как! А вдруг врата откроют слишком поздно?.. Никто еще перед ними не тонул?

– Вроде бы такого еще не случилось... А летом, перед закатом, причал всегда переполнен. Даже воздух этого святого места необычайно целителен.

– Желаете очистить себя от всех грехов? – улыбаясь, ехидно спросил Маргариту Рагнер. – Только представь: темная ночь, – зловеще шептал он, – рядом с тобой молчаливые тени, нет ни одной лодки поблизости, вода уже подступила к носу, а врата всё еще закрыты... И лучше всего приволочь тебя сюда зимой: летом любая сможет потерпеть и не заголосить.

– Не думаю, что я столь грешна!

– А я не отказалась бы посетить эту святую обитель... – подала голос Марлена. – От всех недугов исцеляет слеза мученицы?

– Насколько я знаю... – пожал плечами Эккварт. – Вам, госпожа Махнгафасс, следует поговорить со сведущим человеком и точно не слушать страшилок Рагнера. Любой священник в Лодэнии подробно расскажет вам о порядках этого монастыря и о чудотворных слезах Святой Варвары.

Марлена заметно повеселела: нежданно-негаданно Лодэния вернула ей надежду на чудо – на исцеление от бесплодия. А Маргарита, вспомнив, что в этот мрачный монастырь дядя Рагнера заточил свою первую супругу, почувствовала непонятную тревогу. Когда черные шатры

исчезли из вида, она с облегчением выдохнула. На острове Дёронс меж тем показалось поселение с нарядными деревянными домами и добротными каменными постройками.

– Это город Оарос, – сказал Эккварт. – Он лежит между двух монастырей и основан Экклесией для их нужд. Здесь есть дом младенцев, сиротские приюты, детские и отроческие дома трудолюбия, опекаемые гильдиями Брослоса, и монастырские школы. Как я уже говорил, раньше эти места интересовали лишь странников, священников и монахинь. До Тридцатилетней войны столица нашего королевства находилась на юге Тидии, в городе Нолндосе. О, я мог бы бесконечно описывать красоты того края, Сумюодца, плодородность его земель, пышность лесов и богатство прежней столицы. Но именно там шли самые кровавые бои. Не меньше пятнадцати раз Нолндос переходил под власть то одного рода, то другого, пока его полностью не спалили. Жители бежали оттуда, священники тоже. Епископство в те годы войны переместилось на остров Роранс, в монастырь Святого Ромзольда, какой уже виден справа. Это крупнейший монастырь Лодэнии, а весь остров подарили Святой Земле Меридиан. Монахи сами выращивают ячмень и овощи, собирают полезные корни, травы и ягоды, разводят коз.

Эккварт говорил о едва заметных на горизонте холмах, к каким направилась «Хлодия». Вскоре из голубой дымки проступили очертания острых крыш и шпилей, будто парящих над облаками. Еще минут через девять облака над морем позеленели и превратились в пышные лиственные кроны, показались редкие избы на берегу и огороды. Если женский монастырь напоминал суровую тюрьму, то этот остров казался прибежищем для вольниц.

– Здесь столь мило... – удивленно произнесла Маргарита. – Женщин на острове нет вовсе? Монахинь хотя бы?

– Нет, – улыбнувшись, помотал головой Эккварт. – Но в монастыре живут не только монахи – еще там есть семинария... А деревни, что вы видите, окольцовывают остров... В них свободно обитают прокаженные. Страх перед ними защищает остров лучше любых стражей или пушек.

– Даже я не дерзнул бы вступить на земли проклятых, – подтвердил Рагнер. – Хитрецы эти монахи... А ты что скажешь, Магнус?

– Скажу что это и правда очень умно, – скупой ответил бывший священник. – А еще богоугодно: несчастных изгоев никто не держит взаперти.

– Монахи ничуть не боятся? – не отставал от него Рагнер. – Почему? Это же жутко... подхватить змеиную болезнь и гнить заживо? Аэа, – передернуло его.

– Монахам страдание в радость: они думают о душе, а не о плоти. В часы испытаний, в разгар чумы или разгул иных язв, одни погибнут, вторые пребудут во здравии, а третьи исцелятся. Воля Божия, помнишь?

Тем не менее все дамы начертили на груди как оберег большим пальцем крестик. Даже Соолма перекрестилась. Рагнер этого делать не стал, поскольку стыдился явить страх. Магнус тоже не отметил грудь святым знаком, но по иной причине: он единственный на «Хлодии» не боялся проказы, ведь ранее ему доводилось общаться с «проклятыми». Эккварт, подумав, перекрестил грудь последним.

Из-за поселений прокаженных близко к острову Роранс «Хлодия» не подошла. Монастырь Святого Ромзольда остался для орензчан загадочными шпилями, лентами стен и углами острых крыш, таящимися среди густой листвы. Однако и такой вид убедительно поведал о его великолепии.

– Уже после Тридцатилетней войны, – продолжал рассказ Эккварт, – в двенадцатом году, тридцать девятого цикла лет, так как от Нолндоса остались руины, а епископ жил в монастыре Святого Ромзольда, батюшке и его первой супруге пришлось венчаться на царство в этих окрестностях, в ближайшем городе с достойным храмом – в Лидоросе. Так Лидорос стал новой столицей и по сей день не утратил этого звания, как и Нолндос. Но время было беспокойное, Нолндос далеко, а Лидорос принадлежит герцогам Хамтвирам.

– Эккварт хочет сказать, – перебил его Рагнер, – что наш заклятый враг, Хильдебрант Хамтвир, мог затеять какие-нибудь козни, скажем, отравить нас, перебить во время пира или охоты, устроить мятеж, а затем венчаться на царство в своем же городе. Тем более что епископ под боком.

– Да, – подтвердил Эккварт. – В Лидоросе и во всей Морамне слишком много верных Хамтвирам людей. В те времена хватило бы мелочи, чтобы вновь вспыхнула война. Батюшка решил возвести новый град с красивейшим храмом на острове Дёронс, прямо напротив Лидороса. Сейчас и не скажешь, что двадцать шесть лет назад на месте Брослоса была лишь обширная военная крепость, негодные руины замка Дюрбоц и рыбацкое поселение. За следующие десять лет мы, лодэтчане, сотворили подлинное чудо: Брослос и поднимали, и равняли, и рыли в него каналы с речной водой. Зато высокая набережная столицы теперь не боится ни приливов, ни бурь, а горожане не знают недостатка в пресной воде. И Нолндос мы отстроили заново, благо он лежит на оживленном торговом пути. Двор короля частенько туда переезжает. Мне, к примеру, особенно нравится проводить там лето и купаться в озере, но бабушка, напротив, любит встречать в Нолндосе весну. Кстати, именно там бабушка женился во второй раз, на моей матушке. Там же она венчалась на царство и там же я родился.

– В Черной башне Кагрсторгов... – вставил Рагнер.

– Ну, это было самое безопасное место, – почему-то смутился Эккварт. – И об этом как-нибудь потом... Повторяю, страшилкам Рагнера не верьте. О! – воскликнул принц. – Лучше полюбуйте левым берегом. Это Морамна.

Слева замаячили сады, особняки, пристани... Но вскоре «Хлодия» снова направилась вправо, ближе к Дёронсу, и Морамна начала таять в синеве. Зато всё чаще в море стали встречаться вместительные парусные лодки и одномачтовые торговые корабли.

– Лидорос, – говорил Эккварт, – крошечный, тихий и уютный городок. Он сильно отличается от Брослоса. Близ него селятся имущие люди, желающие уединения, тиши и простора. После Тридцатилетней войны западная часть острова Морамна осталась у герцогов Хамтвиров как герцогство Морамна, а за восточную часть Хамтвиры выкупили у нашего рода свои жизни. Так восточная Морамна в итоге досталась мне. Те земли называли Альёдц.

– Отец назвал их от краткого имени моей матери – «Альё», – шепнул Маргарите Рагнер. – Но это великая тайна.

Имя Цальвии Раннор стерли из Истории за самоубийство, поэтому Маргарита с легкостью догадалась о причине такой таинственности. Она ничего не ответила – только погладила руку возлюбленного, а про себя подумала, что история Лодэнии очень тесно переплелась с именем Раннор: куда не посмотри – будет рассказ, легенда или пугающая тайна... Она уже сама не знала, хочет ли знать секреты этого древнего рода, частью какого собиралась стать.

– Тридцать седьмого дня Целомудрия мне исполняется восемнадцать лет, – говорил Эккварт. – И я знаю, какой подарок мне сделает бабушка. В Альёдце, на юго-восточном побережье Морамны, недалеко от Большой Чаши, заложат новый город, куда я переберусь к совершеннолетию. Мне надлежит выбрать название...

– Веселее, Эккё, – произнес по-лодэтски Рагнер. – Радуйся, что тебе не досталась Ула с рыжими улайцами. А Сумюодц, как бы прекрасен он не был, принадлежит Зимронду. Мне и этого достаточно, чтобы не любить Нолндос.

Эккварт скривил лицо в неясном выражении и продолжил рассказ:

– Грандиозные стройки в Брослосе и Нолндосе пошли на благо нашему разоренному войной королевству. Опять заработали каменоломни, рудники и глинища, понадобились плотники, каменщики, кузнецы и чернорабочие, в их поселения устремились прочие ремесленники, морские перевозки возродили торговлю. Сотни тысяч мужчин честно трудились, а не грабили из-за нужды. Уже через десять лет, в двадцать втором году, завершилось возведение красивейшего храма Лодэнии, городских стен Брослоса и королевского дворца Лодольца – в

Марсалий в нем случился первый рыцарский турнир. Рагнер тогда состязался как соискатель на звание рыцаря...

– И позорно выбыл после первого поединка, – усмехнулся тот. – Давай лучше о чем-нибудь другом.

– Ну... в том же году Брослос стал законной столицей Лодэнии: в нем венчалась на царство третья супруга батюшки, королева Хлодия. Следующие пятнадцать лет Брослос продолжал строиться и расцветать. Теперь в нем находятся епископство и университет – уже второй в Лодэнии! Первый университет, конечно, заново отстроили в Нолндосе.

При приближении к Брослосу команда «Хлодии» засуетилась, убирая центральный парус и частенько поворачивая передний для того, чтобы максимально замедлить движение корабля. Эккварт пояснил, что заход парусника в оживленный порт и тем более постановка его к пирсу – это сложнейшее мастерство. Рагнер с ним согласился, обрував косые паруса и галеры. Еще Маргарита узнала от своего возлюбленного, что корабли вовсе не «шастают» у порта так, как пожелают, что заходят в него утром и покидают засветло вечером, что сперва встают на якорь у берега и только потом получают разрешение подойти к причалу, что приливы и отливы крайне важны, что на корпусе судна есть отметки для определения осадки, что иногда приходится выбрасывать за борт камни из трюма (я бы сразу их выбросила: зачем нужны там камни?), что эти камни чрезвычайно нужны (ну хорошо, нужны так нужны), что капитан корабля при швартовке это и кормчий, и рулевой, и смотровой, а в плавании – счетовод, палач да звездочет, и что лучше Ольвора капитана нет, в чем Маргарита дерзнула усомниться (палач из «рыжего людоеда» вышел бы отменный, тогда как звездочет – отнюдь не внушающий доверия). В конце рассказа Рагнер добавил, что у набережной Брослоса корабли тоже не шастают, только лодки, но «Хлодия» немножко «пошастает»: трубачи распугают все встречные «посудины» да Брослос заставит собой залюбоваться.

Первым, чем предложили орензчанам залюбоваться – это грубым строение на берегу – желтоватой глыбой с двумя мощным башнями, соединенными вверху ходовой перемышечной-мостом. Зато после гости герцога Раннора оживились: напротив глыбы-крепости, через узкий проход, прямо из морских вод, рос серый каменный куб с квадратной башней маяка. За кубом из волн восставали еще две круглые белесые башни: изящная, с крышей-конусом, и толстенная, со смотровой площадкой. Прямоугольный дом и мостик соединяли эти две башни. Причалы с боевыми галерами связывали все три возвышавшиеся над волнами строения; одинокий длинный пирс тянулся от толстой башни в море, как рука к солнцу.

– Желтая крепость на берегу – это Ксгафё, – объяснял Эккварт. – Ей больше века, и сохранилась она от прежней обширной крепости. Сейчас в Ксгафё живут рыцари, пока несут воинскую повинность. Внутри есть поле для потешных сражений, сорок спален, кухня... Первые десять лет, пока строился Брослос, в Ксгафё размещался королевский двор. Квадратный серый форт Рнбёрс возвели при моем батюшке для обороны – там стоят пушки. А крепости Рюдгё – это та, где две белые башни, ей всего пять лет. В ней живут моряки с кораблей короля, и туда ставят на отдых «Хлодию».

За крепостями показался округлый залив. Высокая, сложенная из сероватого камня набережная, начинаясь от Ксгафё, плавно окаймляла город, а вдоль берега передвигались повозки, спешили всадники, гуляли люди; иногда от набережной к морю просто спускались ступени, иногда эти лестницы вели на лодочные причалы. Дома на набережной, с высокими фронтонами, двухэтажные и трехэтажные, встали красивым разноцветным забором, за каким вразнобой столпились домики попроще; виднелись колючие шпили с флюгерами, рыжие крыши и яркие пирамиды храмов. Северный город, обделенный природой красками, сам расписал себя цветом. Маргарита также видела два замка, еще три миниатюрные башенки, выроставшие из вод у берега (две были соединены с городскими стенами, а одна нет) и главное украшение столицы – королевский дворец Лодольц, – от него не хотелось отрывать взгляда. Словно сокро-

вище морского владыки, прибитое течением к пестрой набережной Брослоса, воздвигнутый среди вод на высокий, гранитный пьедестал, стоял то ли замок, то ли островок: в кольцо из белокаменных крепостных стен вклинились пять светлых дворцов, а в центре гордо возносились ввысь резные шпили и темнело нечто витиеватое, могучее, подобное вспенившимся волнам.

Орензчане, глядя на Лодольц, не сдерживали своего восторга. Даже прямоугольный, простоватый дворец, что оказывался к ним ближе всего и мешал рассмотреть «пенную красоту», радовал глаз изящностью карнизов и оконных козырьков, легкостью линий и удивительной гармонией серых, сливочных, песчаных оттенков. Поверху шла тонкая ограда, намекавшая на обзорную площадку, по углам там встали четыре беседки.

– Лодольц расположен строго по сторонам света, окружен морем с трех сторон, а с запада прорыт ров, – рассказывал Эккварт. – Скоро мы поедем по набережной – и вы сможете полюбоваться на Лодольц с берега. На севере вы видите Приказной дом, где живет обслуга. С юга похожий дворец примыкает к набережной – там будет Сторожевой дом для воинов, рядом с ним, внутри замковых стен, есть ристалище. На востоке – полукруглый Малый дворец. Там живу я и моя сестра Алайда. На западе, у набережной, – Конный дом и Канцелярия – они как братья-близнецы, разделенные Королевским мостом. В Большом дворце, что в сердце Лодольца, живет мой батюшка, король Ортвин I, его супруга Хлодия и моя сестренка Ольга. Внутри Лодольца еще есть сад, два парка, пруд, часовня и кладбище.

– Посмотрите лучше на мой дом! – вступил Рагнер.

В глубине залива, у набережной, после глыбы-крепости Ксгафё, виднелись жилые домики, затем – нагромождение белых башен с изумрудно-зелеными крышами, после – опять пестрый забор из двенадцати узких домов, следом – тяжеловесное, мрачноватое строение, на какое и показывал Рагнер. Маргарита нашла примечательной только длинную, коричневую, двускатную крышу, разобранную в шахматном порядке выступающими слуховыми оконцами – всего три ряда белых квадратных рамок. Кровля напоминала диковинную земноводную тварь, пригревшуюся и уснувшую на солнышке – она будто открыла поры на теле, всасывая воздух, и казалось, что в следующее мгновение тварь захлопнет чешую да уползет к волнам.

– А чей дворец с зеленой кровлей? – спросила Энриити, тоже не впечатленная серым, под коричневой крышей замком.

– Это замок Гирменц. Там живет кронпринц Зимронд с собственным двором, – ответил Эккварт. – А в замке Рагнера ныне гостит королева Орзении.

– Да скажи, как есть... – вздохнул Рагнер. – Бабуля по старинке надзирает за поведением моей супруги, пока ее супруг, то есть я, на войне.

– Наверно, двор короля Ортвина многолюден? – решила сменить тему Маргарита.

– Сложно сказать... – задумался принц. – Лодольц – это отдельный город, куда прибывают послы, где король и королева рады гостям, где воспитываются благородные юноши и девицы, а рыцари, после восьмидесяти воинской повинности, задерживаются у своего господина, короля, настолько, насколько захотят. Все они при дворе не состоят, но украшают его. Охраняет Лодольц Полк Его Величества из двух тысяч верных и доблестных воинов, какие именуются «регты». Однако в Сторожевом доме размещается лишь треть полка, остальные две трети – в Ксгафё и Ксансё. При кухнях числятся около пяти сотен имен, столько же приписано к службам Большого и Малого дворцов. Иногда к празднествам население Лодольца вырастает до шести тысяч душ. Наверно, Канцелярия – это еще триста имен, а при Конном доме есть и герольды, и оружейники, и трубачи... Но многие, кто на службе, живут вне Лодольца: приходят туда ежедневно или даже реже. Можно смело утверждать, что весь Малый Лабиринт – это два округа близ Лодольца – так или иначе работает для снабжения королевского дворца всем необходимым. А когда двор переезжает в Нолндос, то туда отправляются где-то три сотни придворных и половина королевского полка.

– Я-то думала, что двор герцога Альдриана пышен... – улыбнулась Маргарита. – Шесть тысяч душ!

– На самом деле мы скромно живем, – пожал плечами принц. – Батюшка не любитель балов, представлений или пиршеств. Высокие гости тоже посещают нас изредка. Зато на моей свадьбе ожидается большой размах.

– Вашей свадьбе?... – удивилась Енриити.

– Будет этой зимой, сразу после Возрождения. По условиям мирного договора, я женюсь на сестре короля Бронтаи, принцессе Геллезе.

Енриити расстроилась, с обидой посмотрела на Рагнера за то, что он не удосужился сообщить сию «пустяшную подробность» – Лодэния сразу стала ей неинтересна. Диана Монаро будто сказала своей воспитаннице холодными серыми глазами: «Ну что? Убедилась? Все тебя обманывают, кроме меня!»

– Замок Рагнера, Рюдгксгафц, когда-то был частью крепости Ксгафё. По нему можно судить о ее былой обширности.

– Пока строился Брослос, и король населял со своим двором Ксгафё, – перебил принца Рагнер, – в Рюдгксгафце проживали первая супруга дяди и их сын, наш кронпринц Зимронд. Вскоре туда же привезли моего старшего брата, Гонтера, ведь герцогу и кронпринцу надлежало, по решению семьи, стать лучшими друзьями и опорой друг другу. Словом, Гонтер и Зимронд провели здесь отрочество и юность. Когда дядя задумал разрушить Рюдгксгафц, брат уговорил его продать ему этот старый дворец, какой он со временем переделал на свой вкус, обнес его стенами и превратил в замок. Зимронд пожелал жить по соседству, поэтому на его восемнадцатилетие дядя Ортвин повелел возвести замок Гирменц. Городская стена начинается прямо от Гирменца, тянется полукругом и заканчивается за портом, у развалин замка Дюрбоц. Эту стену все зовут «Старый Вал», хотя ее возвели позднее Нового Вала.

– Батюшка и не думал, что Брослос удастся столь многолюдным, – вновь перехватил роль рассказчика Эккварт. – Новый Вал поделил столицу на Солнечный город, что у Лодольца, и на Лунный город, что дальше от королевского дворца. Два города пересекают две широкие, прямые дороги: Южный Луч и Западный Луч. В Лунном городе у порта – округ Дюрбохон, где рынки, трактиры и бани... Вообще, Дюрбохон, самый скверный округ Брослоса и туда я дамам настоятельно не советую даже заходить. Между Южным Лучом и Западным Лучом, в Лунном городе находится Большой Лабиринт – округ, где легко заблудиться. Там в основном селятся небогатые ремесленники, чернорабочие и кузнецы из-за шума кузней. Последний округ Лунного города – самый зеленый и тихий округ Рюдгксгафхон, какому дал название замок Рагнера, Рюдгксгафц. Славен этот округ из-за озера Ульол, небольшого и, скорее всего, рукотворного, так как оно совершенно круглое. Зимой там катаются на коньках, а в первую триаду Веры весь Брослос устремляется туда на ярмарку. В Солнечном городе еще четыре округа... Но, чем слушать, лучше на всё посмотреть самим. Дева Енриити, – добавил Эккварт, – я буду премного рад показать вам красоты двух столиц.

Енриити улыбнулась ему, но уже без воодушевления. Наивной эта девушка отнюдь не была и понимала, что даже самая пылкая любовь не в силах расторгнуть договора двух королев.

«Хлодия» меж тем следовала вдоль Малого дворца – полукруглого, высокого (в три этажа), ребристого – он чем-то напоминал разложенный бумажный веер. Все окна были длинными, узкими, утопленными в оправы стрельчатых арок, и только на третьем этаже, в центре, виднелись три размашистых окна, а над ними сверкал самый необычный шатер, какой Маргарита когда-либо наблюдала: круглое, плоское основание усеяли, точно кристаллы, острые пирамидки стекла, – чудо, и только!

– Под этим чудом одна из самых прекрасных зал Лодольца, – ответил на вопрос о хрустальном шатре Эккварт. – Парниковая оранжерея с Лимонарием.

– Лимонарий в оранжерее?! – дружно удивились орензчане: в их стране оранжереи строили на земле как помещения для зимовки капризных южных деревьев, а «лимонарий» означал огороженный цветник с фонтаном или прудиком, уединенный райский уголок, куда апельсиновые, гранатовые и лимонные деревья выносили весной из оранжерей и прямо в кадках помещали в землю, будто те всегда там так и росли.

– О, эта затея придумана в Агтардии, – улыбался Эккварт. – Можно наслаждаться летом даже зимой! Тем более что северное лето слишком коротко.

За Лодольцом, на приличном от него отдалении, был еще один островок, а на нем багровела округлая крепость – с шестью башнями и всего-то одним оконцем в самом верху каждой из башен. От крепости столь же темно-красный, кирпичный мост перекинулся через воды к внушительной по размеру прибрежной постройке, что напомнила Маргарите ратушу Элладанна, правда, наполовину вступившую в море: желтоватый мощный прямоугольник, с его правого его края, где мост, торчит смотровая башня, на ней – колышек колокольни.

– А там что? – спросила она.

– На острове Вёофрс – тюрьма Вёофрс. Через мост – крепость Ксансё, куда мы прибываем. Корабль с такой осадкой, как у «Хлодии», не может причалить в порту, – пояснил Эккварт удивленным орензчанам. – Да и в Дюрбохоне не лучшие условия. Не бойтесь, преступников в Ксансё завозят в крытых повозках через отдельные ворота с улицы, и сразу – на мост, в тюрьму. А оттуда еще никому за двадцать лет не удалось сбежать. Мы же с причала пройдем во внутренний дворик крепости. Там получим лошадей и повозки.

– А сколько вольных горожан в Брослосе? – спросила Енриити. – Он кажется даже больше Элладанна...

– В «Медной книге» указано около сорока тысяч имен, но вместе с моряками, приезжими и бродягами, наверно, тысяч на пять-десять больше.

– Бродягами?!

– Дева Енриити, в Брослосе много стражников, рыцарей и прочих воинов... Бродяги встречаются в порту и в соседнем с ним Дюрбохоне. У нас ними что-то вроде перемирия: они знают, что если разозлить власти, то их начнут карать.

– Почему их сразу всех не повесить?

– Смертная казнь – редкое событие для Брослоса. Мы так много потеряли подданных в войнах, особенно в Тридцатилетней войне, что предпочитаем отправлять злодеев на каторги, а за мелкие проступки приковывать к позорным столбам. Если бродяга не ворует, не убивает, не разбойничает, то спокойно живет. Зачем вешать человека только за то, что у него нет дома или земли?

– Ох, как бы мой друг Вьён щас порадовался от твоих слов, – усмехнулся Рагнер. – А вот я так не считаю. Нечего клянуть! Иди и трудись или воюй. А так пригрелись тут... У них даже свой король есть.

– Король попрошайк? – улыбнулась Маргарита.

– Да, коронуется короной с заячьими ушами – и правит чудесной страной Зайтаей, где все счастливы, сыты и богаты. Говорю же: пригрелись тут! И есть у него аристократы: сводники, бандиты и прочее ворьё... И прекрасные дамы: уличные девки. Я бы с удовольствием разнес к черту их Зайтаю!

– Рааагнер... – раздражено протянул Эккварт. – Править королевством – это тебе не мечом махать! Политика – искусство тонкое. Равновесие нарушить легко, а создать его – труд на года!

Рагнер скривил рот, ничего не ответил и опять стал гладить Айаду.

По меркам городов Брослос являлся младенцем, тем не менее каждый его округ уже имел свою историю. Например, портовый Дюрбохон, «глотка Брослоса», возник на месте рыбацкого

поселения у развалин замка Дюрбоц. Изначально этот округ даже не думали включать в предел городских стен, да одно строительство каменной набережной притянуло сюда десятки тысяч мужчин, нуждающихся после опустошительной войны в работе. Все они селились близ порта, куда прибывали суда с камнем и строевым лесом, хмельным и снедью, продажными женщинами и небогатыми, но предприимчивыми дельцами. Можно сказать, что Дюрбохон создал сам себя и даже более – дал жизнь Большому Лабиринту, определив размеры Брослоса как города-гиганта.

А любой город-гигант уподоблялся живому организму, какому непрестанно грозили три напасти: нечистоты, пожары и бунты. В пятнадцатом году, тридцать девятого цикла лет, король Ортвин I решил построить сразу две городских стены, вынести порт на задворки Брослоса и там же организовать рынки да бойни. По задумке часть продовольствия должна была попадать в столицу по морю, а другая – по дорогам с юга и запада. Для борьбы с вонью и предупреждения чумы в Дюрбохон проложили канал с речной водой, во избежание пожара все «негодные постройки» власти велели снести, деревянные дома покрыть штукатуркой, крыши – металлом или черепицей.

Однако Дюрбохон остался самым значным округом Брослоса. Днем здесь кипела торговля, по ночам работали лупанары и пивные. Сюда же тянуло бандитов, плутов и попрошаек. Из-за этого Дворец Правосудия построили сразу после порта, напротив крепости Ксансё (на набережной в Солнечном городе), а Ксансё, кроме оборонного назначения, приобрела еще и правоохранительное. На рукотворном островке Вёофрс возвели тюрьму и соединили ее с Ксансё мостом. Темно-красный кирпич напоминал горожанам о мантии короля, о багряных нарамниках городских стражников и о киноварных рудниках, откуда живыми не возвращались. Тюрьма Вёофрс пугала жителей Брослоса так же, как виселица герцога Лиисемского наводила страх на горожан в Элладанне: все знали, что сбежать из тюрьмы невозможно, что заключенные ждут своей участи в камерах без окон и что в той тьме многие сходят с ума – то есть демоны завладевают душами потерявшихся во времени, отчаявшихся узников.

«Хлодию» остановили у острова-тюрьмы. Часть ее команды спустилась на длинную лодку, какая всё морское путешествие от Орифа до Брослоса протачилась позади своей хозяйки на привязи и была поднята только раз на палубу – на время памятной бури в Водовороте Трех Ветров. Эта вместительная лодка служила для манипуляций в порту: на ней буксировали неповоротливый двухмачтовик, доставляли людей или груз на берег. А буксировали к пирсам, за нос или за корму, куда как меньшие суда, чем «Хлодия», ведь ошибки при швартовке могли привести к самым печальным последствиям. При всем том капитаны действовали по своему усмотрению, поскольку стоянка у пирса и другие услуги порта обходились недешево.

Остров Вёофрс, мост в тюрьму и пирс у крепости Ксансё образовывали что-то вроде бухточки, куда за корму медленно заводили «Хлодию». Причалить к Ксансё за раз мог один корабль: другую сторону пирса занимали всевозможные лодки и небольшие галеры, обслуживавшие порт. За крепостью и пирсом виднелся песчаный пустырь, предназначенный для починки судов, а уже за ним стремилась на юг долгая пристань Дюрбохона. Картина там царила привычная: носильщики таскали тюки и корзины, телеги громыхали вдоль берега, с кораблей на пирсы моряки выгружали бочки, мешки, выводили скот, а мытари собирали у входов на набережную пошрины. Неподалеку находился Главный рынок, гостиный двор, где можно было продать местным торговцам свой товар или снять лавку с проживанием. Из трактиров доносились незатейливая песнь волынки, уличные девки в платьях с зелеными рукавами прохаживались по грязной, суетливой набережной Дюрбонс, нищие молчаливо просили подаяния. Городские стражники, приметные издали из-за багряных нарамников, перемещались по двое; у одного в руках была секира, у другого – тонкое копье, годное для метания.

Пока к Ксансё тащили «Хлодию», Огю Шотно рассматривал с ее верхней палубы портовую суету. В Лодэнии вовсе не росла пшеница, а рожь сеяли весьма ограниченно. Не плодоносили здесь и ценные масленичные культуры, и виноград; в садах встречались преимущественно яблони, реже – груша или слива. К тому же кислые, маленькие местные фрукты не шли ни в какое сравнение с дарами южной Меридеи. Как каждый большой город, Брослос нуждался в регулярных поставках продовольствия – и более того, он лежал на острове. Огю Шотно видел бескрайние будущности – он, презиравший патрициат Элладанна – «торгашей», после Орифа пересмотрел свои воззрения. Торговля представлялась ему делом ничуть не хлопотным: надо было лишь предложить незаменимый, редкий товар.

Марлена не захотела ждать, пока закрепят лестницу: заявила, что немного – и она перемахнет за фальшборт, точно моряк, лишь бы оказаться на твердой земле. Но, конечно, прыгать она не стала – вместо этого спустилась по сходням через погрузочное отверстие в борту «Хлодии». Господа Махнгафасс и Огю Шотно первыми из орензчан направились в желтоватую крепость Ксансё – там, во внутреннем дворе, они распрощались. Марлена пожелала супругу удачи – тот еще раз попросил прощения и пообещал, как устроится, оставить для нее весть в замке Рюдгксгафц, после чего вышел за ворота крепости. Дюрбохон и Солнечный город разделяла городская стена, в ее полукруглом проезде стояли стражники и привратник. Заплатив привратнику серебряную монету, Огю попал в порт. Марлена же с материнской тревогой смотрела вслед его долговязой фигуре, но Огю Шотно, удаляясь по набережной Дюрбонс, ни разу не обернулся.

Принц Эккварт, Рагнер Раннор, его гости, собака, слуги и охранители направились в противоположную сторону – на север, через Солнечный город, более чистый и нарядный, чем Лунный город. Набережная Ксансис подводила к Лодольцу и Южному Лучу. Округ рядом с ней из-за нагромождения домиков-башен, пристроек к ним и кривых, запутанных улочек некогда прозвали Капустным Пирогом. Потом «капустный пирог» словно развалился пополам: домики перепрыгнули через Южный Луч и заволокли соседнюю часть Солнечного города, а впоследствии, с появлением Большого Лабиринта, два этих округа горожане Брослоса нарекли Малым Лабиринтом, но правая его часть у Дюрбохона осталась Мягким краем (капустного пирога), более нарядная левая часть – Румяным краем. Малый Лабиринт продолжался до земель Святой Земли Меридиан (грандиозного храма, кладбища и дворца епископа), до площади Ангелов и до дороги Славы или Позора, что занимали середину Солнечного города, то есть как бы стояли в зените солнца, в полудне. Далее начинался округ Ордрхон (по названию башни Ордрё); в Ордрхоне находились лучшие особняки города и лавки, торговавшие роскошью. Еще севернее, за Западным Лучом, был округ Рунгорхон – здесь разместился университет, здесь жили астрологи и образованные господа, здесь же расположились гильдии музыкантов, ваятелей и художников. После Рунгорхона Солнечный город заканчивался.

Кварталы Брослоса являлись типичными для городов Меридеи: вдоль улочек слипались домики – узкие с фасада и вытянутые ввысь; при этом дома имели всего два-три этажа, и верхние этажи нависали над проездами. В подобных местах соседи смотрели друг другу в окна, внизу улиц всегда густилась тень, строения казались падающими на пешеходов. Низкие крыши предназначались для нежилого чердака, а высокие, со слуховыми оконцами и балконами на фронте – для спален (нередко их сдавали внаем). Законы Брослоса требовали во избежание пожара одевать кровли домов черепицей, шпили – свинцом, дерево – глиняной штукатуркой, дороги у дворов мостить булыжником. Тем, кто не мог себе позволить крышу из черепицы, запрещалось строить высокие дома. И нередко получалось так, что резной, каркасный дом из дерева стоил столько же, сколько коробка из камня, оттого среди ярких, плетеных теремов внезапно вклинивались убогие башни-бруски из песчаника, иногда из кирпича или в чешуе из морской гальки. Если через каналы перебрасывался мост, то и его с двух сторон ограж-

дали жилые дома, так что человек порой даже не понимал, что прошел над каналом, плутал и терялся в лабиринтах города.

Пестрые, парадные дома вдоль набережных Брослоса прикрывали неприглядный хаос Малого Лабиринта. Они ласкали взор то красочным фронтоном, то резными порталами окон, то нарядным крыльцом. Эти жилища тоже «склеились» друг с другом, но будто встали на единый арочный постамент – высокие первые этажи этих домов не являлись жилыми: в них устраивали конюшни, кухни, кладовые, торговые лавки...

– Все рынки вынесены в Дюрбохон, – рассказывал орензчанам Эккварт. – Зато в Брослосе много лавок, а хлебами, овощами и рыбой торгуют с лодок на речных каналах. Пить воду из каналов не стоит – туда сливают нечистоты, хотя в каналах водится рыба: однажды, как говорят, поймали сома размером с корову. Вдоль каналов стоят фонтаны...

Набережная Ксанснс завершалась полукруглой площадью. Влево от нее уходила просторная мостовая – Южный Луч, справа к площади примыкал Сторожевой дом Лодольца. Обитые железом ворота были открыты, а назывались они – Служебные ворота. Там, в проезде между двумя башнями, встали стражи с алебардами, на надвратном балконе и под свинцово-серыми конусами башенных крыш высматривали непорядок дозорные. Багряные стяги с водоворотом развевались со шпилей башен, знамена нарядно раскрасили бойницы. А вот форменные платья воинов из Полка Его Величества Маргарита нашла простоватыми (не то что «жуки» Альдриана Лиисемского!). Регты поверх кольчуг носили наполовину багряные, наполовину голубые нарамники с гербом Ортвина I – на лазурном фоне изогнулся тремя волнами белый морской змей Ранноров, над ним желтела корона, над короной, будто рога, развернулись друг от друга два белых боевых топорика, что символизировали двух воинов-побратимов, ставших в бою спина к спине. Имя «Ортвин» переводилось как «человек чести» – герой, воин, друг. Что ж, лодэтский король, славный рыцарь и большой любитель боевых зрелищ, оправдывал свое имя – его также величали «друг всех воинов Лодэнии».

После Сторожевого дома Лодольца началась набережная Госсёрнс. Справа Маргарита видела широкий, как речка, ров у королевского дворца; слева – длинную аллею, обрамленную елями и двумя узкими каналами.

– Дорога с елями – это дорога Славы или Позора, – продолжал знакомить орензчан с Брослосом Эккварт. – Она ведет к площади Ангелов, на какой либо чествуют, либо карают, там же стоят позорные столбы. За площадью главный храм города, храм Пресвятой Праматери Прекрасной. Над его вратами тридцать шесть изваяний ангелов, поэтому так называли площадь.

– А это что за... – искала Маргарита слово, – ...неприступная скала?

Она кивнула влево на исполинские, неприветливые, грязно-бежевые крепостные стены, вздымавшиеся за еловой аллеей.

– Это замок Госсёрц, – мрачно ответил Рагнер, – где живет мой дедуля, паучья черепаха, Хильдебрант Хамтвир.

– Ого... – только и смогла ответить Маргарита.

Набережную Госсёрнс прекращал Западный Луч, брат-близнец Южного Луча, – дорога шириной в тридцать шагов, вымощенная серым гранитом и подходившая к каменному мосту в Лодольц. Будто два стража, мост у берега обступили два внушительных постамента, а на них изогнулись волнами два морских змея из зачерненной бронзы – большой и поменьше, – отец и сын Ранноры (из-за них Королевский мост в народе прозвали Змеиным). К середине рва мост сужался, у замка обрывался – вернее, переходил в подъемный дощатый мост меж двух башен. Тогда как проезд в Сторожевом доме был узким и низким, едва достаточным для телеги, то через парадные Королевские ворота могли пройти сразу десять человек, поэтому регты стояли на всей протяженности моста.

Здесь принц Эккварт простился с орензчанами – по мосту через ров он один, без охранителей или служников, поехал на коне к воротам королевского замка. Тогда-то Маргарита

догадалась, что этот очаровательный юноша по какой-то загадочной причине не имеет друзей. Но сейчас расспрашивать Рагнера о его двэне представлялось неуместным и даже грубым – вот так сразу, едва Эккварт их покинул, за его спиной. Она решила не забыть и позднее разузнать о Гэнне Богатой и о том, почему ее сын родился в Черной башне.

За Королевским мостом началась набережная Лонснс. По правую руку, в море, Маргарита видела у Лодольца причал для лодок, вддали – три белесых башенки, застывших в морских водах близ берега, две первые были круглыми, третья, маячившая у желтоватой Ксгафё, – овальной.

– Эти три башенки возвели позднее Ксгафё, но до Тридцатилетней войны, – сказал Рагнер. – Их назвали как трех русалок, трех дочерей Морского Царя: Лонсё, Айрюсё и младшая – Фолхсё. Русалки любили Солнце, полубога-получеловека, а Солнце любил богиню Луну... Сказка очень долгая, она про двух братьев, про хитрого Лорко, про Златовласку – она же Луна, про Морского Царя, русалок, Черный Лод и Белый Лод, наш мир и потусторонний. Если кратко, то ныне, благодаря коварству русалок, луна то убывает, то полнится, день сменяется ночью, а их морской город тоже становится то лунным, то солнечным. В это раньше верили лодэтчане. И хотя русалки причиняли морякам много бедствий, их страшились ловить, – если убить дочерей Морского Царя, то порядок миров нарушится.

– И правда эти башенки похожи на женщин в платьях, выходящих из вод, – задумчиво произнесла Маргарита. – А ты видел русалок?

– Ни разу. Но все моряки, почему-то кроме меня, их видели или видели русалок их друзья, «самые честные на свете»... Впрочем, после белой волны, я и в русалок готов поверить... Так вот, средняя башня Айрюсё стала частью Нового Вала – у нее заканчивается Солнечный город и опять начинается Лунный. Младшая русалка Фолхсё – она же самая дальняя башенка – торчит из воды у Ксгафё, а ближняя к нам – это Лонсё. Дядя думал ее разрушить, но...

– Лонсё... – тихо повторила Маргарита. – Не та ли башня, где?... – не решилась она продолжить вопрос, однако Рагнер ее понял.

– Да, – коротко ответил он.

Башня, где королева Мальда тайно принимала любовников и где их топили, ничем не впечатляла: круглая, без окон, в серых пятнах «у подола». Она единственная из трех башенок, не соединялась с берегом стеной и ходовой площадкой; была равноудалена от набережной и от своей сестрицы-Айрюсё (Маргарита на глаз прикинула расстояние – где-то в сто шагов). Дошатая пристань обнимала Лонсё кольцом, но возле нее не стояли лодки, зато крупный причал имелся у набережной. И качались там самые разные суденышки: от маломерных лодочек до вместительных – с парусом и надстройкой в виде домика – на таких челнах плавали в Лидорос.

Наверху Лонсё, под конусом ее свинцовой крыши, мелькал багряный нарамник городского стражника, какой внезапно почудился Маргарите кровавым пятном. Она с неприятным чувством перевела взгляд на более высокую и толстую, круглую Айрюсё. Соединяясь с ней в море, серая, из рваного камня, стена преграждала набережную, однако мощные створы ворот были распахнуты и закреплены цепями, в проезде не стояла стража и, никто не препятствовал движению. Башня тоже казалась покинутой людьми.

– Стражники у этих Северных ворот встают только по ночам, – пояснил Рагнер, – створы запирают в самом крайнем случае. А порт решили оградить. Проход туда без товара стоит одну серебряную монету, сербр. Выход из порта – уже десять сербров. За телеги, понятно, еще жестче обдирают. Но из-за этого в Солнечном городе стало намного меньше всякой дряни, казна опять же полнится... Цены в лавках кусаются, зато у королевского дворца, в Малом Лабиринте, селятся более-менее имущие люди.

После Нового Вала, в Лунном городе, слева от набережной Айрюснс показался замок Рагнера – мрачно-серый, темный Рюдгксгафц. Далее, после бело-изумрудного замка Гирменц, начиналась последняя набережная – Фолхснс, она подводила к крепостным стенам у Ксгафё.

Третья, будто мочившая в море юбку, башенка – овальная Фолхсё, встала у проезда в эту рыцарскую обитель. Несмотря на свою миниатюрность, Фолхсё играла важную роль в обороне города: из нее простреливался весь залив.

Итак, Маргарита узнала, что дорога вдоль моря делилась на шесть набережных: портовая Дюрбонс; далее – три набережных Солнечного города – Ксанснс, Госсёрнс и Лонснс; затем, на северной окраине столицы – Айрюснс и Фолхснс. В Солнечном городе имелось четыре округа – Мягкий край, Румяный край, округ для богачей Ордхон и университетский округ Рунгорхон. Строго на юго-запад от набережной Госсёрнс шла еловая аллея – дорога Славы или Позора, что подводила к площади Ангелов, главному храму столицы и епископству. Две широкие дороги, Южный Луч и Западный Луч, начинались от ворот Лодольца, пересекали Брослос и продолжались за городом. В Лунном городе раскинулись три округа: у порта был значный Дюрбохон, между Южным Лучом и Западным Лучом – полукруглый Большой Лабиринт, после Западного Луча – тихий и зеленый Рюдгксгафхон, куда они как раз прибыли.

Вблизи замок Рюдгксгафц немного испугал Маргариту. Его камень был серым и грубым, а чрезвычайно высокой коричневой крыше толстые слуховые окна только добавляли увесистости. Эту необычную черепичную крышу с двух сторон теснили две башни, круглая слева и квадратная справа, но венчали их одинаковые черные купола – перевернутые чаши с высокими шпилями. А по карнизам расселись изящные черные горгульи, химеры, крылатые демоны. Начинались окна высоко над землей, их частые решетки тоже оказались мрачного черного цвета.

– Ну, как тебе мой дом? – спросил Маргариту Рагнер.

– Тебе... нечисть под герб подходит... – тихо ответила девушка, смотря на черное знамя со змеем и хихикающей рожицей Смерти, какое свешивалось с балкончика над входными воротами.

Рагнер рассмеялся.

– Все эти горгульи достались мне от братца. Я бы не стал тратить на подобную чепуху, модная она или нет.

Заехав за ворота, они оказались в длинном и узковатом проходе между двумя высокими зданиями, серыми и совсем простыми. Справа, сразу у ворот, начиналась конюшня, затем проход, как горка, поднимался вверх и заканчивался десятью ступенями, – туда Рагнер повел своих гостей – к трем полукруглым проемам в здании слева. Раоль вместе с другими охранниками пошел направо, в дом для слуг, стражей и охранителей.

У трех сводчатых проходов Рагнер неожиданно обхватил пальцами правое плечо Маргариты – взял ее за руку немного выше локтя. Она с удивлением посмотрела на возлюбленного.

– Так в Лодэнии ходят с женой или своей женщиной, – пояснил он.

– Аа... – удивленно произнесла девушка. – А меня так тетка Клементина всегда хватала... чтобы я не могла убежать от нее.

Рагнер хитро ей улыбнулся.

По другую сторону лежал ухоженный парк с фигурными газонами, шарами и конусами из стриженного кустарника. Отсюда замок выглядел удивительно легким, невысоким, свежим... Раскидистый редкий плющ деликатно прикрыл грубый камень стен, яркие розы адели, будто полные любви сердца. Нежно-розовые дорожки из мелкого щебня, разветвляясь, приглашали к мраморной беседке (прямо), лиственной рожице (направо) и двухъярусной аркаде дворца (налево). Одетый в гирлянды из зелени, в колонны и балюстрады, Рюдгксгафц теперь так и манил зайти него.

– Рагнер, здесь изумительно! – воскликнула Маргарита, и другие орензчане ее поддержали.

– Стоит эта зеленая красота триста золотых в год, – вздохнул он.

– Да ты у меня скряга, – ласково проговорила Маргарита.

– Любимая, этот замок – подлинный кровопийца! Осветить и отопить его – это еще две сотни в год. Воду сюда надо завозить, прислужники в столице зажрались... А если устраивать балы, как мой братец, да стены расписывать, то... Понятно: куда он спустил целое состояние. А в Ларгосе единственная мощеная дорога, да и та обрывается на середине пути...

Широко улыбаясь, Маргарита погладила его руку. Они шли по розовой дорожке к дворцу. Необычную крышу с этой стороны поддерживали две проходные галереи. Плющ, пышно овив серые колонны первого этажа, полез выше – к красным деревянным аркам и балясинам второго этажа.

Хозяина дома встречали на галерее прислужники. Толпились они и в полукруглом вестибюле с броским шахматным полом. Мужчины носили лазурно-голубые камзолы со вставками из атласа и бархата; цвет их узких штанов указывал на должности: «красные штаны» прислуживали за столом, «зеленые» – в господских покоях, «синие» – при кухне, «желтые» – делали разную работу по дому. У женщин лазурные платья отличались по такому правилу: яркий овощной шелк носили покоевые прислужницы, бледноватый лен – горничные.

Среди голубых форменных платьев склонял голову молодой, полноватый мужчина, одетый в оливкового цвета камзол, излишне широкий черный нарамник и темно-изумрудные штаны, обтягивавшие его неловкие, рыхлые ноги. На вид ему было лет восемнадцать (хотя уже исполнилось двадцать четыре). Густой шапкой волосы покрывали его голову, лезли ему в лицо, и он часто поправлял челку, зачесанную на одну сторону. Маргарите понравился цвет этих волос – русый, медового оттенка. Серые «грустные глаза», с опущенными вниз уголками, грустно смотрели на мир. Казалось, что этот человек никогда не улыбается. Он сутулился, потел от волнения; вроде вызывал жалость, да вместе с тем его хотелось назвать слабаком.

– Господин Линдсп Вохнесог, смотритель Рюдгксфафца, – представил его на меридианском языке Рагнер и перешел на лодэтский: – Линдспё, а ты схуднул, словно тощий кошелек... Почему не доедаешь? Дела в замке дрянь?

Линдсп пробормотал, что в Рюдгксфафце все доедают и дела вовсе не дрянь. А Маргарита догадалась, что Рагнер его обидел и даже не понял этого.

Далее Рагнер повел гостей направо, в соседнюю проходную залу, сказав, что из нее можно попасть в Большую гостиную и часовню. Была там и мраморная полукруглая лестница, сужающаяся кверху, – Рагнер и его гости по ней поднялись. На втором этаже, в новой проходной комнате, у лестницы на чердачные этажи, стояла очень красивая девушка семнадцати лет: голубоглазая, статная, с утонченными чертами лица и таким же медовым цветом волос, как у Линдспа. Она носила голубое платье, но не форменное: из бархатистого сукна и нежного оттенка, с вышивкой у выреза и отложным воротником из атласа. Рагнер бросился к красавице, крепко ее обнял, приподняв над землей, покружил и расцеловал ее в обе щеки. Незнакомка засмеялась, а Маргариту, будто стрелой, пронзила ревность.

– Это моя Мирана! – сказал Рагнер.

– Рагнер, лучше я сама, – улыбаясь, заговорила на меридианском красавица. – Мона Мирана Вохнесог, – грациозно присела она, склонив голову, – прислужница Ее Величества, королевы Орзении Маргрэты I. А его Светлость, герцог Раннор, – мой второй отец, я же его сердешная дочь...

Маргарита выдохнула – согласно духовному закону, родство по сердцу между вторыми родителями и сердешными детьми равнялось кровному родству, ведь клятва давалась на святыне. А за кровосмешение – осквернение плоти, могли забить камнями, утопить в нечистотах, раздеть на улице или придумать иное крайне позорное наказание. «Ох, Рагнер, мог бы и упомянуть разок, что у тебя есть дочь по сердцу!»

– ...Герцог Раннор, – продолжала тем временем Мирана, – милостиво заботился обо мне и братце, когда мы осиротели в раннем возрасте, – только этим объясняется вольность его манер.

– Цыпка петуха манерам учить будет?! – весело «вознегодовал» Рагнер. После он представил гостей, назвав Маргариту самой дорогой гостьей – и она оттаяла.

– Бабуля там? – в конце спросил Рагнер и кивнул влево на дверь.

– Ее Величество и герцогиня Раннор желают пообщаться с тобой наедине, – тихо ответила по-лодэтски Мирана. – И начать знакомство с твоими гостями за обедом.

– Что же... – вздохнул Рагнер. – Пусть так. Мирана, передай моей бабуле и супруге, что я навещу их позднее. Дорогие гости, – перешел Рагнер на меридианский язык, – обед здесь в три часа и одну триаду часа. За две триады часа до того спускайтесь в Большую гостиную – будем закусывать перед обедом. Сейчас отдыхайте от дороги. Кому надо, может спуститься в часовню или прогуляться по парку. Линдсп – в вашем распоряжении.

Айда пошла с Соолмой вверх по лестнице, а Рагнер повлек Маргариту к правой двери – и они оказались в просторной гостиной с синими фресками на стенах. За Синей гостиной оказался кабинет с зеркалами, за кабинетом – спальня. Маргарита увидела полутемную залу по размеру чуть меньшую, чем была предыдущая гостиная, а обставленную на порядок роскошнее.

Пышная, широкая-преширокая кровать, на которую можно было бы уложить десятерых, стояла на подиуме из красного дерева. Длинный приоткрытый занавес, изумрудно-зеленый с внешней стороны и золотой с внутренней, представлял вкпе с подиумом кровать взору так, что, казалось, там не опочивальня, а театральные подмостки для сценки из бытия древних царей. Перед занавесом и тремя ступенями подиума важничал золотистый шатер, два круглых, выпуклых зеркала поблескивали меж трех узорных шпалер, окно отгородилось от дневного света мозаикой цветного стекла, грандиозный камин из мрамора и яшмы подпирал потолок...

– Тоже наследство от брата? – спросила пораженная Маргарита. – И впрямь роскошно он жил...

– Нравится?

– Не знаю, – ответила она, трогая занавес и убеждаясь, что он из шелка и парчи. – Для девчонки с улицы лавочников это всё излишне богато... И распутно тоже, – добавила она. – Зачем нужна такая большая кровать?

Не отвечая, Рагнер подхватил ее на руки и уронил на перину – Маргарите почудилось, что ее опустили на облако. Рагнер упал рядом.

– Что теперь скажешь?

– Что с этого ложа я более никогда не встану... – восхищенно прошептала она.

Рагнер обнял ее, нашел ртом ее губы и припал жаркими поцелуями к ее шее.

– Подожди, – привстала она, высвобождаясь из его объятий. – Я же не просто так нарядилась, а для знакомства с твоей бабушкой.

Рагнер протяжно вздохнул.

– Познакомись с ней перед обедом, не раньше... И не удивляйся, если она скажет какую-нибудь гадость. Похоже, сейчас она в гневе.

– Рагнер! – расстроилась Маргарита. – Я же говорила, что мне надо в другом доме пожить! Зачем всех злить?

– Надо злить, – серьезно ответил он. – Надо жалить, иначе, играя с ними по их правилам, мы не победим. Да надо разозлить так, чтобы старик Хильдебрант Хамтвир сам захотел развода для своей внучки, а бабуля не возражала. Сильно их надо изжалить, понимаешь?

Маргарита грустно улыбнулась, поджимая губы, тоже вздохнула и кивнула. Рагнер повалил ее на постель, и она уже не сопротивлялась тому, что ее раздевают, освобождают от покровов ее длинные волосы и нежную грудь.

Вдруг дверь резко распахнулась из кабинета, и порог переступила белая фигура – в просторном белом платье и белом плаще со шлейфом. Ни золота, ни узоров, никаких украшений на одеяниях не было – и такая нарочитая простота гласила о белом трауре, какой, в отличие от черного траура, вдовы не снимали до конца жизни. Белый платок обрамлял худое, морщинистое, суровое лицо; тройная белая вуаль падала из-под золотой короны. Каменья не раскрашивали этот венец – ребристое золотое кольцо символизировало венки из вереска, из какого выступали семь зубцов – как семь клыков от семи хищных зверей Орзении.

Маргарита вскрикнула, села на постели, спиной к вошедшей старухе, и стала спешно заправлять свои груди в платье, а Рагнер спрыгнул с кровати и задвинул занавес, спрятав Маргариту.

– Бабуля! – возмущенно сказал он. – Постучаться ты, разумеется, не могла!

– А что нового я увижу?! – громко заговорила королева по-лодэтски. – Я не девица: семерых родила, и весь твой горошек повидала тоже.

– У меня уже давно не горошек, – тише произнес Рагнер.

– Вот и пришла глянуть, а то не верю! Ведешь себя как глупое дитя! Сбежал с собственного свадебного пиршества, а сейчас какую-то бабу в свой дом приволок! Ты же не жену позоришь, а себя, дурак!

– А мне к позору не привыкать!

Прежде чем старуха ответила, Рагнер обнял ее так же, как до этого Мирану, покружил и расцеловал в щеки.

– Бабулечка моя, как же я скучал!

– Ох, ну какой же ты дурак! – с грустью и любовью произнесла королева Маргрэта. – Кто она? – указала старуха на занавес.

Рагнер молча подошел к изумрудной завесе, заглянул внутрь – Маргарита сидела на краю кровати. Она поправила платье, а волосы завязала узлом на затылке и набросила на них платок. Через пару мгновений, Рагнер вывел свою избранницу из-за занавеса, держа за плечо, как жену.

– Это моя бабуля, – нарушая Культуру, первой, к тому же по-простому, представил он королеву. – А вот моя возлюбленная, баронесса Маргарита Нолаонт, вдова.

– Весьма красивая, – только и ответила старуха.

Решив, что это хороший знак, «весьма красивая» решила заговорить и начала с давно заготовленной остроты.

– Ваше Величество, меня не только зовут, как вас, но еще я из Орензы, а вы – из Орзении.

– О Боже! – раздраженно выдохнула старуха и перешла на лодэтский. – Она еще и дура! Рагнер, ты ведь ей назло, да? Баронесса?!

– Да какое «назло»! – разозлился Рагнер. – Мне, по-твоему, любить, что ли, нельзя?! Она – дура, я – дурак, – мы друг другу подходим! Всё! Разговор окончен! Зачем пришла?

Королева пожевала губами.

– Это вопиюще негодно, – раздраженно произнесла она. – Она должна жить в женской половине дома. Дамы не посещают мужских покоев, вдовы они или нет. Единое, если они шлюхи. Посадишь любимую бабушку за один стол со шлюхой?

– Ладно тебе... – уже успокоился Рагнер. – Можно подумать, в первый раз тебе со шл... Да и вовсе она не такая. И тебе-то всего полтриады меня надо будет потерпеть. Ко второй нове я должен быть в Ларгосе.

Королева Маргрэта еще раз пожевала губами.

– Сходи к жене. Ее стенания мне даже через две стены слышны – уши вянут...

– Ну да, довольной должна быть только ты одна.

Они препирались еще пару минут. Маргарита не понимала лодэтской речи, однако прекрасно догадывалась о сути ссоры. Когда королева вновь обратилась к ней, девушка была готова услышать какое-нибудь оскорбление, но всё оказалось еще хуже.

– Предлагаю не продолжать общения, Ваша Милость, – ровным голосом сказала старуха. – Ни в гостиной перед обедом, ни за столом, ни сегодня, ни в прочие дни. Мне это не нужно, и вам не нужно.

Это был конец, приговор, рубящий удар меча по шее, – королева навсегда вычеркнула Маргариту из списка желанных лиц и заранее изгнала ее из рода Раннор. Расстроенная девушка смотрела в серые, стальные глаза, – и вдруг ей показалось, что в белом трауре и при короне стоит Сама Несса Моллак, изменившая лицо и цвет глаз, но не нрав: Несса Моллак, никогда не менявшая порядки в своем королевстве.

Когда старая королева ушла, Маргарита с несчастным лицом села на ступени подиума.

– Плачешь? – запирая дверь, спросил ее Рагнер.

– Едва держусь.

Рагнер присел напротив нее, обнял – стал страстно целовать, задирая ей юбку и отыскивая на ее правом боку завязку трусиков.

– Рагнер, я не хочу, – отворачивалась девушка. – Я правда едва не плачу.

– Мы скоро уедем туда, где будем только ты и только я, – прошептал он, глядя в ее зеленые глазницы. – «Они все ненастоящие», – вот так себе скажи. Есть только ты и только я. И скоро будет еще кто-то, – улыбнулся он, погладив ее живот. – А бабуля – старая дама со старыми взглядами. Много ли ей осталось? Не обижайся на нее, превелико тебя прошу.

Возразить Рагнер Маргарите не дал – жадно поцеловал ее губы и продолжил освобождать ее от белья. Вскоре она ответила ему столь же горячей страстью. Предаваясь любви на жестких ступенях подиума, а не пуховой перине, Маргарита крепко обнимала Рагнера руками и обвивала его ногами, будто хотела глубже в нем пропасть, будто хотела утопить в чувственной близости все размолвки – и нынешние, и будущие. После того как жар схлынул, она, лежа на полу, придавленная весом своего мужчины, в измятом платье и с взлохмаченными волосами, ощущала себя выдранной кошкой – и, одновременно, так ей было хорошо!

– Любимая, – нежнейшим голосом прошептал Рагнер, целуя ее за ухом.

– Ммм? – улыбаясь и прикрывая веки, промычала Маргарита.

– Мне к Хильде надо.

Маргарита закатила глаза и цокнула – она никак не могла привыкнуть к тому, что сразу после соития, еще не покинув ее тела, Рагнер начинал думать о других своих делах.

– Ну иди, раз надо...

Когда он ушел, девушка осмотрела спальню. В круглом шатре пряталась купель для двоих, за занавесом находилась дверь в уборную. Вскоре из кабинета постучали – и прислужники занесли ее дорожный ларь.

Вновь оставшись одна, Маргарита посмотрела на кровать – вот они, ее подмостки и декорации, где она уже, сама того не желая, достойно сыграла свою срамную роль перед королевой Орзении. Баронесса Нолаонт, вдова, получила маску блудницы и разлучницы, но ведь эту маску она взяла из рук возлюбленного сама.

Она достала из ларя броское фиалково-синее платье, какое недавно носила в Бренноданне. Тонкий бархат этого наряда обтягивал стан, волнуяще подчеркивая грудь и обостряя хрупкость девичьей фигуры. «То, что надо, – подумала Маргарита. – Раз понравиться не вышло, буду вас злить, как Рагнер и сказал».

Надев платье, она с удивлением поняла, что оно ей тесновато – что у нее едва заметно округлился животик. Мало-помалу ее чрево росло...

Если жениться можно было тайно, то развод всегда происходил открыто, – родня и друзья приглашались в храм, как на свадьбу, там же любопытствовали зеваки. Муж и жена стояли у алтаря, сцепив руки, а священник читал молебен. В конце супруги размыкали руки. После этого они считались свободными и с алтарного взлета сходили раздельно.

Что и говорить, для женщины церемония развода являлась унижительным действием – перед сотнями или даже тысячами глаз ее бросали – вернее, выбрасывали, как истрепанную вещь. Освобожденного от супружеских уз мужчину, как правило, встречала дома возлюбленная, а ее – одиночество, пересуды, куда бы она ни пошла, жестокая и лживая жалость.

Миновав женскую Алюю гостиную, что выгодно отличалась от мужской Синеи гостиной коврами и изящными безделицами, Рагнер прошел в покой, служивший хозяйке дома светлицей – комнатой для полезного труда. Хильде Хамтвир любила ткать. Стены здесь были завешены полотнами в извитом травяном узоре и с лебедиными парами, склонявшими лбы друг к другу, а под пестрыми покрывалами грелись две широкие скамьи. У их спинок геометрически аккуратно стояли подушечки, расшитые шелковой нитью, бисером и самоцветами. Третью комнату занимал напольный ткацкий станок. Еще два маленьких станка, для шарфов и лент, устроились на столах.

Воспитательницей Хильде Хамтвир была бронтаянка, мона Фрабвик, – светловолосая, голубоглазая, полноватая и моложавая. Рагнера она боялась. Стоило Лодэтскому Дьяволу, проходя мимо, бросить на Пенеру Фрабвик исподлобья хмурый взгляд, как та впадала в убеждение, что ночью ее изнасилуют и убьют, если не убьют и изнасилуют. Свои внешние данные Пенера оценивала трезво: приятная, не увядающая, не красотка. Зато у нее имелось подлинное сокровище – чистота, какую она хранила без малого пятьдесят лет.

И сейчас, сообщая Рагнеру, что его супруга вскоре появится, да спрашивая его, чем скрасить время его ожидания, эта старая дева цепенела, бледнела, путала слова. Перед тем как удалиться, вместо «не желаете ли испить вина», она спросила: «Не желаете ли испить меня?». Лодэтский Дьявол вежливо отказался, что несильно успокоило Пенеру Фрабвик.

Оставшись один, Рагнер сел на скамью, взял в руки подушку и впечатлено поджал подбородок, оценив мастерство вышивальщицы: тончайшая вязь испещряла бархат, от цветов фиалки будто веяло сладостью, земляничные ягоды хотелось скушать. Фиалка, девичий цветок, олицетворяла очаровательную, даже обольстительную, кротость, земляника символизировала смирение – вкуснейшая ягодка, растущая у самой земли. Глядя на подушку, Рагнер вспоминал свою супружескую ночь.

В храме и за свадебным столом двенадцатилетняя Хильде Хамтвир из-за богатого платья, обуви на высокой платформе и помпезного головного убора казалась вполне взрослой. Но стоило Рагнеру ее увидеть в сорочке, как ему захотелось подарить ей куклу. И еще она плакала, ведь тоже до ужаса боялась мужа, Лодэтского Дьявола. Рагнер пожалел ее, поцеловал в лоб и больше не переступал порога ее опочивальни. На третий день грандиозного свадебного пиршества, он объявил гостям, что они могут продолжать веселиться сколько влезет, а он уходит на войну и уходит прямо сейчас. Старик Хильдебрант Хамтвир так тогда разъярился на нового внука, что едва не напал на него с тростью.

Прошла триада часа, прежде чем Хильде появилась, – появилась в высоком колпаке, многослойной вуали, тяжелом от жемчугов и камней платье. Роста она была крайне невысокого, около внушительного ткацкого станка казалась еще хрупче и меньше; лицом осталась кроткая и невзрачная. По бронтаянской моде ей полностью выщипали брови, выбрили затылок, виски и волосы почти что до макушки, отчего лоб выглядел непомерно высоким. Темно-карие, с округлыми веками без ресниц, глаза-угольки достались ей от деда, надменная верхняя губа – от бабки, Валоры Хамтвир, бронтаянской герцогини.

– Приветствую, Хильде, – поднялся Рагнер и поцеловал ее руку. – Я пришел поговорить. Когда они сели на скамью, он продолжил:

– Скажу прямо. Напиши деду, чтобы он сюда явился. Принц Баро обещал привезти к Сатурналию наш развод – мне надо...

Хильде резко встала и в волнении прошла к окну.

– ...обсудить с ним это. Хильде, я тебя не обижу: получишь графство Хаэрдмах в приданое и золото. Такая невеста, как ты, долго в девицах не засидится. Хиильде... – понимая, что она плачет, и скривив лицо, позвал Рагнер супругу. – Всего каких-то жалких шесть минут позора в храме – и после ты сможешь выйти замуж по любви, сможешь с родовым именем Хаэрда сама выбрать себе супруга и не слушаться ни брата, ни деда.

Хильде молчала, смотрела в окно на море. По ее щекам текли слезы, какие она не утирала. Рагнер снова вздохнул, сам устало потер руками лицо и поднялся на ноги.

– Ладно... Я всё сказал. Напиши деду.

– Я убью себя, – услышал Рагнер, открывая дверь в Алую гостиную.

Совесть его кольнула, но тем не менее он равнодушным голосом проговорил:

– Меня это вполне устраивает: к позору мне не привыкать. Лишь сбережешь мне время.

Рагнер нашел Маргариту одетой в восхитительное фиалково-синее платье с широкой черной каймой на подоле. Чтобы скрыть животик, она приподняла юбку, закрепив ее сбоку булавками, – слева получился каскад пышных складок, а талия обрисовалась еще острее. Красавица, встав у зеркала, уместала на голове свой лучший эскоффион – громоздкий и неудобный, зато роскошный и модный.

«Моя ты оса, – усмехнулся про себя Рагнер, глядя на ее тонкий стан, – Хильде при виде тебя помрет от зависти, а бабуля – с досады, понимая, что против силы твоей красоты она бессильна. И я тебе помогу. Пожужжим вместе да пожалим им глаза как следует».

Глава III

Сатир

Несмотря на обширность земель, блеск столиц, богатства вод и лесов, к концу одиннадцатого века Лодэния являлась крайне бедным королевством. Здесь добывали руду, но металлургия пришла в упадок; камня было с избытком, да для возведения модных, светлых и легких, построек приходилось нанимать иноземных зодчих; кораблестроение, бывшая гордость мореходов-лодэтчан, погибало, верфи хирели. Войны, особенно Тридцатилетняя война, когда брат пошел против брата, ввергли Лодэнию в отставание в культуре, науках и искусствах от других королевств Меридеи, – и это отставание только росло. А аристократы, нуждавшиеся в роскоши, забирали последнее у своих землеробов, – из-за этого здешние сельване стали умелыми охотниками и рыбаками, ведь только «лесной разбой» спасал многих от голода.

Началась Тридцатилетняя война после гибели десятилетнего принца Диторка, последнего из рода Кагрстор. Морамна в тридцать шестом цикле лет была королевством, Хамтвиры – королями; и по праву королевской крови герцог Морамны, восемнадцатилетний Хильдебрант Хамтвир, готовился к коронации. Да пришла весть: у герцога Тидии, Рэмильва Раннора, и кронпринцессы из Орзении, двенадцатилетней Маргрэты, родился сын. Согласно крови да обширности наследных земель, этот младенец имел столь же равные права на лодэтский престол, как и Хильдебрант Хамтвир. Экклесия в таких случаях не могла встать на чью-либо сторону, – двум герцогским кланам предстояло договориться. Однако древняя неприязнь тидианцев и морамнцев не позволила решить спор миром: герцоги не желали уступать друг другу даже в мелочах. Хильдебрант Хамтвир был женат на бронтаянской герцогине, поэтому Бронтая встала на сторону этого рода. Договором о двадцатилетнем торговом союзе Раннорам удалось привлечь на свою сторону силы Аттардии, супружествами – герцогов Улы, Хвитсуров, и маркграфов Сиюарса, Нэстгоров. Цальвия Раннор, урожденная баронессой Нэстгоров, стала матерью Гонтера и Рагнера.

Двадцать девять лет города переходили под власть то одного, то другого клана, войска сходились в битвах, в перемириях накапливали силы. Однако ни одна из сторон не могла добиться твердой победы, пока не появились санделианцы. Кроме такого же торгового договора, как у аттардиев, они желали сделать свою принцессу королевой Лодэнии.

Мошь сверхдержавы Санделии, самого большого королевства Меридеи, ее великолепные суда, пушечные орудия и многочисленное войско, решили исход, – через год в грандиозном морском сражении у берегов Тидии, в Алой битве, были утоплены все бронтаянские парусники, а корабли санделианцев взяли курс на Морамну. Хильдебрант Хамтвир сдался, выкупив жизнь себе и своему роду за половину вотчины. По итогу из его наследников выжил единственный сын, женой которого спустя время стала бронтаянская принцесса, мать Хильде. Этим единением семей король Бронтаи показал, что не отказался от союзника, герцога Хильдебранта Хамтвира.

Отец Рагнера умер за четыре дня до коронации, от открывшейся раны, – он истек кровью во сне. Так, в возрасте двадцати двух лет на царство венчался дядя Рагнера, Ортвин Раннор, уже женатый на Мальде Хвитсур и уже имевший наследника Зимронда, ставшего женихом еще не рожденной принцессы из Санделии. Но сперва сам король Ортвин Хитрый, после смерти его первой супруги в монастыре, вновь женился – на аттардийской принцессе, получив за ней небывало большое приданое – восемь тунн серебра, не считая платьев и иной роскоши, из-за чего его вторая жена Гэнна получила прозвище Богатая. Чтобы не ссориться с санделианцами, король Ортвин сделал канцлером того, кому они доверяли, – Гизеля Кальсингога – наполовину лодэтчанина с острова Сиюарс, наполовину санделианца, женатого на дочери санделианского банкира.

После Тридцатилетней войны санделианцы и аттардии двадцать лет брали даром пушнину, рыбу, железную руду и строевой лес Лодэнии, а свои товары завозили без пошлин. И Бронтая тем временем стремительно богатела, торгуя бронзовыми сплавами и сталью, производя из металла редкости, хитрые механизмы и оружие, вот только доставлять эти товары в другие королевства являлось занятием рискованным. Южные моря кишели морскими разбойниками, а в Водовороте Трех Ветров тяжелые, груженные металлом корабли частенько тонули из-за бурь. Бронтаянцы желали прорыть канал, отделив полуостров Тидия от Меридеи, но договориться с лодэтчанами не смогли. Ставленник санделианцев, канцлер Гизель Кальсингог, отменял любые предложения – такой соперник, как второе великое королевство Бронтая, сверхдержаве Санделии был не нужен. Тогда Бронтая решила силой отобрать перешеек в графстве Ормдц у Лодэнии. После шести с половиной лет войны Бронтая уж одерживала верх, ведь у нее были лучшие пушки и ружья, но с Бальтина вернулся Рагнер Раннор – появился в Брослосе на рыцарском турнире Великих Мистерий. Он предстал в жутковатых вороненых доспехах, испещренных бальтинской вязью из звериных морд, с хихикающими рожицами Смерти на оплечьях, с бальтинским мечом Ренгаром, каким он в последнем поединке убил Валера Строгога, позорно поддавшись рыцарскому Пороку, Бессмыслию.

Далее Рагнер Раннор отправился на войну, где ужаснул мир таинственным громовым оружием, взрывающимся как на суше, так и под водой. Жесткостью, нет – жестокостью, не соблюдая зимнего перемирия, не щадя врагов-рыцарей и даже погубив двух бронтаянских принцев, он за год и одну восьмиду добился победы, а сам прославился в Меридее как Лодэтский Дьявол.

Следующим утром, после прибытия в Брослос, герцог Рагнер Раннор нарядился в парадный камзол с хихикающими рожицами Смерти, украсил себя золоченым кинжалом, Анаримом, золотыми шпорами и новой нагрудной цепью из чистого золота, подарком короля Орензы. Его голову покрывал знакомый берет с пером и черной брошью в золоте, но за плечами развеялся иной черный плащ – короткий, с черным атласным подбоем. Рагнер направлялся в Лодольц, к королю Ортвину I Хитрому, своему дяде.

По левую руку, если стоять на набережной лицом к Королевскому мосту, находилось здание Канцелярии, по правую руку был Конный дом, то есть конюшни. Два этих белесых, зеркально отображенных, неровных пятиугольника казались трехэтажными, но на самом деле имели по четыре этажа. Их разделяли воротные башни, парадные ворота и мост, а связывала свинцово-серая крыша. Вообще, по слухам, подвалы и подземные ходы соединяли все шесть домов Лодольца, и один из ходов вел в город.

За мостом, за Королевскими воротами, простирался Парадный двор. Большой дворец, дом короля, особенно эффектно выглядел с этой стороны: по бокам выступали две квадратных башни, увенчанные резными шпилями, а из их углов будто шагнули вперед еще две башенки – тонкие, изящные, скрывавшие внутри себя винтовые лестницы. Королевский дворец был бел, три его этажа – предельно просты, – разве что заслуживали внимания просторные, полукруглые окна. Зато о крутую, равную по высоте двум верхним этажам дворца, темно-серую крышу, будто со всех сторон бились волны, рассыпаясь пеной на помпезные порталы слуховых окон, столбы каминных труб и зубцы смотровых башенок. Из города или с моря виднелась лишь верхняя часть этой крыши: вскипая каменным кружевом из-за крепостных стен и других дворцов, она дразнила воображение – и тем сильнее человек удивлялся, когда, попадая в Парадный двор Лодольца, он обнаруживал контраст между простым, тяжеловатым, светлым низом и темным, стремительным, перегруженным верхом Большого дворца, – гармоничный и приятный взгляду контраст.

Едва Рагнер пересек Королевский мост, сразу поругался со стражами на воротах – его охранителям приказали сдать ружья и сообщили, что назад они их не получат. «Со всем почте-

нием, Ваша Светлость, – безапелляционно изрек глава стражи, – но мы исполняем приказ короля. Никому в Брослосе нельзя иметь ружей без королевского дозволения. За нарушение обычно отрубают руку».

Рагнер оставил у Королевских ворот всех своих охранителей, сказав, чтоб глаз с ружей не сводили, и, разозленный, в одиночестве, с плоской шкатулкой в руках, быстро пошел дальше, пересекая Парадный двор.

Большой дворец стоял в центре островка-Лодольца и на холме; а к холму вела рябая, серая дорога из гладкой брусчатки; по сторонам дороги разбили сад с клумбами, вензелями газонов, стриженным можжевельником. Далее на холм попасть можно было как по розовой мраморной лестнице, так и по двум дорожкам-спускам, обрамлявшим лестницу полукругом. Рагнер выбрал ступени и, гордый собой, преодолел их на одном дыхании (все сто двадцать восемь ступеней!), радуясь, что тело его не подводит. Король Ортвин тоже предпочитал ступени и взбирался по ним на холм легкой поступью юноши.

На втором году, сорокового цикла лет, королю Лодэнии Ортвину I Хитрому исполнилось сорок восемь. Приблизившись ко второму возрасту Страдания, он остался бодр духом и силен телом – регулярно занимался фехтованием и упражнялся с копьем, вкушал и выпивал умеренно. На предстоящем зимнем турнире он собирался сразиться, как простой рыцарь, восславив победой имя своей прекрасной дамы, третьей супруги, Хлодии Синеокой. Прозвище «Хитрый» славный король получил еще при коронации: за левый глаз, «прищуренный» из-за мелкого ранения, но двадцать шесть лет его мудрого правления в самые непростые для Лодэнии годы подтвердили справедливость такого народного имени. Рагнеру нравился его дядя, а он нравился дяде, но почему-то они часто ссорились. Тем не менее король многое прощал дерзкому племяннику, как многое прощал и своему старшему сыну. «Наши враги мечтают о том, чтобы мы, Ранноры, перебили друг друга, – всегда говорил король Ортвин, примиряя Зимронда и Рагнера, – иначе им нас не одолеть».

Покои королевы находились на втором этаже Большого дворца, покои короля над ними, на третьем этаже. Кроме опочивальни там имелись комнаты слуг, придворных из «службы тела» и парадная зала – в ней король решал державные дела. После передней, где размещались охранители, Рагнер прошел в длинную приказную залу для прислужников, откуда попал в просторную широкую комнату со световыми оконцами под потолком. В покоях королевы подобная зала отводилась под обеденную, в покоях короля здесь ожидали приема посетители. Называлась она секретарской залой. Ныне в ней стоял единственный стол и за ним сидел всего один человек – болезненного вида черноволосый и черноглазый мужчина двадцати двух лет, поражающий худобой: «кожа да кости», – это был секретарь Инглин Фельнгог, троюродный племянник жены канцлера Гизеля Кальсингога. Родство с богатой банкирской семьей Лимаро помогло Инглину получить образование законника в университете и место при королевском дворе. Более его судьбой ни канцлер, ни его жена не интересовались. Все при дворе знали, что Инглин чрезвычайно беден. И еще то, что он болен какой-то таинственной, но незаразной болезнью, от какой кашляет, какая сосет из него соки и от какой он умрет лет в тридцать. На лекарей Инглин тратил все средства, что зарабатывал на службе.

Секретарь попросил у Рагнера грамоты – тот отошел в дальний угол и, отвернувшись от Инглина, открыл пустую шкатулку, после чего нащупал под бархатом рычажки, нажал на них – и дно шкатулки выпало. Две грамоты, звякнувшие свинцовыми печатями, он переложил в обычное отделение шкатулки, конверт сунул к груди за камзол. Инглин терпеливо ждал. После, поклонившись, секретарь принял шкатулку, молча отнес ее в парадную залу, а воротившись, сел за свой стол. Он перебирал какие-то бумаги и неприятно покашливал в тишине.

– Инглин, – не выдержал Рагнер и подошел к столу, – может тебе службу сменить? Сидишь тут без окон – света не видишь. Подыши воздухом – глядишь, там и поправишься.

– Эта хворь, Ваша Светлость, не имеет отношения к роду занятий, – ответил секретарь. Когда он говорил, то на его лице проступали очертания черепа – чудилось, особенно в полумраке этой залы, что через него вещает сама Смерть. – Это наследная хворь. Проклятие крови Лимаро.

– Даа?.. Но жена Кальсингога вот явно не проклята. Этой даме не помешало бы хорошенько схуднуть. И ее батюшка еще жив, насколько я знаю.

– Госпожа Кальсингог счастливица – хворь сделала ее тучной, и хотя она едва вкушает пищи, похудеть не может. Зато она не кашляет – счастливица. А ее батюшке, господину Лимаро, долгие годы удавалось бороться с хворью, но нынче он плох. Господин Кальсингог передал мне, что со дня на день Смерть посетит ихх... дом... – закашлялся он. – Это прокх... лятье.

– А что святош... священники говорят?

– Мы не забываем о молитвах в надеждах, что однажды проклятье падет. Госпожа Кальсингог известна своей набожностью.

– Ну даа... Слушай, Инглин, а кто вас проклял-то? И за что?

Инглин убрал ото лба черные волосы, сжал тонкие губы и покачал головой, говоря, что сам был бы рад знать.

– Ладно, Инглин... – вздохнул Рагнер. – Черт, бедолага же ты... Ты там лечись, что ли, не забывай...

Секретарь кивнул и снова стал перебирать бумаги.

«Врагу не пожелаешь, – подумал Рагнер, отходя от стола. – Черт, Боже, прости меня, неблагодарного, за всё... Как оказывается мало надо для счастья – всего лишь увидеть Инглина...»

Но скоро Рагнеру захотелось убить Инглина Фельнгога – время шло, он ждал и ждал, начиная беситься, а Инглин всё покашливал и покашливал.

«Только кашляни еще раз! – раздраженно думал герцог Раннор. – Ну сил же нет никаких! Ясно, чего он тут сидит. Инглин Фельнгог – это пытка!»

Пытаясь отвлечься, Рагнер стал рассматривать стены и потолок, – их обилие резным деревом, хотя в моде были яркие фрески. Рагнер погладил панели, пригляделся к ним и понял, что трогает дуб, а вовсе не какой-нибудь заморский палисандр.

«Дубов возле Ларгоса навалом, – задумался он. – Зимой в дубовых стенах будет тепло. А фрески – блажь одна: завтра выйдут из моды, и всё... Да, кстати, а что я с Рюдгксгафцом делать буду, если уеду в Ларгос? Если зимой там не топить, штукатурка обвалится по весне, погниет всё от сырости. Минимум две сотни золотых в год на замок, где я жить даже не буду?! Дааа, кровопийца, а не замок, да продавать жалко – всё же дворец в столице».

Тут Инглин снова кашлянул – и Рагнер решил, что с него хватит – сейчас пойдет и сломает Инглину шею: всё равно тот не живет, а мучается. Однако открылась дверь парадной залы, спасая секретарю жизнь.

На пороге стоял Гизель Кальсингог, высокий, широкоплечий мужчина сорока шести лет, черноволосый и черноглазый, как Инглин, но со свежим цветом лица, – вообще, канцлер будто бы источал дух могучего здоровья и жизнелюбия. Он носил короткие камзолы, открывая сильные ноги, широко опоясывался кушаком, подчеркивая плоский живот, одевался броско и ярко. Красный тюрбан скрывал обширную лысину канцлера, а вот что скрывала загадочная улыбка, никто не знал, – на первый взгляд думалось, что Кальсингог всегда пребывает в отличном настроении. Рагнеру канцлер тоже улыбался – Рагнер мрачнел: тот, кто появился за спиной Гизеля Кальсингога, оказался Хильдебрантом Хамтвиром.

И «паучья черепаха» выглядел неплохо в свои семьдесят два, разве что сутулился – ходил, опираясь на трость с крупным ярким изумрудом на набалдашнике. Богато расшитый нарамник с резными краями и высоким воротником, алая туника под ним и алый пышный шаперон с петушиным гребнем сливались в нечто целое, как панцирь, в отверстия которого виднелось

умное, вдумчивое лицо. Черепаху он напоминал еще и вялой, изжеванной кожей на шее, округлыми веками, складками морщин под глазами и самими глазами, темневшими, будто угольки, на бледном, бесцветном лице. Кроме того, иногда при разговоре, то ли из-за сутулости, то ли из-за того, что опирался на трость, Хильдебрант Хамтвир тянул голову вперед, словно высывал ее из панциря.

– Дедуля! – весело воскликнул Рагнер, продолжая хмуро смотреть на деда жены. – Не спитесь? С утра пораньше – да на прогулку!

– Внучок, – холодно ответил Хильдебрант Хамтвир, подходя ближе к Рагнеру. – Я старик – и мало сплю. И потому опережаю молодость.

Кальсингог остался у дверей парадной залы. Рагнер пошел провожать старика до дверей приказной.

– Пригласить тебя к себе хочу, дедуля, – говорил Рагнер по пути. – Приходи на обед, а? А то сам приду – и даже стены Госсёрца меня не сдержат.

– Мы будем сегодня, – скупое ответил старик, останавливаясь. Он вытянул к Рагнеру голову и внимательно посмотрел в его глаза – Рагнер не отводил взгляда: глаза-угольки сражались с ледяным стеклом – и они были достойными противниками. Рагнер почувствовал, что его охватывает бешенство, и так распаленное неурядицей с ружьями, долгим ожиданием и кашляющим Инглином. И тогда Хильдебрант Хамтвир впервые улыбнулся.

– До вечера, герцог Раннор, – сказал он, втягивая голову и снова начиная идти. – Мы будем всей семьей к часу Трезвения.

– Жду не дождусь... – пробурчал Рагнер.

Старик больше ничего ему не сказал. Рагнер вежливо придерживал дверь, пока тот выходил – Хильдебрант Хамтвир благодарно ему кивнул.

В Малой Парадной зале было светло, ярко и просторно. Из мебели – лишь стол и несколько стульев, вместо громоздкого камина – две изящные изразцовые печки в углах. Высокие окна в полукруглых нишах показывали еловую аллею, Малый дворец и Восьмиугольный пруд. Белесость стен веселили багряные полотна с голубым водоворотом и золотым солнцем; пестрый потолок заполнили квадраты резного, золоченого и раскрашенного дерева. Красный ковер лежал на возвышении, а там, под сенью небесного цвета драпировок, укрылся дубовый, с позолотой трон; на его спинке голубел малый герб. На троне же сидел король Ортвин I Хитрый – молодежавый, высокий мужчина с грубоватыми, резкими чертами лица. Несмотря на летнюю пору, его тело облекала багряная мантия, и ее широкий горностаевый воротник, обнимал пелериной царственную шею. Стрижку король предпочитал рыцарскую – короткую, цвет волос определить уж стало затруднительно из-за обильной седины, – грязно-серый, землистый оттенок.

Корона лодэтских правителей представляла собой широкое золотое кольцо с частыми, невысокими зубцами и двенадцатью бриллиантами разных цветов, – символизировала корона солнце и двенадцать месяцев. Эта золотая инсигния власти увенчивала ныне сжатое крутыми складками чело короля – он гневно хмурился, глядя на вошедшего в парадную залу Рагнера. Правый голубой глаз Ортвина I разил молниями, зато левый, травмированный, будто хитро прищуривался. Неуловимое сходство у дяди и племянника имелось, да вот в чем оно заключалось, никто точно сказать не мог. Впрочем, кисти рук у них были одинаковыми – угловатые, изрезанные протоками вен.

Рагнер низко поклонился, присев на одно колено, после чего опустился на поставленный для него стул. Кальсингог встал у трона короля. Все трое мужчин молчали. Первым заговорить должен был король, но он не спешил этого делать, а продолжал испепелять Рагнера взглядом.

– Господин Кальсингог, – наконец проговорил со сталью в голосе король Ортвин. – Оставьте нас. Сперва дела семейные.

Кальсингог поклонился и вышел. Король продолжал молчать.

– Ну что?! – не выдержал Рагнер, когда за канцлером закрылась дверь. – Давай, начинай орать, хватить уж пялиться!

– У меня было такое хорошее утро! – раздраженно ответил ему дядя. – Но как всегда! Рагнер, что ты за человек такой? Чего тебе всё неймется? Я, клянусь, издам ордер – и запрещаю пускать тебя в Брослос!

– Сам с удовольствием уеду! Дядя, – мягче заговорил он, – просто не вмешивайся, прошу. Я тебе золото привез, всякие милости от Ивара и четверть своих трофеев честно отдал. Взамен прошу о такой мелочи: просто не вмешивайся – пошли ты к черту Хильдебранта!

– Рагнер, – встал король с трона и заходил по зале, – это тебе не потехи какие-то! Ты мирный договор порушить удумал! Считаешь, я хочу родства с Хильдебрантом? Или мать моя? Или я хотел жениться на Бешеной Мальде? Мне пятнадцати не было, а ей уж тридцать! Я ее боялся, как огня! А ты что? Столь милая девочка тебе досталась! Кроткая, юная, ткет себе – и пусть бы ткала! Мешает?! Но ты сбегашь из-за свадебного стола – это раз! Приводишь на глазах супруги в дом другую жену – это два! И три – это мирный договор рвешь?! Нет, нет и нет! Как ты, вообще, сдружился с принцем Баро?!

– Захватил его в плен... Да, тут еще, – достал Рагнер сложенный конвертом пергамент. – Он мне родным братом по крови стал, а я его сватом.

Король взял конверт, подозрительно разглядывая сургучную печать, сломал ее, сел на трон и молча стал читать. После задумался и спросил:

– И как ты Алайду представил для принца Баро?

– Как должно. Что высока душой, чиста, прекрасна, пример благой для прочих дев... И кто взойдет на ложе с ней, наисчастливым будет из людей.

– Ну да, ну да... – одобрительно покивал король. – Не перестарался?

– Нет, – с хитрыми глазами помотал головой Рагнер.

Где-то с минуту король раздумывал – молчал, подпирая кулаком щеку.

– Если ты даешь добро, то Алайде это еще передай, – достал Рагнер из кошелька маленький, но богато вышитый красный мешочек.

Внутри оказалась жемчужная капля, чуть поменьше голубинового яйца, украшенная четырьмя рубинами. Король взял подвеску, поднес ее к лицу и угрюмо на нее уставился.

– Дорогая? – негромко поинтересовался Рагнер.

– Дорогая, – сердито ответил король Ортвин, убрал подвеску в мешочек, а его вложил в согнутое письмо. После чего опять заходил по зале.

– Так, давай теперь о других делах, – сказал он, кладя письмо на стол и беря грамоты, что принес Рагнер. – Что за самоуправство?! – звонко потряс он ими. – Везде только твое имя! А ты – никто! Ни король, ни канцлер! Грамоты – пустая бумага!

– Может, грамоты и бумага, но мое имя нет! – резко ответил Рагнер. – Я – Лодэтский Дьявол! И не свинцовые висюльки эту грамоты заверяют, а страх! Их передо мной!

– А это еще хуже! Какого-то герцога боятся больше короля, Божьего избранника! Всё, надоело с тобой нянькаться. Мне нужно это громовое оружие! И не ври, что у тебя оно закончилось! Более не поверю.

– Клянусь своим именем, закончилось, – серьезно произнес Рагнер. – И тогда я тебе вовсе не лгал. Я думал, что закончилось – ждал поставки, но алхимик взорвался в своем подвале, и вовремя бронтаянцы образумились – повезло. А затем я нашел одну бутылку – завалилась в соломе... Я же больше года на Орензу потратил, а не палил всё, как в Бронтае. Всего одна бутылка была – и уж нет ее. Всё. Погиб Лодэтский Дьявол, но сам понимаешь, для мира он должен быть живой – просто на отдыхе. Да и в Южной Леонии я воевал без громовых бочонков тоже.

– Лучше бы ты не вспоминал про Южную Леонию! Честное слово, что ты за человек такой, Рагнер?! Что за рыцарь?! Позор на славе, слава на позоре!

– Какой уж есть. Послушай, дядя, Ивар тоже мне единокровным братом стал, – он всё золото отдаст до крупицы. Всё же для него это было делом чести и мести. И потом: Сиренгидия опять его, – золота у него хватит и для себя, и для нас. А прежде чем ты начнешь орать о святотатстве в Великое Возрождение, то знай, что я аж десятину от тунны золота Меридиану пожертвовал. Написал первому кардиналу письмо с покаяниями... И... дядя, – осторожно заговорил Рагнер. – Я хочу, наконец-то, занять геройские шпоры. Я тебе на верность тогда опять присягну.

– Забуди! – отрезал король Ортвин. – Ты бы получил их, если бы не воевал с бронтянцами в зимних восьмидах Любви и Веры. А сейчас... Может Эклесия и простит тебе святотатство, а я уж – изволь, нет! Я тебя слишком хорошо знаю! Покаялся он! А завтра опять выкинешь что-нибудь, что ужаснет всю Меридею. Нет!

Рагнер тяжело вздохнул.

– Герцог Лиисемский чеканит золотую монету, – сказал он. – Дай мне право печатать хоть медную.

– Нет!

Рагнер раздраженно прорычал сквозь зубы.

– Нет! – повторил король. – Будь ты мне даже сын родной и ангелочек – нет! Никто не должен печатать монету, кроме короля! Запомни это! Сегодня монета – завтра новая междоусобная война, – нет!

– Хоть что-то ты мне можешь дать?

– Могу триумф устроить, чествования и пиршество...

– Спасибо, не надо! Ты уже мне их раз зажал – вот и подавись!

– И ты знаешь почему! И хорошо, что напомнил! Рыцарский! Орден! И собаке на шею повесил! Ты же всех рыцарей Лодэнии позоришь, а не меня! За этот орден умирают! А ты! Убил Валера Стгрогора – и собаке его жизнь скинул!.. Его младший брат, кстати, рыцарем тоже стал... – спокойнее добавил король. – С Зимрондом сдружился. Не удивляйся – ненавидит тебя.

Рагнер пренебрежительно махнул рукой.

– И третье дело, – взял в руки король Ортвин мирный договор Рагнера с королем Орензы. – Здесь перечислены дары, из каких ты, может, и отдал десятину Святой Земле Меридиан, но мне – моей четверти – нет!

– Ты совсем уже! – вскочил на ноги и Рагнер. – Я тебе тунну золота, пятнадцать лет торговли без сборов на Утте и наследника княжества Баро в сыновья, а ты мне: монета – нет, шпоры – нет! Прошу о такой мелочи: скажи паучьей черепахе, что твое дело – сторона, – нет!! Зато: давай ему еще даров, ружья отобрали, Инглином пытали! Я – никто! Печать моя – ничто! Хер лысому свиристелю, а не миры заключать! Я тут кровь свою, значит, лил, а он явится на всё готовое и посвистит себе от души?! Я под своим знаменем, в конце концов, воевал!

– И ружья с пушками тоже сдай!

Рагнер застыл с открытым ртом.

– Я тебя щас убью, – зло сказал он, но король не испугался.

– Страшно как, – проворчал он. – Зимронда в свои короли захотел?

– А пусть! Я вот прямо сейчас к нему в Гирменц поеду – и помирюсь! Начнем с того, что как следует вместе тебя отчихвостим!

Король опять заходил по зале, затем в раздражение стащил через голову мантию и швырнул ее на пол, оставшись в скромных узких штанах и камзоле. Держа в руке корону, он сел на трон, и показал сесть на стул Рагнеру.

– Хорошо, – произнес он. – Напишу старому Хамтвиру, что мое дело сторона. Договаривайся с ним сам, если выйдет. И с матерью моей тоже. Но остальное – нет.

– Нет, не нет, – спокойно заговорил и Рагнер. – Пушки с ружьями – не отдам. Это мои трофеи – я их честно получил.

– Зачем они тебе в Ларгосе? А кораблям короля пушки – нужны. Морские разбойники опять напали на Сиюарс. Я же не о себе думаю, а о Лодэнии – обо всех нас.

– Ладно, – подумав, сказал Рагнер. – Ружья с фитилем и половина пушек твои. За это я хочу дозволение для себя и своих охранителей: носить ружья и в Брослосе, и вообще везде.

– Твоих головорезов от бандитов не отличишь. Тогда как-нибудь понятно их одень. А пушки тебе зачем?

– Хочу такие же отлить, наши уже, лодэтские. Продам их потом тебе или даже подарю.

– Хорошо, – сдался король. – Но остальное – нет. А ты мне обещаешь снять с собаки орден, надеть его на себя и гордо носить.

Рагнер, протяжно вздыхая, кивнул.

– И не вздыхай мне! И про четверть даров я не шутил – такие законы. Не я их писал! Может, ты и воевал под своим знаменем, но на моих кораблях. И наследник Баро – сие расчудсно, конечно, вот только мне ныне нужно собрать достойное такого жениха приданое Алайде и не посрамить Лодэнию! Видал ту жемчужину? А ведь еще подарков, негодяи, навезут! Казна и так пуста из-за свадьбы Эккварта. Поэтому не брыкайся больше. Где все эти роскошества?

– Большая часть на ярмарке в Нолндосе. Людям, что всё продадут, я доверяю – они мое войско снабжали.

– Тогда с тебя золото. Лучше приданого нет.

Рагнер снял с груди толстую золотую цепь и отдал ее королю.

– Это цепь из той грамоты. Для Алайды. Для семьи не жалко.

– Ну вот, – повеселел король. – Вставим сюда пару камней – и готов подарок принцу Баро. А что с твоими волосами?

– Ох, боюсь, опять орать начнешь. Я тут послушником недавно стал...

В то время как Рагнер рассказывал королю о захвате замка герцога Лиисемского, королева Орзении возлежала в Алой гостиной на лектусе, на дневной кровати, в тиши и уединении. Ее глаза были закрыты, но она не спала – в голове Белой Волчицы шли битвы «Маргрэты из Орзении» против «Маргариты из Орэнзы». Точнее: королева соображала, как заставить любовницу Рагнера перебраться в женское крыло, а затем и убраться в Орэнзу, но ничего путного придумать не могла. И «раскусить» Маргариту тоже: то ли та была наивной дурочкой, то ли беспринципной стрекозой-хищницей, то ли даже коварной лазутчицей орэнзских властителей. Вспоминая вчерашний обед, старуха клацала крепкими зубами – вчера Рагнер усадил ее, «любимую бабушку», на место хозяина дома – во главе стола, а сам занял стул рядом со своей «шлюхой в вопиющем платье». Хильде обедать не спустилась. «Тоже дура: за мужа ничуть не сражается, – всё на мне одной!»

Старуха встала с лектуса, вышла на проходную галерею и посмотрела в парк – там Соолма гуляла с Айадой. Неясная идея стала зарождаться в голове королевы, но появление Линдспа отвлекло ее.

– Ваше Величество, кронпринц Зимронд здесь. И граф Гельдор с ним... Принц нетрезв, как и граф, – добавил Линдсп. – Желают видеть герцога Раннора. Проводить их Большую гостиную?

Идея мгновенно прорисовалась.

– Раз они пришли к герцогу Раннору, то проводи их в его покои, – сказала королева, наблюдая за Айадой, прыгавшей вокруг Соолмы.

– Но... баронесса же там, Ваше Величество... еще вроде бы почивает...

– Проводи их в покои хозяина дома, как и должно, Линдсп, – строго смотрела на молодого мужчину Белая Волчица, и тот не решился более возражать. Он поклонился и вышел.

Вскоре в саду, на розовой дорожке, показались смотритель и два его спутника: белокурый красавец – граф Эгонн Гельдор, младший брат королевы Хлодии, и шумный кронпринц Зимронд, чьи рыжие волосы горели огнем на солнце. Если бы не хохот наследника лодэтского престола, то гости остались бы незамеченными для Соолмы. С досадой королева Маргрэта наблюдала за тем, как Черная Царица подзывает собаку и тоже направляется к дворцу. Старуха ушла в тень галереи и остановилась у мужской Синей гостиной. Внутрь она заходить не стала – лишь приоткрыла дверь и затихла.

Гости ждали у конюшни, в длинном проходе между двумя зданиями. Граф и кронпринц еще не спешили; их слуги, пьяные, как и оба их господина, развязно опирались о стены спинами или руками. Среди услужников выделялся здоровяк с широким красным лицом – Вёлм Пештр, знаменитый буйством, загулами и безобразиями не меньше, чем кронпринц, которому он служил.

Если их господа с кем-то не ладили, то слуги враждовали со слугами этого кого-то: задирать словами, изводить шутками, даже драться считалось долгом, а уж на глазах хозяина тем более – в случае «победы» он мог жаловать подарки или деньги. Линдсп Вохнесог, неспособный дать сдачи, особенно «полюбился» Вёлму: Линдсп ничего никогда не отвечал, пытаясь не замечать грубостей, но потел, сглатывал слюну и нервно поправлял волосы на лбу, – Вёлм поспорил, что однажды доведет его до слез.

– Хрю-хрю, Линдспё-хлиспё, толстозадый, наложил в штаны с досады! – пропел Вёлм под хохот пьяных прислужников. – Он так лопал и потел, что корыто тоже съел!

– Эй, заткнитесь, – вдруг оборвал хохот услужников белокурый граф Гельдор. – Мы пришли с добрыми намерениями, Линдсп.

– Герцог Раннор отсутствует. Если Его Высочество и Его Сиятельство желают ожидать хозяина дома в мужских покоях, то добро пожаловать в Рюдгксгафц.

Яркие синие глаза белокурого красавца встретились с ярко-зелеными глазами кронпринца – тот почесал щетину у подбородка и пожал плечами, после чего они спешили и без услужников пошли за Линдспом.

Кронпринц Зимронд напоминал сатира – руки были в рыжей поросли, ноги – кривыми и короткими. Однако он, низкорослый и коренастый, носил короткие камзолы и плащи, не собираясь прятать свои недостатки; когда стоял, то широко расставлял ноги, выпячивая небольшой плотный живот и гультфик, украшенный львиной мордой из золота. Лицо было глумливым, с мелкими чертами, тем не менее привлекательным. Яркие, зеленые, «драконьи глаза» мало кого оставляли равнодушным. Как и Рагнеру, ему досталось два родовых уха Ранноров, отчего «ушастый», ныне небритый и лохматый Зимронд еще сильнее походил на сатира.

Младший брат королевы Хлодии, белокурый Эгонн, был младше кронпринца на десять лет, но доводился ему дядей по мачехе. Ему исполнилось двадцать три. Как и его «наставник», он носил на гультфике зверя, вышитого золотого коня, – уж такая была мода, восхваляющая плодородие. В остальном Эгонн ничем не напоминал друга: высокий, изящный, прекрасный как бог древних Феб, белокурый и синеокий. Одевался он броско, с большим вкусом. В тот день Эгонн Гельдор выбрал золотистый камзол, и в нем он еще сильнее походил на солнечное божество.

Сблизились они от скуки. Зимронд имел буйный нрав, но с ним было весело. Общество Эгонна нравилось кронпринцу тем, что женщин тянуло к этому красавчику. А Эгонна, еще со свадьбы Рагнера, манила Мирана – красивая и отвергавшая его ухаживания Мирана. Жениться он на ней никогда не помышлял, и девушка особым женским чутьем чувствовала за сладкими речами ложь.

– Я сам тебе всё могу здесь показать, смотритель, – говорил Зимронд, поднимаясь по ступеням на галерею первого этажа, – и рассказать тоже. Вот у этих самых колонн по голой девке плясало, приветствуя меня. Правда, сейчас тут из шлюх одна моя бабка, – громко хохотнул он. – Я б помер, увидав старую каргу без одежд.

На втором этаже Зимронд по-хозяйски прошел в мужскую Синюю гостиную, а граф Гельдор задержал Линдспа у лестницы.

– Как поживает ваша прелестная сестрица? Передали ли ей письмо от меня?

– Ваше Сиятельство, моя сестра дорожит доверием королевы Маргрэты и честью нашего имени...

– Линдсп, – перебил его граф. – Я лишь хочу поговорить с Мираной наедине. В этом парке, например... Впусти меня вечером, когда королева отойдет ко сну. Я всё готов дать Миране: мое имя, положение и состояние, но долго я ждать не буду.

Линдсп задержал губами и посмотрел в сторону, поправляя челку. Эгонн, улыбнулся, понимая, что смог его завлечь, и стал увещевать смотрителя дальше. А Зимронд в это время, заскучав, отправился из Синеи гостиной в кабинет, где без стеснения принялся греметь вещами на полке, в поисках куренного вина, ведь Рагнер пил именно его – и Зимронд, как собака, чуял, что оно где-то рядом. Этот шум услышала Маргарита.

Девушка еще нежилась на великом, мягком ложе, одетая в полупрозрачную свободную сорочку и распутившая свои роскошные золотистые волосы. Утреннее недомогание и отсутствие друзей в доме задержали ее в постели. Господа Махнгафасс искали себе дом, вернее, его искала Марлена. Она желала иметь такой же домик, какого лишил ее Лодэтский Дьявол, изгнав из Лирхготбомма: не роскошный, но милый, не из камня, но с черепичной крышей, может, без конюшни и бани, но точно с садиком и добрыми соседями. Енриити и Дианы тоже не было в Рюдгксгафце: Эккварт показывал им Лидорос. Рагнер после Лодольца хотел навестить Аргуса, поэтому зная, что возлюбленный вернется нескоро, Маргарита никуда не спешила. Разбуженная звоном, доносившимся из кабинета, она подумала, что Рагнер вернулся раньше, не застав Аргуса. Никто иной шуметь в кабине не мог, ведь теперь там жила Айада, не позволяя зайти сюда, в спальню, ни королеве, ни кому-то еще постороннему.

Сладко потянувшись, Маргарита соблазнительно изогнулась на пышной постели и, оголив бедро, позвала возлюбленного. Скоро она услышала шаги, приближающиеся к закрытому занавесу, и выпятила губы для поцелуя.

Но вместо Рагнера занавес распахнул рыжий сатир, который, хохоча, кинулся на постель к золотоволосой «нимфе», треща что-то непонятное.

Маргарита вскрикнула и, пока к ней быстро полз по огромной кровати сатир, схватила что-то, оказавшееся простыней под одеяло. Она соскочила на пол, набрасывая на себя покров, но сатир прижал коленкой простыню и дернул ее к себе. Оставшись в полупрозрачной, тончайшей сорочке, прикрывая себя руками и громко визжа, девушка побежала к уборной, желая там спрятаться, – и у самой двери ее поймали, обхватили со спины и потащили к кровати. Маргарита кричала – сатир хохотал, тискал ее груди и что-то весело пел.

Но тут дверь из кабинета распахнулась – в спальню прошла Соолма, и она едва сдерживала за золоченый ошейник большую собаку. Это была уже не Айада – Соолма держала адскую зверюгу: лающую зубастой пастью, рычащую в ярости и брызгающую слюной.

– Я спущу ее, – кратко сказала Соолма, и Маргарита оказалась свободной – она за миг преодолела расстояние от кровати до уборной, а в ней задвинула дверной засов и обессилено сползла спиной по стене, сев на полу. Руки у нее тряслись мелкой дрожью. Она слышала мужскую ругань, собачий лай, затем заговорила королева Орзении – ей отвечали сразу два мужских голоса, потом наступила тишина. И в этой тишине в дверь уборной постучались.

– Выходи, Маргарита из Орензы, – сказала королева по-меридиански, – Мяргрэте из Орзении надо с тобой поговорить.

Девушка, полуголая, простоволосая и босоногая, вышла, прикрывая себя руками. Она всё еще дрожала. Старуха вздохнула, совсем как Рагнер.

– Получила – что заслужила, – строго проговорила она. – Дамы живут в женском крыле, а в мужских покоях ночуют только б...и. Кронпринц Зимронд решил, что ты и есть б...ь. И ничего иного он подумать не мог! Он просил передать тебе извинения, – снова вздохнула, как Рагнер, королева. – Для Зимронда – это как встать на колени. Не помню, чтобы он хоть раз, после своего отрочества, извинился... Так, Маргарита из Орензы, все будут молчать и ты должна тоже. Если Рагнер узнает, то убьет Зимронда. Он уже однажды его едва не убил, а мой сын, король Лодэнии, вновь Рагнера уж точно не простит – либо насмерть казнит, либо даже на киноварных рудниках его погубит.

– Я не скажу... – пролепетала девушка.

– Хорошо. И у тебя два пути: либо остаешься в этой спальне, но тогда ты для меня полная б...ь – тогда сиди тихо в Рагнером в Ларгосе, не суй оттуда носа и не гневи меня. А то я сейчас еще крайне к тебе добра! Либо второй путь: для тебя готова спальня в женском крыле. Одевайся, быстро собирай вещи и перебирайся туда до возвращения Рагнера. В этом случае будем мирно друг друга терпеть, Маргарита из Орензы.

– Я перееду, – так же тихо вымолвила Маргарита. – Я сама здесь боюсь ныне быть.

Старуха пожевала губами.

– Ты кажешься милой, – ласковее сказала она. – И, похоже, ничего не знаешь об этом замке. Его историю... Точнее, пересуды.

Маргарита мотнула головой.

– И не надо тогда – это лишь глупые сплетни, – направились белая королева к двери в кабинет. На пороге она обернулась и сказала: – А вот про Хлодию Гельдор надобно узнать. Спроси Рагнера о нашей королеве Хлодии Синеокой, о его брате Гонтере и о нем самом.

Рагнер провел у дяди больше часа, общаясь с ним наедине. Покидая секретарскую залу, он самодовольно глянул на канцлера Кальсингога, самого подвергнутого пытке Инглином Фельнгогом. Впервые на памяти Рагнера, Кальсингог не улыбался.

А спускаясь по широкой лестнице ко второму этажу, он увидел белокурую хорошенькую девчушку пяти лет во взрослом шелковом платье.

– Ррагнел! – крикнула та и бросилась к нему – он же подхватил ее на руки. – Я боялась, не успевать тебя ловить.

Обнимая свою маленькую сужэнну, Рагнер покружил ее, подбросив в воздухе, отчего Ольга задорно смеялась. После Рагнер крепко прижал ее к себе. И тогда он увидел королеву Хлодию, синеокою и прекрасною. Она стояла у лестницы на втором этаже, величественная в синем с золотым шитьем платье. Бледно-золотистая вуаль, украшенная крупным жемчугом, напоминала цвет ее белокурых волос. А на голове Хлодии ярко золотела и блистала двенадцатью разноцветными бриллиантами корона – точно такая же, какая была у короля, только с треугольным выступом. Была ли пуста казна, носил ли сам король под мантией скромный наряд, платье королевы всегда выглядело торжественно. Более иных цветов она любила синие оттенки – как ее глаза. Зимой, в солнечный день, коварное северное море порой становилось южным – цвета сапфира, – вот такие глаза были у Хлодии: холодные яхонты. Ее чувственные губы когда-то тепло улыбались, но ныне... Королеве Лодэнии исполнилось тридцать, и ее красота достигла полного расцвета – она будто налилась сахарной сладостью, как спелый плод. Однако Рагнер всё еще видел ее очень юной девушкой, хрупкой и нежной, хотя даже тогда гордой и властолюбивой.

Тихонько вздохнув, Рагнер понес Ольгу вниз, к матери.

– Здравствуй, Хлодия, – ровным голосом сказал он.

– Здравствуй, Рагнер, – также буднично ответила королева и с укором уставилась на дочь, обнявшую Рагнера за шею и сидевшую на его руке.

Под ледяным взглядом Хлодии Рагнер опустил Ольгу на пол, а та притихла.

– А теперь, Ваше Высочество, приветствуйте герцога Раннора так, как вам подходит.

Ольга непонимающе на нее взглянула.

– Его Светлость толжен пррриветовать мяя, прринцессу, пелвым.

– Именно. Поэтому я стою внизу, а не бегаю никому навстречу, как какая-то баронесса.

– Хлоодия, – простонал Рагнер. – Он ж малявка еще! Ну зачем ты ее детства лишаешь?

– Принцессы взрослеют рано. К семи годам она должна выглядеть безупречно – все на нее будут смотреть. Я же для нее живу, лишь для нее стараюсь! Будет девушкой, не устанет меня благодарить, путь даже сейчас ненавидит. Это и есть любовь – уметь быть жесткой с теми, кого ты любишь.

– Ладно, – вздохнул Рагнер, – как знаешь. У меня тут друг появился, который ищет да гадает, что же такое любовь. Передам ему твои слова.

– А для тебя, что такое любовь?

– Не знаю... Я предпочитаю не думать, а любить, – и всё тут.

– Советую разобраться, – гордо усмехнулась Хлодия. – А то блуд можно принять за любовь: жить в блуде и умереть в блуде, думая, что любил, а на самом деле нет.

«Ей что, про Маргариту успели сказать? – подумал Рагнер. – И она ревнует, что ли? Да ладно! Нет, не может этого быть...»

– Ваше Высочество, – обратилась королева к дочери. – Прощаться вы должны первой. Покажите же Его Светлости себя с лучшей стороны.

Маленькая Ольга, немного приподняв одной ручкой подол, присела, склонив голову. Рагнер низко ей поклонился, прикладывая руку к сердцу. Озорно глянув на маму, Ольга протянула ему левую ручку, какую Рагнер поцеловал, сказав, что отныне будет ее верным слугой. Прощаясь с Хлодией, Рагнер, кривя в усмешке рот, тоже поклонился ей с правой рукой у сердца. От синеокой королевы руки для поцелуя он уже не получил.

Спустя две триады часа Маргарита раскладывала вещи в своей новой спальне на третьем этаже, что была на чердаке да с окном, выходившим на набережную. Здешняя кровать, как и в каюте на «Хлодии», встраивалась боком в стенную нишу и занавешивалась толстым полотном. Ложе, скромного размера, находилось на высоком постаменте, и забираться на него нужно было при помощи скамьи, вставшей подле. Дверь справа от кровати вела в тесную кладовку для ценностей, годную под гардеробную, дверь слева – в столь же малую уборную. Кроме того, в комнате, под настенным выпуклым зеркалом, имелся высокий умывальный столик.

Зато у Маргариты появилась покоевая прислужница Ингё, говорившая по-меридиански (!), рыжеволосая и зеленоглазая, как недавний «сатир». Она подсказала баронессе Нолаонт, что лохань для омовений прячется под кроватью и надо сдвинуть скамью, чтобы ее достать. Еще Ингё обещала помогать во всем госте, только попросила дать расписание времени – когда ей приходиться с четвертого этажа.

По соседству с Маргаритой, как еще сообщила Ингё, жили Мирана, мона Фрабвик, Соолма и Диана Монаро, а Марили разместили с другими прислужниками, на четвертом этаже. На последнем, пятом этаже Рюдгксгафца никто не жил – там хранили вещи и одежду.

Ингё была очень красива, даже «неблагородное» квадратное лицо ее не портило, скорее добавляло особенности, уникальности. Полные, тяжелые губы хотелось целовать, удлиненные, изумрудно-зеленые глаза завораживали, ярко-рыжие волосы будто источали пламя. Ингё сказала, что попала в дом Ранноров вместе с Хильде Хамтвир, а до этого прислуживала в замке

Госсёрц. Больше Маргарита не узнала ничего – многословностью эта образованная прислужница не отличалась. Маргарита вскоре ее отпустила, не дав расписания времени.

Напуганная произошедшим, Маргарита ждала Рагнера, боясь покинуть свою новую спальню, но уж заканчивался час Смирения – а его всё не было. Прежде возлюбленного к ней зашла Соолма.

– Спасибо тебе превеликое, – не сдержалась и расплакалась Маргарита. – Огромное-преогромное! Я так перепугалась! Я думала, что надо мной снова... надругаются. Мне до сих пор страшно! А Рагнера всё нет и нет!

Соолма кивнула. Она не утешала Маргариту, но смотрела на нее с сочувствием. Девушки сидели на скамье у кровати. Дождавшись, когда Маргарита перестанет плакать, Соолма сказала:

– Нельзя ничего говорить Рагнеру. Он и впрямь убьет Зимронда, если узнает. А Зимронд, какой он бы ни был – кронпринц, наследник престола. Убийство сына, тем более кронпринца, короли никому не прощают.

Маргарита поклялась ничего не говорить Рагнеру – Соолма поклялась ей в том же.

А Рагнер появился лишь в середине часа Нестяжания, нетрезвым и счастливым.

– И что всё это значит? – спросил он Маргариту, заходя в ее новую спальню. – Чего ты от меня сбежала?

Девушка уже полностью оделась для обеда – в Большой гостиной начинали собираться через минут двенадцать. Для этого обеда она выбрала благопристойное платье: коричнево-золотистое, богато отделанное вышивкой на плечах, рукавах и у черной каймы на подоле, но свободное и закрытое. Ее голову прикрывала плотная вуаль, прикрепленная к драгоценному ободку, а волосы она скрутила в пучок на затылке.

Маргарита заперла дверь на засов и уклонилась от объятий Рагнера.

– Так, что я натворил, пока здесь не был?

– Ничего, – присела она на скамью.

– Опять дамский язык? – сел Рагнер рядом. – Ваше ничего – это всё: чего там только в этом вашем дамском «ничего» нет! Грители, – серьезно смотрел он, – рассказывай и не ври. Не ври, – повторил он.

– Правда ничего такого, – немедленно начала лгать Маргарита. – Просто... я с бабушкой твоей поговорила...

Он раздраженно выдохнул.

– Рагнер, она мне сказала, что в мужских покоях ночуют только... падшие.

– Да к черту ее. Я сегодня выругал у дяди согласие, чтобы мне позволили развестись. Не представляешь даже, чего мне это стоило! Один Инглин Фельнгог это!.. Может, его перекупить у дяди, – задумался он, – в пыточную суда... Ладно, словом, скоро мы обвенчаемся, а их всех, прочих, – к черту! Немного надо еще их пожалить...

– Рагнер, я не могу! – в сердцах вскричала Маргарита. – Не выросло у меня еще жало, как у тебя! И, может, никогда не вырастет! Я не могу! И не хочу! И они сильнее! Если ты хоть немного меня любишь, то не заставляй меня больше! – расплакалась она. – Не могу! Не могу! Не могу!

Он крепко ее обнял, стал гладить по голове и нежно целовать.

– Маленькая моя, – услышала она, – не буду, если не хочешь. Я один справлюсь, не бойся... Моих жал на всех хватит, а ты оставайся доброй... Тише, не плачь, не плачь... тихо...

Всхлипывая, Маргарита высвободилась, утерла глаза и щеки, после чего встала со скамьи. Она умылась, глядя в зеркало, высморкалась в носовой платок и с ним в руках села обратно на скамью.

– Пожалуйста, – негромко сказал Рагнер, – расскажи, что здесь случилось. Я всё равно не успокоюсь, пока не узнаю. Лучше тебе сказать.

Маргарита помолчала, кусая губы, а потом нашлась:

– Твоя бабушка поведала мне о королеве Хлодии, о тебе и твоём брате.

Рагнер закатил глаза и, выдыхая воздух, раздраженно проговорил:

– Ну какая же ты у меня дурёха! Чего бы бабуля тебе ни сказала, всё в прошлом! Таком давнишнем прошлом, что на тех костях вырос уже не мох, а лес шумит. Хлодия – королева! Жена короля! А бабуля... просто она думает, что я до сих пор влюблен в Хлодию, но это не так. Я тебя, дурочку, люблю. Хочу теперь тебя в жены, наследников от тебя хочу... Я же здесь, рядом, а не где-то там... у подола ее юбки... Всё! Всё с ней давно кончено!

– Расскажи мне о ней.

– Зачем? Бабуля же тебе уже всё расписала.

– Рагнер, пожалуйста, – взмолилась Маргарита. – Я на колени даже встану, только расскажи. Я от тебя хочу всё услышать, как было.

– Ну... – пожал он плечами... – Да что сказать-то... Я Хлодию с семи лет знаю, даже семи мне еще не было... Их имение недалеко от Ларгосца, у самого вонючего и мерзкого из городков на Тидии. Но это так... к слову... Отец Хлодии, барон Атрик Гельдор был моим наставником-рыцарем. Кроме меня у него было еще десять таких же юнцов-учеников – и все мы в Хлодию одновременно влюбились. Но то были детские забавы, чепуха... Потом ее отец сильно занемог: за год перестал сам на себя походить – из сильного мужика стал тощим стариком. Его ученики, понятно, разъехались, а Гельдоров разорвали лекари. В ту пору мы с Хлодией по-настоящему сблизились и полюбили друг друга. Я каждый день к ним в имение таскался – а это четыре часа туда и четыре обратно: весь день, считай... Привозил им из Лагросца снедь, свечи, вина, даже хлеба... Очень им туго тогда было, зато жирный лекарь всё жирел, барон Атрик всё слабел! Эгонна, младшего брата Хлодии, толком, без отца-то, не воспитывали: он делал, что хотел, все шалости ему прощали, ни в чем он не знал отказа. Если Хлодия и ее мать голодали, то он от пуза всегда лопал, – еще тогда его избаловали. Потом и лекарю стало нечем платить, потом барон Гельдор умер. Мне тогда едва шестнадцать исполнилось, Хлодии – четырнадцать с небольшим было... Я мечтал, что стану рыцарем, прославлю ее имя, займу землю для нас. Тогда и подарил ей мамино кольцо с рубином – она приняла мой дар, поклялась мне в верности как жена. А потом приехал мой брат, Гонтер. Мать Хлодии послала ему ее миниатюру – и он решил на ней жениться. А как вживую увидел, то... голову потерял. Он считал, что это я должен отступить, поскольку еще слишком юн, не имею земель и, вообще, слабак... Я отступить не собирался – и мы с братом как-то раз в восьмиде Смирения подрались не на жизнь, а на смерть. Он меня отделал... выбил мне о камни зубы... Не нарочно – так уж вышло. Просто мы на Пустоши дрались... Покажу тебе ее в Ларгосе. Там камни большие... Но зато он нарочно бросил меня там, избитого, умирать: ночью, в темноте, еще снег не сошел, – тяжело вздохнул Рагнер. – Я именно тогда его возненавидел. На тех самых камнях. И за Хлодию, и за себя, и за то, что он тогда убил себя для меня. А ведь я так его до этого любил... Меня каким-то чудом заметил мой друг Вьён Аттсог, когда возвращался мимо Пустоши домой. Вьён привез меня к себе, выходил... он же пришел к брату – забрал мое наследство: рыцарского коня, доспехи и оружие отца. Хлодию тогда уже увезли в Брослос. Ну, посмотрел я на свое наследство, и решил, что сам Бог велел мне выиграть турнир или умереть. В Марсалий как раз был первый турнир в Лодольце... Там же я узнал, что Хлодия не вышла замуж, что отказывается, что верна клятве, какую мне дала... А дальше, – тяжело вздохнул Рагнер, – на турнире, в первом же поединке, я снова встретился с Гонтером. И снова – насмерть. Он хотел меня убить, чтобы Хлодия освободила себя от клятвы, я хотел освободить Хлодию от него. Доспехи у меня были вовсе не турнирными, в отличие от доспехов брата. Короче, он выбил меня из седла, поломал мне ребра и ранил. И я тоже выбил Гонтера из седла – с него слетел шлем, Гонтер упал на голову, – так нас обоих вынесли без чувств с ристалища... Больше мы с Гонтером ни разу не общались, не сказали друг ни слова. Когда я вернулся с Бальтина, то

он уж путешествовал по Меридее... А Хлодию увидал на том турнире дядя Ортвин – и пока мы с братом умирали, он сделал ей предложение – она его приняла. Она всегда хотела быть королевой. Помню, ей, пятилетней малышке, подарили деревянный венец – так она с ним до семи лет не расставалась... Хлодия вернула мне кольцо и написала, что ломает клятву, что меня предаст, что я могу отныне ее презирать и что так она тоже более не может жить – что мы с Гонтером рвем ее сердце и думаем лишь о себе, а не о ней.

Рагнер замолчал, и только Маргарита хотела сказать, как он продолжил:

– Спустя десять лет я вернулся с Бальтина. Я уже был другим, давно перестал быть слабаком. Я выиграл куда как более пышный турнир Великих Мистерий, чтобы доказать... не знаю, что я тогда хотел доказать. Просто хотел красивой победы – полной, звонкой, кровавой и славной. Хлодия всё еще оставалась моей прекрасной дамой, так что я прославлял ее имя, хотя ни она, ни дядя этому рады не были. И я потребовал ее поцелуя после победы... – тяжело вздохнул Рагнер. – И она меня при всех, при всем Лодольце, при аристократах и рыцарях, при всем свете Лодэнии и при черни, поцеловала в губы через тонюсенькую вуаль... А следом влепила мне, так же при всех, пощечину.

– Вот дрянь! – не сдержалась Маргарита.

– Я на нее не зол, но с тех пор всё в прошлом. После оплеухи я уже не ее рыцарь. Могу в шутку поклониться ей с рукой у сердца, зная, что она ни за что не ответит... Дядя тогда меня чуть не удавил по-тихому – и за прошлое, и за нынешнее, но милостиво отдал под суд – за убийство на мирном турнире... Я и правда тогда думал только о себе. У Хлодии к тому времени, почти за десять лет, детей всё еще не было – нет ничего хорошего в пересудах, когда подданные думают, что у их властителя слабое семя. А тут я еще... со своими поцелуями. Послушай, – вздохнул он, – бабуля тебе наверняка сказала, что маленькая Ольга – это моя дочка, но это не так. Я всем готов тебе поклясться, что это не так. С Хлодией у меня ничего не было, кроме того поцелуя через вуаль на турнире и еще одного, первого торопливого поцелуя на Пустоши, когда она клялась и брала мое кольцо...

– Да? – удивилась Маргарита. – Вы даже не целовались... Ты не целовался? Ты?! И не... Нет, не верю!

– Клянусь, – нежно улыбался ей Рагнер. – Хлодию-то как раз мать воспитывала в строгости, от себя даже на три шага не отпускала. Да и я был таким... Стеснялся я. Весьма застенчивым был... Слабаком и тряпкой.

– Ммм, – нежно протянула Маргарита, обнимая его. – Ну не всеерю. Лодэтский Дьявол – и тряпка!

– Тогда у меня было иное прозвище... И я тебе его не скажу, плачь ты – не плачь. Хоть слезами вся изойдись – не скажу!

– И не надо... Не хочешь – не надо...

– Не переселишься назад в мою спальню?

– Нет.

– Здесь тесно, – осмотрелся он. – Но, может, и к лучшему. Мой старый замок в Ларгосе тебе дворцом покажется.

– Как же я хочу в твой Ларгос!

– Наш Ларгос! – поцеловал он ее и озорно посмотрел. – Обедать сегодня будем позднее. Мы гостей ждем: всё семейство Хамтвиров. Я еще Аргуса и Лорко позвал.

– Лорко! – обрадовалась Маргарита.

– Может? – кивнул он вверх, на кровать.

– А давай!

Рагнер поднял ее на руки, и вознес на ложе алькова.

Глава IV

Званный обед

Завтракали аристократы в Лодэнии лишь единожды, в своих покоях, зато перекусывали несколько раз за день, в гостиных или садах. Вечерняя трапеза в замке Рюдгксгафц начиналась с посещения Большой гостиной, в какой хозяева дома и их гости встречались, собираясь там все вместе в течение двух триад часа. Там общались, играли в настольные игры или музицировали, там закусывали и пили легкие вина. Перед обедом в гостиной, как священный ритуал, происходила церемония омовение рук, в завершение читалась молитва. На обед шли торжественно, парами, и первым шествовал хозяин дома вместе со своей супругой или спутницей. Если мужчина вел женщину, держа ее за правое плечо повыше локтя, то все понимали – это его жена, если за левое плечо – невеста. В иных случаях мужчина и женщина просто ступали рядом.

Муж и жена в Лодэнии вкушали из одной большой тарелки и испивали из одной чаши. Век назад, до прихода в Лодэнию меридианской веры, паре достаточно было прилюдно поесть как супружеской чете – и их считали семьей. Кушаньями за столом заведовала женщина – та, кто их приготовила: повариха разделявала тушки, раздавала мясные куски, начиная с хозяйки дома, а себя обслуживала последней. Угощения на тарелку (общую или своего спутника) тоже клала женщина – заботилась о мужчине. Но чашу всегда наполнял мужчина, а пили чаще всего лодэтчане именно из чаш, в каких вмещалось вод на две чашки. В начале многолюдного, праздничного застолья мужчины пили из кубкового кратера, передавая его по кругу.

По традиции, и знать, и слуги кушали за одним столом или в одной зале, но скатертью покрывали либо часть стола, либо стол для значимых персон. Получить место за столом со скатертью считалось превеликой привилегией. Столовые прислужники кушали вместе со всеми – только часто вставали из-за стола. В кухне Рюдгксгафца трудились как мужчины, так и женщины, но появление мужчин-поваров, а также домашних прислужников стало веянием новых времен – то есть в Лодэнии мужчины «лезли» в кухаря, портные, няньки, прачки... Впрочем, дальше столиц это не распространилось, и «в глуши» мужчины по-прежнему охотились, охраняли, занимались лошадьми или тяжелым ремеслом, женщины же выполняли домашние работы.

На хозяйине дома и хозяйке лежала забота о гостях – за столом они должны были поглядывать: все ли веселятся, все ли довольны. Они же отводили гостей группами в уборные – мужчины и женщины всегда шли в разных направлениях.

Вечерний прием пищи в богатых домах затягивался аж до часа Любви, ведь покушать и выпить лодэтчане очень любили. В час Воздержания в Рюдгксгафце танцевали, снова собирались в гостиных, гуляли по парку, затем те, кто желали, возвращались в обеденную залу и продолжали застолье уже без каких либо церемоний. Объяснялось такая привычка холодными зимами – в теплой обеденной зале было куда как приятнее проводить время, чем в холодных спальнях. Омовениям простой люд в Лодэнии предпочитал бани без купален и парилен – просто небольшое помещение с печкой; в таких банях тоже коротали зимние вечера. Кстати, если в доме были мужские покои, то жена туда не навевалась, ведь там наверняка спали приятели ее супруга: и в гости лодэтчане ходить любили, темнело зимой рано да распрощаться пьяным друзьям было непросто (иногда прощались до зари, то спускаясь до ворот, то возвращаясь за стол).

Перед обедом Рагнер покинул Маргариту, а она позвала Ингё и попросила помочь ей вплести жемчужные нити. Всего минут за двенадцать золотистые волосы оказались уложенными лучами ниже макушки, будто плоская ракушка, да словно посыпаны каплями росы.

После чего воодушевленная Маргарита добавила на лоб кулон с черным морионом, а затем и платье передела – выбрала более нарядное – из атласа ярко-изумрудного цвета, со шлейфом и, конечно, с черной каймой на подоле.

– Ингё, большое спасибо, – в конце поблагодарила Маргарита прислужницу. – Ты не перестаешь меня удивлять. А откуда ты знаешь меридианский?

– Мне повезло, Ваша Милость, – бесцветным голосом проговорила рыжеволосая прислужница, – герцог Хамтвир по прошению моей, ныне покойной, матушки, вдовы, оплатил для меня монастырскую школу.

Маргарита почувствовала странную неловкость, словно она лезла в чужое белье, но спросила:

– Ингё, а какой он, герцог Хамтвир? Что о нем можешь сказать?

– То, что с ним лучше не иметь дел, – таким же голосом без эмоций ответила рыжая красавица. – Даже руку с его рукой соединять крестом никогда не стоит. Лишь кажется, что он свою разжимает.

Далее Ингё уклонялась от разговоров о Хамтвирах, да и времени для бесед не осталось: опоздав на триаду часа, Маргарита, великолепно причесанная, яркая и сияющая в своем атласном платье, появилась в Большой гостиной перед королевой Маргрэтой. Старуха, глядя на изумрудный шлейф с черной каймой, сделала вывод, что девчонка отнюдь не проста, и отсекала мысль о том, что перед ней наивная дурочка, – значит: стрекоза-хищница, третьего не дано. Оставалось понять, какая это стрекоза. Может, просто зеленая муха-мясоедка?

Ничего не подозревающая «стрекоза» ей улыбнулась, почтительно поклонилась и прошла к подруге, Марлене, присела к ней и Магнусу на скамью. По соседству, за столиком, принц и ее падчерица играли в «лису и гусей»: Енриити быстро истребляла лисой-фишечкой «гусиную» гуцу Эккварта. Диана Монаро читала книгу. И Мирана, сидя на табурете, читала роман, но вслух, для королевы – та, особняком расположилась на другой скамье, спиной к окнам.

Эти узкие витражные окна выходили на тихую набережную Айрюснс. Стены и потолок Большой гостиной художник одел в уютные, терракотовые и кремовые фрески, то есть в роспись, дробившую стены лоскутами-панелями, кантами, простоватым орнаментом. Травянисто-зеленые портьеры добавляли летней свежести, тканые шпалеры живописали сцены охоты, на полу лоснилась поливная золотисто-зеленоватая плитка. Еще не стемнело. Маргарита уж давно отменила странную особенность севера – здесь летом вечер был чрезвычайно долог, рассвет же мог настать в третьем часу ночи. Рагнер обещал, что на следующий год она вообще увидит в Ларгосе чудо – ночью будет светло, как днем, однако Конец Света не случится.

В Большой гостиной закуски брали с двух буфетных столов у стен, там же прислужники разливали напитки. Три скамьи, на значительном удалении друг от друга, встали буквой «П». Кроме того, можно было занять табуреты с разноцветными подушками на сиденьях.

– Мы нашли дом, что нам понравился, – рассказывала Маргарите Марлена. – Там есть два дворика и – не поверишь: храм Благодарения рядом! Правда, весьма маленький и простой. Это в Солнечном городе, в Мягком крае Малого Лабиринта, близ Нового Вала.

– Так себе округ, – отозвался Эккварт. – Там есть добротные дома, но порт крайне близко.

– Ну и что, что порт... – пожал плечами Марлена. – Я в портовом городке выросла. Меня возчиками и моряками не испугать.

Появился незнакомый для орензчан гость – белокурый красавец Эгонн Гельдор. Рагнер отсутствовал в гостиной, и представлять себя граф не стал, даже не кивнул головой Эккварту – поставил свой табурет у скамьи королевы и сел так, чтобы видеть Мирану.

Спустя минут девять в гостиную шумно ввалились Рагнер, Аргус и Лорко. А у Маргариты заболели глаза – камзол Лорко был зеленее зеленой зелени! Эгонн Гельдор презрительно хмыкнул и брезгливо скривил лицо, хотя Аргус, напротив, оделся со вкусом – приятный лицом, широкоплечий и с властным взором темных глаз, он выглядел как небогатый аристо-

крат. Лорко, низкорослый, рыжеватый и со ртом как у шута, рядом с ним и с черной фигурой Рагнера смотрелся особенно несуразно в своем крикливом облачении. При всем том Лорко нимало не смущался. В мутных, каре-зеленых глазах плясали искры. Маргарита поняла, что он сильно нетрезв, впрочем, как и двое других из их веселой троицы.

– Бабуля, это мои братья, Аргус Нандиг и Иринг Мавборог, – громко представил их Рагнер. – Аргус – мой единокровный побратим. И дня не хватит, чтоб перечислить всех его заслуг. А Иринг умудрился самого принца Баро пленить. Да вот такусеньким ножичком. Словом, удачливее сего мужа мир еще не знал.

Лорко подмигнул Миране.

– Красы падобнай мир яща не знал – ее я увидел, с тях пор ни есть, ни пить не стал! Я погибал...

– Врет он, – жестко оборвал его Рагнер. – Через миг уж налопаются! К моей Миране, моей дочке по сердцу, ни на шаг, Лорко!

– Эээ, – пьяно протянул тот. – Да я ж не ей... А вааам, Ваш Величество, – выдал Лорко и галантно поклонился, припадая на колено перед белой королевой Маргрэтой. Старуха весело хохотнула.

– Он мне нравится, – изрекла она. – Быть вам сегодня моим застольным мужем!

– Ээ, – ошалел Лорко, но тут же нашелся. – Да я, да с вами, да под венец хоть щас! – заявил он. – Каковскай дурак откажется?!

– Лорко! – возмутился Рагнер. – К моей бабуле – ни на шаг!

– А вот и на шаг! – заметно повеселела та. – Право, я желаю продолжить общение и за обедом с этим смельчаком. Самого Баройского Льва, говорите, одолел? Да такусеньким ножичком? Мне нужно всё узнать!

Рагнер что-то недовольно промычал, пока Лорко еще раз кланялся, а потом показал на Эгонна Гельдора.

– Да, тут еще пустое место в золотом камзоле сидит. Его заслуги в том, что он брат королевы Хлодии.

Эгонн возмущенно поднялся на ноги.

– Тем не менее, герцог Раннор, я ваша семья, нравится вам это или нет, и вы себя оскорбили тоже.

Рагнер огляделся...

– Пискнуло вроде что-то... – нахмурился он. – А не, почудилось. Вроде как пустой золотой камзол моей семьей назвался... Друзья, – обнял он Аргуса и Лорко за плечи, – пошлите-ка пока к тем дамам и Эккварту!

Веселая троица ушла, а Эгонн Гельдор молча сел на табурет. На его щеках проступили красные нервные пятна.

– Простите его, пожалуйста, – с жалостью в голосе тихо сказала Мирана. – Он просто выпил много...

– Мирана! – прикрикнула на нее королева. – Графа Гельдора я пригласила, а не ты. Роман читай лучше! А ты, Эгонн, вроде с Зимрондом дружишь... а Рагнеру до сих пор ответить ничем не можешь, как сопля!

Меж тем, у другой скамьи, Лорко, присев на табурет, посмотрел на игровой столик, точнее, на Енриити, и махнул ей рукой.

– Э, дча цкучашь, быкоглазая, – заговорил он на орензском. – Придчаливай сюды!

У Дианы Монаро и у Енриити широко распахнулись глаза. В следующее мгновение девушка встала, и направилась к Лорко. Тот довольно улыбался, но услышал:

– Я тебе не быкоглазая! Я баронесса Нолаонт! Ее Милость! А ты на себя лучше посмотри. Вырядился – шут шутот! Глаза мои аж слезятся – вот, небось, и покраснели, как у быка! Рот твой – как у дурака! А ты и есть дурак! Еще и рыжий! Мелкий, рыжий, дурак!

– Да дча я сказал-то, а? – обиделся Лорко. – Дажа похвалял ее глазья, а она...

– Дева Енриити, – вздохнул Рагнер, с укором глядя на Лорко. – Иринг Мавборог хотел сказать «волоокие»! Что у вас красивые, волоокие глаза!

– И всё равно... Шут шутом!

– Тьи! А тьи!.. Баранассыня!

– Аааах!

– Довольно! – встал Рагнер. – Дева Енриити, он вас обозвал – вы его трижды дураком обозвали, – ничья, и славно! А глаза у вас – волоокие! Не надо ругаться, крайне прошу. С утра уже ругаюсь... хоть час хочу передохнуть!

Тут прибыли Хамтвиры. Старик Хильдебрант вел, опираясь на трость, свою тучную жену, Валору. Когда-то Рагнер описал ее Маргарите как лесную кабаниху – и впрямь из-за маленьких глазок, потерявшихся в пухлых щеках, и надменной верхней губы, она на нее походила. Позади деда и бабушки, будто не шел, а махал длинными ногами граф Брант Хамтвир, старший брат Хильде. Он был темноволос и кареглаз, худощав и очень высокого роста, просто очень – пожалуй, только Ольвор не проиграл бы ему: даже Рагнер был ниже Бранта Хамтвира на целую голову. У самого же Бранта голова вышла маленькой, личико (именно личико) смотрелось детским и глуповатым, руки казались длинными жердями, ступни – гигантскими. Этот молодой мужчина, едва достигший восемнадцати лет, служил королевским оруженосцем у посадника Ксгафё (коменданта крепости), всё время проводил не на балах, а в боевых тренировках. Звезды щедро одарили его воинскими талантами, напрочь обделив изяществом и обаянием, тем не менее он с угрюмым упорством (ведь рыцари должны!) слагал каждый день по стихотворению и без слуха-голоса фальшиво исполнял на лютне по одной оде.

Брант Хамтвир, граф королевских кровей, оказался столь же заносчив, как и Эгонн Гельдор. С высоты своего роста он надменно глянул на дальнюю скамью – и более ничего, зато герцог Хильдебрант Хамтвир вежливо кивнул головой и даже улыбнулся гостям герцога Раннора и Эккварту, но старой королеве он не сказал ни слова, не кланялся, не кивал и тем более не улыбался. Заняв свободную скамью, напротив королевы Орзении, Хильдебрант Хамтвир и его жена вели себя так, словно ее не существовало – королева отвечала тем же. Вскоре к родне спустилась Хильде, и с ней пришла мона Фрабвик. Перед церемонией омовения рук появилась Соолма с Айадой (собака всегда обедала, возлежа на полу возле Рагнера).

За спиной Маргариты, параллельно скамье, стоял длинный стол с пятью чашами, великими и не очень: с мыльной водой, с обычной, с «белой», от какой исчезали чернильные пятна, опять с обычной. Последний кратер наполняли ароматной водой. Господа парами следовали к столу, по очереди опускали в воды руки, (мужчины и женщины делали это с разных сторон стола), после, вытерев руки салфетками, в ожидании других читали про себя молитву (сложив пальцы домиком, перекрестив мизинцы и «уронив лицо в руки» – поднеся большие пальцы к подбородку, а указательные ко лбу). Таким образом, хозяин и хозяйка дома молились дольше других. Более Маргарита не замечала, чтобы лодэтчане молились где-то еще, за исключением часовни, посещаемой в полуденный час Веры. Далее, после церемонии омовения рук, проходили в обеденную; там прислужники помогали рассаживаться гостям.

В замке Рюдгксгафц обеденная была просторна, будто парадная зала. Вдали ее, на подиуме, как и в замке Альдриана Лиисемского, находился стол для знати – в открытом шатре о пяти куполах (шатре вождя). Только стол здесь был не прямым, а в виде раскоряченной буквы «П». Скамью во главе стола, похожую на трон для двоих, занимали хозяин и хозяйка дома, туда же могли посадить малолетних наследников.

До подиума, ближе к окнам, протянулся огромный дубовый стол – в обычные дни за ним обедали прислужники, а на многолюдных пиршествах и гости тоже за ним кушали, даже аристократы. Свободное пространство залы отводилось под танцы, до того центр занимал буфетный стол, ломящийся от яств, откуда прислужники приносили угощение гостям и

у какого наполняли кувшины. На стене, противоположной окнам, выдавались вперед два балкона для музыкантов. Ради сегодняшнего званого обеда Рагнер нанял арфистов.

Обеденная являлась самой роскошной залой в замках лодэтчан, гигантский дубовый стол и буфетный стол – ее неизменными атрибутами. В Рюдгксгафце обеденная, будто парадная зала короля, хвасталась полуколоннами из малахита, резным потолком с позолотой, подвесными свечными светильниками причудливых форм; зала казалась бело-красно-зеленой; пол ее был, как шахматная клетка, повернутая диагонально. В глаза сразу бросался невероятных размеров камин, черный и зловещий: на нем, как и на фасаде дворца, пригрелись крылатые демоны, химеры и горгульи; черное знамя Рагнера, с белым морским змеем и веселой рожой Смерти, достойно «красовалось» над очагом в достойной себя компании. Были в этой зале и два буфета, демонстрировавшие расписную и золоченую посуду; после часа Трезвения туда переносили с буфетного стола оставшиеся яства и кувшины. В тот же вечерний час дорогая посуда пропадала где-то в замке под надзором Линдспа Вохнесога, амфоры с вином прятались в погребе, но пивной бочонок не убирала до тех пор, пока его не опустошали или пока все не расходилось из обеденной залы в начале часа Любви. Напольные мелодичные часы с красочным циферблатом помогали не нарушать распорядка времени. Их колокольчики звенели единожды, зато каждый час.

Местные мясные угощения мало чем удивляли орензчан, в отличие от рыбных. Иногда появлялись блюда не очень привлекательные на вид и странные на вкус, но лодэтчане облизились и с удовольствием их вкушали. Ягодное вино пили столь же охотно, как вино из винограда, а также пиво – здесь веселый хлеб отнюдь не считался хлебом бедных, зато крепкое куренное вино аристократы Лодэнии в обществе пристойных дам не употребляли.

Сегодня, соблюдая приличия, Рагнер прошествовал за стол с супругой, а Аргуса попросил сопровождать Маргариту. С Енриити рядом шел принц Эккварт, довольный Лорко – с королевой Маргрэтой, не менее довольный и повеселевший Эгонн Гельдор пригласил засмущавшуюся Мирану. Брант Хамтвир ступал своими ножищами в обеденную залу без пары.

Аргус и Маргарита заняли стулья под сенью шатра, за тем столом, что был по правую руку Рагнера. Самое почетное место, конечно, досталось королеве, далее расположился ее «застольный муж», после него – принц Эккварта и Енриити, причем «быкоглазая прелестница» сперва оказалась рядом с Лорко, и тот ей по-дьявольски злорадно улыбнулся. Эккварт спас положение, пересев к нему, а Енриити переместив к мачехе, то есть к Маргарите. За Аргусом сидели Соолма, Диана Монаро и Линдсп. За левым от Хильде столом, за Хамтвирами, расположились Эгонн, Мирана, Магнус, Марлена и Пенера Фрабвик.

Лодэтчане пили из чаш, для орензчан поставили привычные для них бокалы, чему прислужники за большим дубовым столом непритворно дивились. Но сильнее прочих чужеземцев, уже второй вечер подряд, прислугу изумляла и пугала ангелоподобная Марлена, ведь кушала она при помощи двузубой вилки. Даже Мирана порой с ужасом поглядывала, как скромная, культурная, очаровательная Марлена подносит ко рту орудие Дьявола.

– Это причуды бронтаянцев, мона Вохнесог, – пояснил ей на лодэтском языке Эгонн, не ожидая, что «варвары-южане» его поймут. – В их медвежьем королевстве все блюда водянистые и разваренные настолько, что соскальзывают с ножа. Капуста – их любимейшая закуска... Не медведь должен быть их знаком, а заяц – трусливый и быстро убегающий.

Валора Хамтвир наградила его разъяренным взглядом, но ее опередил Магнус.

– Прошу меня извинить, Ваше Сиятельство, что вторгаюсь в беседу, – заговорил он полодэтски, – но не могу не заметить, что в Меридее храбрость бронтаянцев вошла в легенды. Разве Бронтая не побеждала в недавней войне, несмотря на то, что лодэтчанам помогала даже сверхдержава Санделия? А принижать отвагу достойного противника после победы над ним – стыд да глупость, – всё равно что принижать собственную доблесть.

– Ты кто таков? – разозлился Эгонн.

– Господин Магнус Махнгафасс, – улыбнулся ему тот. – Я родился на острове Утта, а моя супруга из Бронгаи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.